

Признание сделки недействительной и ответственность по договору: разъяснения ВС РФ

Подарок подписчикам журналов
«Юрист компании»
и «Арбитражная практика для юристов»

КИНО для крутых ЮРИСТОВ СМОТРЕТЬ БЕСПЛАТНО ОНЛАЙН

ВАС ЖДУТ:

САМЫЕ ПОПУЛЯРНЫЕ ЖАНРЫ — ОТ УГОЛОВНОГО ДО КОРПОРАТИВНОГО

БОЛЬШЕ 300 ЧАСОВ ОТБОРНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО КОНТЕНТА

АЛЛЕЯ СЛАВЫ ИЗ КАНДИДАТОВ И ДОКТОРОВ НАУК

НАГРАДА СЛУШАТЕЛЮ АКАДЕМИИ ЗА КАЖДЫЕ 3 ВИДЕО

СПЕЦЭФФЕКТЫ: РАСЧЕТЧИК НЕУСТОЙКИ, КАЛЬКУЛЯТОР ГОСПОШЛИНЫ,
ПОДБОР ВАКАНСИЙ, РАСЧЕТЧИК КАЛЕНДАРНЫХ ДНЕЙ

URACADEMY.RU

Признание сделки
недействительной
и ответственность
по договору:
разъяснения ВС РФ

Предисловие

В процессе подготовки этой книги она получила кодовое название «Разъяснения разъяснений». Звучит, конечно, смешно, но такова наша юридическая действительность.

Все мы знаем, что над реформой гражданского законодательства работают не только лучшие умы юридической науки, но и лучшие практики. Почему же Гражданский кодекс не идеален и Верховному суду приходится разъяснять его? Причин несколько.

Что-то разработчики не учли, о чем-то не договорились, что-то вспомнили в процессе обсуждения и дописали, потом изменения прошли три чтения в Госдуме... В результате некоторые положения ГК оказываются настолько далеки от первоначального проекта, что удивляют даже самих разработчиков.

Чтобы исключить недопустимые толкования и направить судебную практику в единое русло, Пленум Верховного суда выпустил несколько постановлений, разъясняющих судам неоднозначные положения ГК. Самые важные из них:

- от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»;
- от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»;
- от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»;
- от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении».

Но и этих многостраничных разъяснений оказалось недостаточно. Во-первых, не все вопросы, которые не решены в кодексе, попали в эти постановления. Во-вторых, что скрывать, не всегда можно сходу понять правовую позицию высшей судебной инстанции.

Эта книга включает в себя комментарии к основным правовым позициям о сделках, об исполнении в натуре, ответственности за нарушение договорного обязательства, а также ряда новых институтов, таких как преддоговорная ответственность и обязательства о возмещении потерь.

Надеюсь, книга поможет вам при решении практических вопросов.

Глава I

Комментарий к постановлению Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление Пленума ВС № 25).

Общие положения о сделках

50.

«По смыслу статьи 153 ГК РФ при решении вопроса о правовой квалификации действий участника (участников) гражданского оборота в качестве сделки для целей применения правил о недействительности сделок следует учитывать, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско-правовой договор, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ от исполнения обязательства, согласие физического или юридического лица на совершение сделки)».

Несмотря на то что в процессе реформы ст. 153 ГК РФ не подвергалась изменениям, Пленум ВС РФ останавливается на ее толковании.

Основная ценность этого пункта не в догматической квалификации сделки как волеизъявления. Это во многом неоднозначно¹. Кроме того, в нем есть внутреннее противоречие — договор как многосторонняя сделка содержит как минимум два направленных друг на друга волеизъявления, а не одно.

Практическая значимость разъяснения кроется в примерах относительно договора, выдачи доверенности, признания долга, заявления о зачете, одно-

---

¹ Подробное изложение развития учения о сделке в российской доктрине гражданского права см.: Белов В. А. Учение о сделке в российской доктрине гражданского права (литературный обзор) // Сделки: проблемы теории и практики: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2008. С. 5–118.

стороннего отказа от исполнения обязательства², согласия на совершение сделки³. Все эти юридические факты Пленум ВС РФ отнес к сделкам, поэтому к ним применяются положения о сделках. Кроме того, в разъяснении прямо сделан акцент на то, что список этих фактов и их квалификация как сделок имеет определенную цель — «применение правил о недействительности сделки». То есть любое из перечисленных действий можно лишить правового эффекта по правилам § 2 «Недействительность сделки» гл. 9 ГК РФ.

Наиболее проблемное в этом списке — признание долга.

Если признание долга — сделка, то для того, чтобы оно имело правовой эффект в виде прерывания срока исковой давности, необходимо доказать, что действия лица были направлены на признание долга с соответствующим эффектом. Кроме того, если говорить о юридических лицах, то такой подход ограничит круг лиц, которые смогут признавать долг. От имени юридического лица такие действия могут совершать лишь лица, которые действуют от его имени без доверенности, либо специально уполномоченные на признание долга. В этом случае акты сверки взаимных расчетов с подписью одного бухгалтера нельзя рассматривать как признание долга.

Вместе с тем в юридической литературе признание долга классически определяется как юридический поступок и суду не нужно устанавливать, что лицо своими действиями желало именно признать долг. Основа нормы о прерывании исковой давности по причине признания долга — не в том, что должник хочет продлить исковую давность. Суть в другом — он создает у кредитора разумные ожидания, что погасит долг, на которые кредитор полагается и не обращается в суд. В итоге кредитор не подает иск в суд в течение установленного срока не по собственному попустительству, а потому что разумно полагается на обещания должника⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что требование наличия воли на признание долга не вытекает из содержания рассматриваемого пункта.

Еще раз сделаем акцент на словах «в целях применения правил о недействительности сделки». Для российской доктрины и практики характерно рассуждение, согласно которому недействительными могут признать только сделки. И для применения нормы о недействительности необходимо, чтобы юридический факт безусловно был сделкой. Однако правовых последствий могут быть лишены не только сделки, но и любые юридические факты. Право может не признавать за каким-то происшествием эффекта юридического факта независимо от того, подпадает этот факт под определение сделки или

2 Об одностороннем отказе см. комментарий к п.п. 10–16 Постановления Пленума ВС № 7.

3 О согласии на совершение сделки см. комментарий к п.п. 53–57 Постановления Пленума ВС № 25.

4 См. об этом: Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 194–195.

5 См.: Ширвиндт А. М. Значение фикции в римском праве. М., 2013. С. 154.

нет⁵. Поэтому итоговый вывод, который можно сделать при толковании того, что признание долга упомянуто в списке п. 50, — признание долга может быть ничтожным и оспоримым по правилам § 2 гл. 9 «Недействительность сделки» ГК РФ. Пленум Верховного суда РФ не преследовал цель изменить ранее сложившийся правовой режим признания долга.

51.

«Согласно пункту 2 статьи 154 ГК РФ односторонней считается сделка, для совершения которой в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон необходимо и достаточно выражения воли одной стороны. Если односторонняя сделка совершена, когда законом, иным правовым актом или соглашением сторон ее совершение не предусмотрено или не соблюдены требования к ее совершению, то по общему правилу такая сделка не влечет юридических последствий, на которые она была направлена».

Этот пункт — логическое продолжение проблемы, которую Пленум ВС РФ поднял в п. 50:

- о признании ряда юридических фактов недействительными (а равно не обладающими правовым эффектом);
- основаниях их недействительности.

На первый взгляд п. 2 ст. 154 ГК РФ — воспроизведение формулы из учебника о делении сделок на односторонние и многосторонние: чтобы совершить одностороннюю сделку, необходимо и достаточно воли одной стороны. Однако этот пункт содержит важное нормативное правило, которое можно упустить, если не придать значения словам «в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон». Пленум предостерегает от этой ошибки. Он делает акцент на следствии указанного выражения — одностороннюю сделку должны предусматривать закон, иные правовые акты или соглашение сторон. То есть лицо не может совершить одностороннюю сделку, которая нигде не предусмотрена, придумать новую. Такая сделка «не влечет юридических последствий, на которые она была направлена». Отечественная догматика до конца не установила соотношения понятий «недействительность», «ничтожность», «порочность», «несуществование»⁶. Ничтожность во многом ассоциируется с необходимостью установить порок сделки, а после реформы ГК РФ также — нарушение публичного интереса или прав третьих лиц (п. 2 ст. 168 ГК РФ). По этой причине Пленум ВС РФ избежал слова «ничтожно», заменив его синонимичным

⁶ Там же. С. 145–162.

выражением «не влечет юридических последствий, на которые она была направлена».

Например, ничтожными будут:

- односторонний отказ от договора, если закон или договор его не предусматривают⁷,
- зачет, если отсутствуют условия для него,
- обещание дара, по которому собственность перейдет сразу после волеизъявления дарителя.

52.

«Последствия недобросовестных действий (бездействия) стороны сделки, способствовавших наступлению или ненаступлению условия, установлены пунктом 3 статьи 157 ГК РФ. Если наступлению условия недобросовестно воспрепятствовала сторона, которой наступление условия невыгодно, то условие признается наступившим. Если наступлению условия недобросовестно содействовала сторона, которой наступление условия выгодно, то условие признается ненаступившим.

По смыслу пункта 3 статьи 157 ГК РФ не запрещено заключение сделки под отменительным или отлагательным условием, наступление которого зависит в том числе и от поведения стороны сделки (например, заключение договора поставки под отлагательным условием о предоставлении банковской гарантии, обеспечивающей исполнение обязательств покупателя по оплате товара; заключение договора аренды вновь построенного здания под отлагательным условием о регистрации на него права собственности арендодателя)».

Судебная практика и доктрина долго обсуждали вопрос о допустимости так называемых «потестативных» условий, то есть тех, которые зависят от воли одной из сторон. Школьный пример — обещание подарить квартиру, если лицо женится. Пленум ВС РФ привел связанные с практикой примеры:

- заключение договора поставки под отлагательным условием о предоставлении банковской гарантии, обеспечивающей исполнение обязательств покупателя по оплате товара;
- заключение договора аренды вновь построенного здания под отлагательным условием о регистрации на него права собственности арендодателя.

При этом недопустимость подобных условий судебная практика выводила из п. 3 ст. 157 ГК РФ, который, по сути, цитируется в абз. 1 рассматри-

⁷ См. также комментарий к п. 12 Постановления Пленума ВС № 54.

ваемого пункта постановления⁸. Раз за выгодное содействие наступлению или ненаступлению условия установлено негативное последствие в виде фикции, соответственно ненаступления или наступления этого условия, значит, всегда должно применяться это негативное последствие. В сделке, в которой наступление (ненаступление) условия зависит от воли одной из сторон, всегда будет выполняться гипотеза п. 3 ст. 157 ГК РФ. Поэтому должны применяться последствия в виде описанной фикции.

Необходимо отметить, что для решения указанной проблемы можно выделить «чисто потестативные» и «смешанные» условия. Первые целиком и полностью зависят от воли одной стороны: «продам, если захочу», «возьму в аренду, если захочу» и т. п. В таких выражениях нет воли на возникновение правовых последствий, для этого необходимо еще одно волеизъявление. В этом смысле они действительно не производят эффекта (обязательств из договора купли-продажи, аренды и т. п.). Такие условия ничтожные. Хотя при конкретных обстоятельствах дела такие сделки можно квалифицировать, например, как опционные договоры. Смешанные условия — это условия, которые не исключительно связаны с дополнительным волеизъявлением стороны по сделке, но во многом зависят от ее действий (получить банковскую гарантию, зарегистрировать право собственности на вещь, переехать в другой город и т. п.).

В интересах оборота Пленум ВС РФ закрепил сложившееся в доктрине положение, согласно которому норма п. 3 ст. 157 не мешает признавать потестативные условия⁹. Такое условие будет действительным, если его наступление зависит в том числе полностью от поведения стороны сделки.

Параллельно с работой над проектом постановления № 25 шла законодательная работа над Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Общую часть обязательственного права ГК РФ дополнили ст. 327.1 «Обусловленное исполнение обязательства».

ЦИТАТА: «Исполнение обязанностей, а равно и осуществление, изменение и прекращение определенных прав по договорному обязательству, может быть обусловлено совершением или несвершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон» (ст. 327.1 ГК РФ).

8 См., напр.: Карапетов А. Г. Зависимость условия от воли сторон условной сделки в контексте реформы гражданского права // Вестник ВАС РФ. 2009. № 7. С. 28–93.

9 См.: Церковников М. А. Основные положения гражданского законодательства и общие правила о сделках в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации // Судья. 2015. № 10. С. 24.

Из этих положений можно вывести два правила:

1) под условие может быть поставлен не правовой эффект договора в целом (например, купля-продажа автомобиля вступит в силу, если продавца в течение месяца переведут на работу в другой город), а определенные права и обязанности по договору (например, подрядчик обязан предоставить банковскую гарантию, если в период выполнения работ сменится его исполнительный орган);

2) обстоятельства, которые представляют собой условия, могут в том числе полностью зависеть от воли одной из сторон.

Таким образом, закон признал потестативные условия. Однако в свете разъяснений Пленума ВС РФ ст. 327.1 ГК РФ утратила смысл. Статьи 157 и 327.1 ГК РФ, по сути, регулируют одну и ту же проблему, но в разных терминах. Так, статья 157 ГК РФ говорит о сделке (основании возникновения обязательства), в том числе части сделки (отдельном условии в договоре — основании отдельной обязанности). Статья 327.1 ГК РФ выражает те же идеи в терминах обязательственного права и регулирует результат, к которому приводит соглашение сторон, — возникновение отдельных прав и обязанностей.

Пленум ВС РФ посвятил п.п. 53–57 Постановления № 25 институту согласия на совершение сделки. Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ дополнил ГК РФ нормой общего характера, которая объединила (унифицировала) правила о согласии третьего лица на совершение сделки, — ст. 157.1. Концепция развития гражданского законодательства¹⁰ в качестве примеров подобных согласий приводила согласия:

- на отчуждение жилого помещения, в котором проживают несовершеннолетние (п. 4 ст. 292 ГК РФ);
- перевод долга на другое лицо (п. 1 ст. 391 ГК РФ);
- изменение или расторжение договора, заключенного в пользу третьего лица (п. 3 ст. 430 ГК РФ);
- совершение арендатором сделок с арендованным имуществом и арендными правами (п. 2 ст. 615 ГК РФ);
- заключение заказчиком договоров на выполнение отдельных работ с иными лицами, помимо генерального подрядчика (п. 4 ст. 706 ГК РФ);
- передачу хранителем вещи на хранение третьему лицу (ст. 895 ГК РФ);
- передачу доверительным управляющим функций управления другому лицу (ст. 1021 ГК РФ).

---

¹⁰ Пункт 1.4 § 1 разд. IV Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации, рекомендованной Президиумом Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства к опубликованию в целях обсуждения (протокол от 11.03.2009 № 2) (далее — Концепция развития гражданского законодательства).

53.

«Если иное прямо не следует из закона или иного правового акта, статья 157.1 ГК РФ применяется к любому согласию третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления на совершение гражданско-правовой сделки. При этом, например, правила о согласии на совершение сделок, предусмотренные Федеральным законом от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ “Об акционерных обществах” и Федеральным законом от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ “Об обществах с ограниченной ответственностью”, являются специальными по отношению к общим положениям статьи 157.1 ГК РФ».

Законодатель задумывал ст. 157.1 ГК РФ как общую норму для всех видов согласий на совершение сделки. Ее цель была — унифицировать режимы согласий. Однако итоговая редакция начинается со слов: «Правила настоящей статьи применяются, если другое не предусмотрено законом или иным правовым актом». С учетом того, что ст. 157.1 ГК РФ расположена в общих положениях о сделках, естественно, что если в нормах о конкретном виде сделок будет указано иное, применению подлежит специальный закон. Эту мысль Пленум повторяет в Постановлении № 25. При этом он специально выделяет законы о корпорациях, поскольку согласия на совершение крупных сделок и сделок к заинтересованностью — самые распространенные случаи выдачи согласия¹¹.

54.

«В силу принципа осуществления гражданских прав своей волей и в своем интересе (пункт 2 статьи 1 ГК РФ) третье лицо, орган юридического лица, а также государственный орган или орган местного самоуправления, если такой орган действует с целью защиты интересов соответствующего публично-правового образования в гражданских правоотношениях (пункт 1 статьи 124 ГК РФ), не обязаны давать согласие на совершение сделки. Молчание не считается согласием на совершение сделки, за исключением случаев, установленных законом (пункт 4 статьи 157.1 ГК РФ). Если третье лицо или соответствующий орган, действующий от имени публично-правового образования как участника

---

¹¹ Что, возможно, изменится после реформы института крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Об этой реформе см.: Кузнецов А. А. Реформа крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Что изменилось в регулировании // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 1. С. 72–78.

гражданских правоотношений, не ответили на запрос стороны сделки в разумный срок (пункт 2 статьи 157.1 ГК РФ), считается, что в даче согласия отказано. Однако указанное обстоятельство не препятствует в дальнейшем выражению согласия на совершение сделки или ее последующему одобрению.

Если необходимость получения согласия государственного органа или органа местного самоуправления вызвана осуществлением им публичной функции (например, пункт 4 статьи 292 ГК РФ) и не затрагивает интересов соответствующего публично-правового образования как участника гражданских правоотношений, то соответствующий орган обязан дать ответ о своем согласии или несогласии.

В случае нарушения этой обязанности заинтересованное лицо вправе требовать возмещения причиненных убытков (статьи 15, 1069 ГК РФ). Решение такого органа может быть оспорено в судебном порядке как в связи с нарушением процедуры его принятия, так и по мотивам несогласия с основаниями принятого решения».

В этом пункте приведена важная классификация согласий на совершение сделки:

1) согласия «в своих интересах», цель получения которых — защита интересов лица, дающего согласие;

2) согласия «в целях контроля», цель получения которых — контроль и надзор за сделкой в интересах других лиц.

Приводимые в Концепции согласия установлены в интересах лица, согласие которого необходимо, чтобы стороны сделки не вторгались произвольно в его правовую сферу. Например, необходимость согласия кредитора на перевод долга направлена на то, чтобы произвольно нельзя было сменить должника в обязательстве. Одобрять или не одобрять сделку в таких случаях лицо может произвольно, без объяснения причин. Поскольку закон установил необходимость согласия в интересах такого лица, то только он может знать, что больше им соответствует. Эта мысль выражена в абз. 1 п. 54.

С другой стороны, необходимость согласия может преследовать иную цель — защитить интересы других лиц или публичные интересы. Например, п. 4 ст. 292 ГК РФ позволяет отчуждать жилое помещение, в котором проживает несовершеннолетний, с согласия органа опеки и попечительства. Последний в таких случаях действует в интересах несовершеннолетнего и не может произвольно одобрить или не одобрить сделку, если есть соответствующие основания. Одобрять или не одобрять сделку — не право, а обязанность соответствующего органа контроля. Поэтому его решение можно оспорить, в том числе по мотивам его принятия. Если орган публичной власти нарушит эту обязанность, то должен будет возместить убытки.

Концепция развития гражданского законодательства предполагала, что согласия «в целях контроля» не должны попадать под ст. 157.1 ГК РФ. Однако ее буквальный текст и то обстоятельство, что сам ГК РФ устанавливает необходимость таких согласий, потребовали провести разграничение.

Абзац 2 п. 54 Пленум посвятил квалификации молчания лица, от которого требуется согласие в его интересах. Этот абзац как бы разрывает классификацию, и его место на первый взгляд кажется нелогичным. Однако расположение после разъяснения о согласиях «в своих интересах» подчеркивает сферу действия этой правовой позиции. Молчание возможно только со стороны частных лиц. Если закон устанавливает необходимость согласия «в целях контроля», то при взаимодействии органов публичной власти и заявителей действуют нормы публичного права, например, Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», которые запрещают органам публичной власти не отвечать на соответствующие обращения.

55.

«Согласие третьего лица на совершение сделки может быть выражено любым способом, за исключением случаев, когда законом установлена конкретная форма согласия (например, пункт 3 статьи 35 СК РФ).

Согласие органа публично-правового образования должно быть выражено в письменной форме (в виде ненормативного правового акта, письма и т. п.).

При этом согласие третьего лица может быть адресовано любому из контрагентов сделки.

Согласно пункту 3 статьи 157.1 ГК РФ согласие на совершение сделки может быть как предварительным, так и последующим (одобрение)».

Пленум ВС РФ посвятил первые два абзаца этого пункта форме согласия. Устанавливая свободу формы для согласий физических и юридических лиц, Пленум ограничивает ее для согласий публично-правовых образований, которые должны быть выражены в письменной форме. Несмотря на то что абз. 2 не содержит мотивов такого решения, очевидно, что оно основано на наличии многочисленных норм публичного права о порядке функционирования органов, представляющих публично-правовое образование и обязанных извлекать свою волю в определенной форме.

Абзац 2 п. 55 исходит из того, что согласие — это сделка¹², которая требует восприятия. То есть, чтобы оно произвело эффект, его необходимо доста-

¹² То же в п. 50 Постановления Пленума ВС № 25.

вить¹³ субъектам сделки, которая требует одобрения. Согласно п. 2 ст. 157.1 ГК РФ о своем согласии либо об отказе в нем третье лицо или соответствующий орган сообщает лицу, запросившему согласие, либо иному заинтересованному лицу в разумный срок после получения обращения лица, запросившего согласие. Рассматриваемое разъяснение очерчивает круг таких заинтересованных лиц — это стороны сделки, на совершение которой требуется согласие. При этом достаточным является получение согласия хотя бы одним из участников сделки, что направлено на защиту их интересов. Выразив свое согласие хотя бы одному из участников сделки, третье лицо уже создало у него разумные ожидания на то, что сделка может быть совершена и в дальнейшем не будет оспорена. Последующие ссылки третьего лица на то, что согласие не было получено другой стороной сделки, будут означать противоречивое недобросовестное поведение и не могут быть признаны судом.

Последний (четвертый) абзац повторяет положение ГК РФ о том, что лицо теряет право на оспаривание сделки и тогда, когда одобрит ее после совершения.

56.

«Лицо, дающее предварительное согласие, вправе дополнительно указать условия, на которых оно согласно с тем, чтобы сделка была совершена. Несоблюдение сторонами сделки названных условий дает третьему лицу право на ее оспаривание на основании статьи 173.1 ГК РФ.

Третье лицо вправе дать одно согласие на совершение нескольких сделок. При этом статья 157.1 ГК РФ не предусматривает возможности выдачи общего согласия третьего лица на совершение любых сделок с конкретно неопределенным имуществом. Допустимость такого согласия может быть предусмотрена законом или вытекать из особенностей правоотношений сторон сделки и третьего лица, согласующего ее».

Разъяснение из абз. 1 — логическое следствие квалификации согласия как самостоятельной сделки (п. 50 Постановления № Пленума ВС 25). К согласию применяются все положения о сделках, в том числе ст. 157 ГК РФ об условиях сделок. Поскольку необходимость согласия установлена в интересах того лица, которое одобряет или не одобряет сделку, оно вправе максимально выгодно для себя определить, когда совершение сделки не будет нарушать его интересов, в том числе установить необходимость наступления (ненаступления) определенных условий.

¹³ См. комментарий к п.п. 63–68 Постановления Пленума ВС № 25.

Пункт 2 ст. 157.1 ГК РФ говорит о том, что в предварительном согласии должен быть определен предмет сделки. Абзац 2 рассматриваемого пункта Постановления № 25 толкует эту норму ограничительно в том смысле, что согласие не может быть дано на совершение любых сделок с любым имуществом и должно обладать некоторой степенью определенности, однако детального указания всех условий сделки или сделок, на совершение которых дается согласие, не требуется. Кроме того, само по себе такое согласие не является ничтожным (то есть отсутствующим). Характер отношений сторон сделки и третьего лица может лишать последнего права оспаривать сделку, если это лицо дало согласие в максимально широкой форме.

57.

«Третье лицо, давшее предварительное согласие на совершение сделки, вправе отозвать его, уведомив стороны сделки до момента ее совершения и возместив им убытки, вызванные таким отзывом (статья 15 ГК РФ).

Поскольку гражданским законодательством не установлены правила об отзыве согласия третьего лица на совершение сделки, в таком случае по аналогии закона подлежат применению положения об отзыве акцепта (пункт 1 статьи 6, статья 439 ГК РФ). Отзыв согласия, сообщение о котором поступило сторонам сделки после ее совершения, считается несостоявшимся. Отзыв предварительного согласия после совершения сделки, равно как и отзыв осуществленного последующего согласия (одобрение) не могут служить основанием для признания сделки недействительной. Согласие на совершение сделки может быть признано недействительным применительно к правилам главы 9 ГК РФ. В частности, согласие, данное третьим лицом под влиянием существенного заблуждения, обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств, может быть оспорено в соответствии со статьями 178 и 179 ГК РФ. При признании согласия на совершение сделки недействительным сделка может быть оспорена по мотиву отсутствия необходимого в силу закона согласия по правилам статьи 173.1 ГК РФ».

Пункт 57 Постановления Пленума ВС № 25 можно поделить на две тематические части.

1. Ситуация, когда лицо отзывает согласие на совершение сделки (первые два абзаца). Эту ситуацию закон не регулирует. Пленум предоставил третьему лицу право «передумать» и сохранить право на оспаривание сделки даже после того, как стороны сделки получили согласие, однако саму сделку еще не совершили. При этом третье лицо обязано возместить сторонам возник-

шие у них убытки. Например, если стороны уже начали готовиться к заключению сделки и понесли соответствующие расходы, разумно полагаясь на полученное согласие, то третье лицо обязано их возместить.

Вместе с тем необходима правовая определенность в отношениях сторон, третьего лица и сторон. Поэтому такое право требуется ограничить. Временная граница возможности «передумать» у третьего лица — момент, когда стороны совершили сделку. В этот момент выполняется весь состав, который необходим для правового эффекта сделки.

2. Ситуация, когда необходимо признать согласие и (или) сделку недействительной (последние два абзаца). Эти разъяснения логически связаны с содержанием п. 50 и абз. 1 п. 56 Постановления № 25. Пленум ВС РФ более подробно изложил мысль из п. 50 о том, что согласие на совершение сделки — также самостоятельная сделка. Чтобы договор, который требует согласия третьего лица, не находился под угрозой оспаривания, необходимы две сделки: сам договор и согласие. При этом порочное согласие можно признать как ничтожным, так и оспоримым по правилам гл. 9 ГК РФ, а договор, который стороны заключили без согласия, — оспоримой сделкой на основании ст. 173.1 ГК РФ.

Пункты 58–62 Постановления № 25 Пленум посвятил разъяснениям п. 4 ст. 165 ГК РФ о специальном (годовичном) сроке исковой давности по требованиям:

- о признании действительной сделки, которую совершили без необходимой нотариальной формы,
- о понуждении к государственной регистрации сделки.

58.

«Если одна из сторон полностью или частично исполнила сделку, требующую нотариального удостоверения, а другая сторона приняла исполнение и уклоняется от такого удостоверения, суд по требованию стороны, исполнившей сделку, вправе признать сделку действительной. Годичный срок исковой давности по указанному требованию исчисляется с момента, когда истец узнал или должен был узнать о том, что другая сторона уклоняется от нотариального удостоверения (пункт 4 статьи 165, пункт 1 статьи 200 ГК РФ)».

59.

«Если сделка, требующая государственной регистрации, совершена в надлежащей форме, но одна из сторон уклоняется от ее регистрации, суд по требованию другой стороны вправе вынести решение о регистрации сделки. В этом случае сделка регистрируется в соответствии с решением суда. Годичный

срок исковой давности по указанному требованию исчисляется с момента, когда истец узнал или должен был узнать о том, что другая сторона уклоняется от государственной регистрации (пункт 4 статьи 165, пункт 1 статьи 200 ГК РФ)».

Пункты 58 и 59 определяют момент, с которого начинается срок исковой давности по названным требованиям. Его устанавливают по общим положениям об исковой давности — с момента, когда лицо, право которого нарушено, узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о личности правонарушителя. Так как в данном случае личность правонарушителя известна изначально (контрагент по сделке), то решающее значение имеет момент, в который потерпевший узнал о нарушении своего права.

61.

«Сторона, фактически исполнявшая сделку до ее необходимой государственной регистрации, не вправе ссылаться на истечение срока исковой давности по требованию другой стороны о ее государственной регистрации (пункт 2 статьи 10, пункт 3 статьи 433 ГК РФ)».

Этот пункт — ключевой в данном блоке разъяснений и касается не столько споров о применении исковой давности, сколько выражает общее отношение высшей судебной инстанции к значению государственной регистрации для действительности (заключенности) договора. Положение, согласно которому государственная регистрация сделки имеет значение только в том, что права и обязанности по этой сделке могут быть противопоставлены третьим лицам, однако сам факт регистрации не влияет на возникновение прав и обязанностей сторон договора¹⁴, было воспринято судебной практикой еще в п.п. 3, 4 информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными». Согласно разъяснениям Президиума ВАС:

1) сторона договора, который не прошел необходимую государственную регистрацию, не вправе на этом основании ссылаться на его незаключенность;

2) лицо, которому вещь передана во владение по договору аренды, подлежащему государственной регистрации, но не зарегистрированному, по общему правилу не может ссылаться на его сохранение при изменении собственника.

Таким образом, обязательства между сторонами возникают независимо от факта государственной регистрации договора. Однако на права и обязан-

¹⁴ См. об этом: Церковников М. А. Регистрация сделок с недвижимостью во Франции: принцип противопоставимости // Вестник ВАС РФ. 2012. № 3.

ности третьих лиц этот договор не может оказывать влияния. Так, по незарегистрированному договору аренды, который заключен на срок больше года, у арендатора нет права следования (ст. 617 ГК РФ) в случае смены собственника арендованной вещи.

Теоретическое обоснование такого подхода — отношение к записи в реестре не как к правопорождающему, а как к правоподтверждающему факту. Она служит источником информации о правах и обязанностях для третьих лиц, когда частные договоренности могут повлиять на их правовую сферу. Тем, что лицо исполняет договор, оно подтверждает свою волю на вступление в обязательство, создает разумные ожидания другой стороны сделки на ее действительность (заключенность). Последующие ссылки на отсутствие государственной регистрации представляют собой противоречивое поведение, которое не заслуживает защиты.

Впоследствии законодатель закрепил эту концепцию «противопоставимости» в п. 3 ст. 433 ГК РФ. Согласно ему договор, который подлежит государственной регистрации, считается для третьих лиц заключенным с момента его регистрации, если иное не установлено законом.

Пункт 61 Постановления Пленума ВС № 25 продолжает эту идею и говорит о том, что сторона, исполнившая сделку, то есть создавшая видимость ее действительности, не вправе в дальнейшем ссылаться на исковую давность по требованию о ее государственной регистрации.

62.

«Сокращенный (годовой) срок исковой давности, установленный в пункте 4 статьи 165 ГК РФ, не распространяется на требование одной стороны сделки к другой стороне о возмещении убытков, вызванных уклонением последней от нотариального удостоверения или государственной регистрации этой сделки (статья 15 ГК РФ, пункт 3 статьи 165 ГК РФ). К названному требованию подлежит применению общий срок исковой давности (статья 196 ГК РФ)».

Пункты 1–3 ст. 165 ГК РФ называют три вида требований, которыми обладает сторона, если у сделки нет нотариальной формы или государственной регистрации:

- пункт 1 говорит о возможности признать сделку действительной;
- пункт 2 — о понуждении к государственной регистрации сделки;
- пункт 3 устанавливает возможность требовать убытки, которые возникли у другой стороны сделки в связи с тем, что ее контрагент уклонялся от совершения нотариальной формы или государственной регистрации.

Согласно п. 4 ст. 165 ГК РФ срок исковой давности по требованиям, указанным в данной статье, составляет один год.

Такая структура ст. 165 ГК РФ вызвала вопрос о том, применяется ли годичный срок исковой давности к требованию о взыскании убытков по п. 3 этой нормы.

В пункте 62 Постановления № 25 Пленум ВС РФ использует телеологическое толкование. Нет разумных оснований для сокращенного срока исковой давности к требованию о взыскании убытков.

Если суд удовлетворит требования о действительности сделки и о государственной регистрации, то сторона должна будет исполнять обязательство. В такой ситуации возможно предъявить требование максимально быстрого установления определенности в отношениях сторон и установить сокращенный срок исковой давности. Однако таких причин нет для требования о взыскании убытков. Кроме того, п. 3 ст. 165 ГК РФ, по сути, не закрепляет требования о взыскании убытков. Оно было бы возможно и на основании общих положений об ответственности за нарушение обязательств. Поэтому к данному требованию предъявляется общий (3-летний) срок исковой давности.

Пленум ВС РФ посвятил п.п. 63–68 новелле ГК РФ о юридически значимых сообщениях в ст. 165.1. Она содержит два правила:

1) последствия юридически значимых сообщений наступают с момента их доставки адресату;

2) адресат несет риск неполучения юридически значимого сообщения по обстоятельствам, которые зависят от него.

Пленум раскрыл эти правила, причем определил моменты доставки сообщения в различных ситуациях, а также описал некоторые примеры обстоятельств, когда неполучение сообщения зависит от адресата. Кроме того, в Постановлении № 25 он разрешил один из важнейших вопросов о сфере действия этой статьи.

63.

«По смыслу пункта 1 статьи 165.1 ГК РФ юридически значимое сообщение, адресованное гражданину, должно быть направлено по адресу его регистрации по месту жительства или пребывания либо по адресу, который гражданин указал сам (например, в тексте договора), либо его представителю (пункт 1 статьи 165.1 ГК РФ).

С учетом положения пункта 2 статьи 165.1 ГК РФ юридически значимое сообщение, адресованное гражданину, осуществляющему предпринимательскую деятельность в качестве индивидуального предпринимателя (далее — индивидуальный пред-

приниматель), или юридическому лицу, направляется по адресу, указанному соответственно в едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей или в едином государственном реестре юридических лиц либо по адресу, указанному самим индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом.

При этом необходимо учитывать, что гражданин, индивидуальный предприниматель или юридическое лицо несут риск последствий неполучения юридически значимых сообщений, доставленных по адресам, перечисленным в абзацах первом и втором настоящего пункта, а также риск отсутствия по указанным адресам своего представителя. Гражданин, сообщивший кредиторам, а также другим лицам сведения об ином месте своего жительства, несет риск вызванных этим последствий (пункт 1 статьи 20 ГК РФ). Сообщения, доставленные по названным адресам, считаются полученными, даже если соответствующее лицо фактически не проживает (не находится) по указанному адресу. Если лицу, направляющему сообщение, известен адрес фактического места жительства гражданина, сообщение может быть направлено по такому адресу.

При наличии у иностранного юридического лица представителя на территории Российской Федерации сообщения, доставленные по адресу такого представителя, считаются полученными иностранным юридическим лицом (пункт 3 статьи 54 ГК РФ). Адресат юридически значимого сообщения, своевременно получивший и установивший его содержание, не вправе ссылаться на то, что сообщение было направлено по неверному адресу или в ненадлежащей форме (статья 10 ГК РФ)».

64.

«Правила статьи 165.1 ГК РФ о юридически значимых сообщениях применяются, если иное не предусмотрено законом или условиями сделки либо не следует из обычая или из практики, установившейся во взаимоотношениях сторон (пункт 2 статьи 165.1 ГК РФ).

Договором может быть установлено, что юридически значимые сообщения, связанные с возникновением, изменением или прекращением обязательств, основанных на этом договоре, направляются одной стороной другой стороне этого договора исключительно по указанному в нем адресу (адресам) или исключительно предусмотренным договором способом. В таком

случае направление сообщения по иному адресу или иным способом не может считаться надлежащим, если лицо, направившее сообщение не знало и не должно было знать о том, что адрес, указанный в договоре, является недостоверным».

67.

«Бремя доказывания факта направления (осуществления) сообщения и его доставки адресату лежит на лице, направившем сообщение.

Юридически значимое сообщение считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило лицу, которому оно направлено, но по обстоятельствам, зависящим от него, не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним (пункт 1 статьи 165.1 ГК РФ). Например, сообщение считается доставленным, если адресат уклонился от получения корреспонденции в отделении связи, в связи с чем она была возвращена по истечении срока хранения. Риск неполучения поступившей корреспонденции несет адресат. Если в юридически значимом сообщении содержится информация об односторонней сделке, то при невручении сообщения по обстоятельствам, зависящим от адресата, считается, что содержание сообщения было им воспринято, и сделка повлекла соответствующие последствия (например, договор считается расторгнутым вследствие одностороннего отказа от его исполнения)».

В абзацах 1–3 п. 63 Постановления Пленума ВС № 25 детально описываются адреса, по которым необходимо направлять юридически значимые сообщения гражданам, индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам. Приоритет имеет адрес, который указан в договоре. Если такого указания нет или отсутствуют договорные отношения, то сообщения отправляют:

- по месту постоянного места жительства — для граждан;
- по адресу, указанному в реестре, — для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Если направить юридически значимые сообщения по этим адресам, то будет считаться, что адресат их воспринял. При этом не имеет значения, получил он эти сообщения фактически или нет.

Отдельный вопрос касается ситуации, когда отличаются адрес, указанный в договоре, и адрес постоянного места жительства или регистрации юридического лица. Будет ли считаться, что адресат воспринял юридически значимые сообщения, если их направили по адресу регистрации? Один из вариантов ответа можно вывести из буквального содержания последнего предложения абз. 3 п. 63: «Сообщения... считаются полученными, даже если соответ-

ствующее лицо фактически не проживает (не находится) по указанному адресу». То есть сообщение будет считаться воспринятым, если его направить по любому из указанных адресов (альтернативно). Однако из системного толкования п. 63 с общими правилами и п. 64, который подчеркивает диспозитивность предложенных решений, следует иной ответ. Так, если стороны указали в договоре адрес, отличный от адреса регистрации, то адресат не будет нести риск неполучения сообщения по адресу регистрации. Если нет доказательств того, что адресат фактически воспринял сообщение, то презумпция его доставки по месту регистрации не действует.

Цель, которую преследовал законодатель, когда формулировал правила о доставке юридически значимых сообщений, — ввести презумпцию того, когда сообщение должно считаться полученным. Эти презумпции не применяются, когда есть доказательства, что сообщение фактически получено. Эту идею Пленум заложил в последний абзац п. 63: лицо не может ссылаться на необходимость доставки сообщения по определенному адресу, если оно его фактически получило.

66.

«В юридически значимом сообщении может содержаться информация о сделке (например, односторонний отказ от исполнения обязательства) и иная информация, имеющая правовое значение (например, уведомление должника о переходе права (статья 385 ГК РФ))».

68.

«Статья 165.1 ГК РФ подлежит применению также к судебным извещениям и вызовам, если гражданским процессуальным или арбитражным процессуальным законодательством не предусмотрено иное».

Пункт 66 постановления является ключевым для определения того, как представляет высшая судебная инстанция роль юридически значимых сообщений по российскому праву. В литературе можно обнаружить взгляд, согласно которому юридически значимые сообщения являются самостоятельным видом юридических фактов наряду с юридическими действиями, поступками и событиями наподобие сделкоподобных действий, выделяемых в немецком правопорядке¹⁵. Однако ст. 165.1 ГК РФ содержит удачные правила взаимодействия и обмена сообщениями между отсутствующими, применимые во многих ситуациях правового общения, в том числе для сделок, требую-

---

¹⁵ См., напр.: Евстигнеев Э. А. Правовая природа юридически значимых сообщений // Вестник гражданского права. 2012. № 5.

сих восприятия (то есть сделок, эффект которых наступает только после восприятия соответствующего волеизъявления другой стороной). В этом смысле правила о юридически значимых сообщениях были истолкованы не как нормы о новом виде юридических фактов, а как нормы о способах выражения и передачи субъектами информации, обладающей значением в праве, безотнositельно того, можно ли назвать это волеизъявлением или нет.

Такой подход позволил расширить применение сферы действия указанных удачных правил, распространив его на сделки, и даже использовать межотраслевую аналогию и применять эти правила к процессуальным извещениям, что долгое время составляло проблему, поскольку в ГК РФ соответствующие нормы отсутствовали.

Недействительность сделок

70.

«Сделанное в любой форме заявление о недействительности (ничтожности, оспоримости) сделки и о применении последствий недействительности сделки (требование, предъявленное в суд, возражение ответчика против иска и т. п.) не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (пункт 5 статьи 166 ГК РФ)».

Верховный суд открыл раздел о недействительности сделок разъяснением о том, что лицо не вправе признать сделку недействительной и применить последствия недействительности, если действует недобросовестно. Начало разъяснений именно с этой общей идеи продолжает идеологию Концепции развития гражданского законодательства¹⁶, которая была направлена на максимальное уменьшение количества случаев необоснованного разрушения договоренностей путем использования правил о недействительности сделки. В результате в п. 5 ст. 166 ГК РФ появилась следующая норма: «Заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки».

В Концепции развития гражданского законодательства введение подобного законодательного регулирования обосновывалось тем, что необходимо

¹⁶ Пункт 1.1 разд. V Концепции развития гражданского законодательства.

пресечь недобросовестное поведение сторон, когда «заведомо зная о недействительности сделки, они сознательно идут на ее совершение, надеясь получить возможные для себя выгоды от такой сделки».

Появлению этой нормы в ГК РФ предшествовало конкретное дело, рассмотренное Президиумом ВАС РФ¹⁷. В рамках этого дела суды установили, что между экспедитором и страховщиком был заключен договор страхования ответственности экспедитора за утрату груза по договору транспортной экспедиции. Страховой случай наступил. Однако страховщик отказался выплатить страховое возмещение со ссылкой на то, что договор страхования является ничтожным. При этом страховщик сослался на п. 1 ст. 932 ГК РФ, согласно которому страхование риска ответственности за нарушение договора допускается лишь в случаях, предусмотренных законом. Ни ГК РФ, ни Федеральный закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности», ни какой-либо другой закон не содержат нормы о страховании экспедиторами своей ответственности по договору. Из этого страховщик сделал вывод, что подобные договоры противоречат закону и являются ничтожными. Суды первой и кассационной инстанций признали требования экспедитора обоснованными. Президиум ВАС согласился с этой позицией. Он указал, что у страховщика нет материального интереса, который подлежит защите. Стороны заключили договор на условиях, которые предложила страховая компания. Причем она руководствовалась правилами страхования ответственности экспедитора, которые сама же и утвердила. Они были общими для всех, кто обращался за страхованием рисков, связанных с экспедиторской деятельностью. То есть страховая компания уже заключала подобные договоры и осознавала их правовые последствия. В результате Президиум ВАС РФ пришел к выводу, что страховая компания нарушила пределы осуществления гражданских прав, установленные ст. 10 ГК РФ. Аналогичную позицию высказала Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ в определении от 20.07.2015 № 307-ЭС15-1642¹⁸ в отношении страхования ответственности перевозчика автомобильным транспортом.

Так, механизм установивший справедливость в рамках конкретного дела, был возведен в общее правило, являющееся продолжением принципа

17 См. постановление Президиума ВАС РФ от 13.04.2010 № 16996/09 и комментарий к нему: Ширвиндт А. М. Комментарий к постановлению Президиума ВАС РФ от 13.04.2010 № 16996/09 // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2010 год с комментариями / под ред. И. А. Иванова. М., 2015. С. 485–498; Его же. Ссылка на ничтожность сделки как злоупотребление правом. Изобретение судов, закрепленное в законе // Арбитражная практика. 2015. № 7. С. 24–41.

18 Это определение включено в Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2016) (утв. Президиумом ВС РФ 19.10.2016).

о запрете противоречивого поведения. Один из примеров реализации данного принципа можно увидеть в определении СК по экономическим спорам ВС РФ от 14.06.2016 № 306-ЭС16-606. В этом деле лицо (победитель аукциона), когда заключало государственный контракт, предоставило поддельную банковскую гарантию. Когда возник спор, оно стало ссылаться на недействительность контракта, так как не было надлежащего обеспечения. Судебная коллегия отметила, что победитель аукциона сослался на обстоятельства, которые возникли из-за его недобросовестных действий. Заказчик о них не знал и не должен был знать на момент заключения договора. В итоге суд пришел к выводу, что победитель аукциона на право заключения государственного контракта не может ссылаться на его недействительность и требовать применения последствий недействительности.

Формулировка п. 5 ст. 166 ГК РФ вызывает дополнительные вопросы при ее применении. Верховный суд ответил на два из них.

Вопрос 1. К каким сделкам применяется п. 5 ст. 166 ГК РФ: только к оспоримым или к оспоримым и ничтожным?

Согласно п. 70 Постановления Пленума ВС № 25 недобросовестным поведением может быть как ссылка на оспоримость, так и ссылка на ничтожность сделки.

Правила об оспоримости направлены на защиту интересов конкретного лица. Если суд установит, что такого интереса нет, то откажет в иске о признании сделки недействительной. Поскольку оспоримые сделки изначально действительны, то такой отказ ничего не меняет в отношениях сторон и сделка остается действительной. Например, в одном деле акционер требовал признать сделку недействительной. Он сослался на то, что не давал письменного согласия на нее, хотя она являлась крупной и требовала одобрения. Однако из фактических обстоятельств дела следовало, что акционер не мог не знать об этой сделке и ее совершение было выгодно акционерному обществу. Суд отказал в удовлетворении иска в силу п. 4 ст. 1 и п.п. 1 и 2 ст. 10 ГК РФ (определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 15.09.2014 № 305-ЭС14-68¹⁹).

Запрет противоречивого поведения сложнее применить к ничтожным сделкам. Законодатель установил правила о них для защиты как стороны сделки, так и публичных интересов и интересов третьих лиц. Если применять п. 5 ст. 166 ГК РФ к ничтожным сделкам, то это может привести к легализации изначально незаконных соглашений. Например, на основании этого пункта можно запретить продавцу ссылаться на ничтожность договора купли-продажи наркотических средств. Это абсурд, так как он ничтожен по ст. 169 ГК РФ.

---

¹⁹ Это определение включено в Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2014) (утв. Президиумом ВС РФ 24.12.2014).

Более актуальны примеры с государственными закупками. Если между победителем торгов и заказчиком есть конфликт интересов, то их государственный (муниципальный) контракт является ничтожным, так как нарушает публичные интересы и права третьих лиц. Причем государственного заказчика нельзя понудить исполнить контракт, который он заключил при наличии конфликта интересов (п.п. 9 и 10 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении пункта 9 части 1 статьи 31 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (утв. Президиумом ВС РФ 28.09.2016)). Однако ВС РФ прямо не указал на то, что п. 5 ст. 166 ГК РФ в таком случае не применяется. Мыслима ситуация, когда исполнитель начнет ссылаться на то, что заказчик знал о конфликте интересов и поэтому на основании п. 5 ст. 166 ГК РФ контракт является действительным. Но ничтожность договора обоснована именно публичными интересами. Суд не может легализовать его исполнение ни при каких обстоятельствах. Кроме того, ничтожные сделки изначально недействительны. Может ли сделка стать действительной на основании того, что суд не примет заявление стороны о ничтожности? Однозначно ответить на этот вопрос исходя из норм российского права не представляется возможным²⁰. Все эти аргументы можно высказать против применения п. 5 ст. 166 ГК РФ к ничтожным сделкам.

Вместе с тем многие запреты устаревают, и законодатель не успевает их отменить. Например, запрет экспедиторам страховать свою ответственность — очевидное упущение законодателя. Цель этого правила — повысить договорную дисциплину²¹. Однако отвечать можно и за случайную утрату груза (кража, возгорание транспортного средства, столкновение транспортных средств). Это никак не зависит от поведения экспедитора, и запрет на страхование не влияет на улучшение качества его услуг. В такой ситуации предоставление судам возможности констатировать, что публичный интерес в отношениях отсутствует и запрет, по сути, устарел, является одним из возможных вариантов реагирования на неповоротливость законодательной системы.

Это решение также соответствует п. 2.7 разд. V Концепции развития гражданского законодательства. В нем предлагалось предоставить суду право признавать действительными ничтожные сделки, если ссылка на ничтожность является злоупотреблением правом.

---

20 См.: Старцева Ю. В. Общие положения о недействительности сделок в свете разъяснений Верховного Суда Российской Федерации // Судья. 2015. № 10. С. 63.

21 См.: Фогельсон Ю. Б. Страхование договорной ответственности: если нельзя, но очень нужно. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20.07.2015 № 307-ЭС15-1642 // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 10.

Вопрос 2. Как толковать слово «заявление» о недействительности сделки? Это может быть как иск, так и возражение на иск. Такое толкование — логическое продолжение распространения сферы действия п. 5 ст. 166 ГК РФ на ничтожные сделки. Ведь требование о ничтожности может заявляться как в форме иска, так и в форме возражения на иск. Этот подход отвечает пояснительной записке к проекту федерального закона № 47538-6²².

71.

«Согласно пункту 1 статьи 166 ГК РФ сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка).

Оспоримая сделка может быть признана недействительной, если она нарушает права или охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку, в том числе повлекла неблагоприятные для него последствия (абзац второй пункта 2 статьи 166 ГК РФ). При этом не требуется доказывания наступления указанных последствий в случаях оспаривания сделки по основаниям, указанным в статье 173.1, пункте 1 статьи 174 ГК РФ, когда нарушение прав и охраняемых законом интересов лица заключается соответственно в отсутствии согласия, предусмотренного законом, или нарушении ограничения полномочий представителя или лица, действующего от имени юридического лица без доверенности. Отказ в иске на том основании, что требование истца основано на оспоримой сделке, возможен только при одновременном удовлетворении встречного иска ответчика о признании такой сделки недействительной или наличии вступившего в законную силу решения суда по другому делу, которым такая сделка признана недействительной.

Возражение ответчика о том, что требование истца основано на ничтожной сделке, оценивается судом по существу независимо от истечения срока исковой давности для признания этой сделки недействительной».

Среди инструментов, которые приводили бы к уменьшению необоснованного оспаривания сделок, в пояснительной записке к законопроекту²³ пред-

²² Пояснительная записка к проекту федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант».

²³ Там же.

ложено ограничение круга лиц, обладающих подобными требованиями. В результате в п. 2 ст. 166 ГК РФ было закреплено положение, согласно которому оспоримая сделка может быть признана недействительной, если она нарушает права или охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку, в том числе повлекла неблагоприятные для него последствия. Таким образом, на истце лежит бремя доказывания, что сделка нарушает его права или охраняемые законом интересы. Из буквального содержания этой нормы следует, что истец при оспаривании сделки всегда должен доказывать ее экономическую невыгодность для любого обычного участника оборота. Например, при оспаривании сделки, совершенной под влиянием насилия, предположим, купли-продажи квартиры, доказать, что продажа совершена не по рыночной цене. Однако многие основания для признания сделки недействительной сформулированы таким образом, что в них уже выражено нарушение интересов лица и доказывания дополнительных обстоятельств не требуется. В этом русле толкует рассматриваемое положение Пленум ВС РФ в абз. 2 п. 71²⁴. Например, ст. 173.1 ГК РФ. Необходимость согласия третьего лица на совершение сделки устанавливается законом в интересах защиты этого третьего лица от произвольного вмешательства в его правовую сферу других лиц, то есть чтобы без его воли другие лица не могли изменить его права и обязанности²⁵. Таким образом, само по себе отсутствие согласия уже является достаточным подтверждением нарушения прав третьего лица без необходимости установления каких-либо дополнительных обстоятельств. Эта же мысль применительно к ст. 174 ГК РФ выражена в п. 92 Постановления Пленума ВС № 25.

Абзац 3 п. 71 закрепляет устоявшееся в отечественной доктрине²⁶ и судебной практике положение о том, что оспоримая сделка является действительной до момента признания ее судом недействительной. По этой причине если требование истца основано на оспоримой сделке, например, купле-продажи, совершенной под влиянием угрозы, ответчик должен предъявить встречный иск о признании договора купли-продажи недействительным.

Ничтожная сделка, в отличие от оспоримой, является изначально недействительной, поэтому не требует преобразовательного решения суда. Соответственно, если требование истца основано на ничтожной сделке, ответчик не должен предъявлять самостоятельный иск о ничтожности сделки, а заявляет о ней в качестве возражения. Поскольку ответчик не защищает свое конкретное субъективное право, а требует констатации отсутствия между ним

---

24 См. об этом: Старцева Ю. В. Указ. соч. С. 60–61.

25 См. комментарий к п.п. 53–57 Постановления Пленума ВС № 25.

26 Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд. М., 2013. С. 365, 368 (автор главы — В. С. Ем).

и истцом отношений, на его возражение не распространяется срок исковой давности.

Кроме того, распространение исковой давности на возражение о ничтожности сделки не соответствует сути складывающихся отношений. Ответчик, полагая, что между ним и истцом отсутствуют правоотношения, так как заключенная между ними сделка ничтожна, не обращается в суд и не предпринимает никаких действий по ее исполнению. Однако по истечении срока исковой давности для обращения с требованием о признании сделки недействительной истец заявляет требование, основанное на ней. Распространение исковой давности на возражение о ничтожности, по сути, исключало бы вопрос о действительности основания требования из вопросов, рассматриваемых судом, и любая ничтожная сделка через определенный период времени становилась бы действительной.

73.

«Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, по общему правилу является оспоримой (пункт 1 статьи 168 ГК РФ). В силу прямого указания закона к ничтожным сделкам, в частности, относятся: соглашение об устранении или ограничении ответственности лица, указанного в пункте 3 статьи 53.1 ГК РФ (пункт 5 статьи 53.1 ГК РФ); соглашение участников товарищества об ограничении или устранении ответственности, предусмотренной в статье 75 ГК РФ (пункт 3 статьи 75 ГК РФ); сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (статья 169 ГК РФ); мнимая или притворная сделка (статья 170 ГК РФ); сделка, совершенная гражданином, признанным недееспособным вследствие психического расстройства (пункт 1 статьи 171 ГК РФ); соглашение о переводе должником своего долга на другое лицо при отсутствии согласия кредитора (пункт 2 статьи 391 ГК РФ); заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства (пункт 4 статьи 401 ГК РФ); договор, предусматривающий передачу дара одаряемому после смерти дарителя (пункт 3 статьи 572 ГК РФ); договор, устанавливающий пожизненную ренту в пользу гражданина, который умер к моменту его заключения (пункт 3 статьи 596 ГК РФ); кредитный договор или договор банковского вклада, заключенный с нарушением требования о его письменной форме (статья 820 ГК РФ, пункт 2 статьи 836 ГК РФ). В силу пункта 5 статьи 426 ГК РФ условия публичного договора, не соответствующие требованиям, установленным пунктами 2 и 4 этой статьи, являются ничтожными».

74.

«Также ничтожной является сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц. Вне зависимости от указанных обстоятельств законом может быть установлено, что такая сделка оспорима, а не ничтожна, или к ней должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки (пункт 2 статьи 168 ГК РФ).

Договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, может быть квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится прямого указания на его ничтожность. Например, ничтожно условие договора доверительного управления имуществом, устанавливающее, что по истечении срока договора переданное имущество переходит в собственность доверительного управляющего».

75.

«Применительно к статьям 166 и 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы, например, сделки о залоге или уступке требований, неразрывно связанных с личностью кредитора (пункт 1 статьи 336, статья 383 ГК РФ), сделки о страховании противоправных интересов (статья 928 ГК РФ). Само по себе несоответствие сделки законодательству или нарушение ею прав публично-правового образования не свидетельствует о том, что имеет место нарушение публичных интересов».

77.

«Факты уклонения гражданина или юридического лица от уплаты налогов, нарушения им положений налогового законодательства не подлежат доказыванию, исследованию и оценке судом в гражданско-правовом споре о признании сделки недействительной, так как данные обстоятельства не входят в предмет доказывания по такому спору, а подлежат установлению при рассмотрении налогового спора с учетом норм налогового законодательства.

Оценка налоговых последствий финансово-хозяйственных операций, совершенных во исполнение сделок, производится налоговыми органами в порядке, предусмотренном налоговым законодательством.

При установлении в ходе налоговой проверки факта занижения налоговой базы вследствие неправильной юридической квалификации налогоплательщиком совершенных сделок и оценки налоговых последствий их исполнения налоговый орган, руководствуясь подпунктом 3 пункта 2 статьи 45 Налогового кодекса Российской Федерации, вправе самостоятельно осуществить изменение юридической квалификации сделок, статуса и характера деятельности налогоплательщика и обратиться в суд с требованием о взыскании доначисленных налогов.

Если суд на основании оценки доказательств, представленных налоговым органом и налогоплательщиком, придет к выводу о том, что налогоплательщик для целей налогообложения не учел операции либо учел операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом, суд определяет объем прав и обязанностей налогоплательщика, исходя из подлинного экономического содержания данной операции или совокупности операций в их взаимосвязи».

Если посмотреть на структуру раздела «Недействительность сделок» Постановления Пленума ВС № 25, то можно обнаружить, что правовые позиции, касающиеся ст. 168 ГК РФ, следуют сразу же после общего определения оспоримости и ничтожности сделок. Они как бы разрывают разъяснения ст. 166 ГК РФ, предшествуют пунктам о последствиях недействительности сделки и таким образом входят в раздел, посвященный общим положениям о недействительных сделках, а не конкретным основаниям недействительности.

Такое решение становится понятным с учетом того, что данное постановление Пленума ВС РФ было призвано разъяснить основные новеллы части первой ГК РФ, среди которых наиболее значимой провозглашалась смена презумпции ничтожности сделки, противоречащей закону, на ее оспоримость, осуществленная в целях обеспечения стабильности и предсказуемости гражданского оборота²⁷. Кроме того, сама по себе ст. 168 ГК РФ не явля-

---

²⁷ Параграф 2 «Отдельные виды недействительных сделок» разд. V «Недействительность сделок» проекта концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации, рекомендованной Президиумом Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства к опубликованию в целях обсуждения (протокол от 11.03.2009 № 2). URL: http://www.privlaw.ru/index.php?section_id=24.

ется основанием недействительности, поскольку всегда необходима также ссылка на конкретную норму закона, которой противоречит сделка.

Ранее в ГК РФ содержалось указание на то, что сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима или не предусматривает иных последствий нарушения.

Как следует из ст. 168 ГК РФ в действующей редакции, ничтожной сделку можно признать только в том случае, когда:

- 1) на ничтожность указано в ГК РФ или ином законе;
- 2) сделка нарушает требования закона или иного правового акта и при этом посягает на публичные интересы;
- 3) сделка нарушает требования закона или иного правового акта и при этом посягает на права и охраняемые законом интересы третьих лиц.

В последних двух случаях из закона может следовать, что сделка все-таки оспорима либо должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

В абзаце 1 п. 71 Постановления Пленума ВС № 25 воспроизводится положение о презумпции оспоримости сделок; в абз. 2 приведен примерный перечень норм, законодательные формулировки которых прямо говорят о ничтожности противоречащих им сделок. Например, в соответствии с п. 2 ст. 391 ГК РФ «Условие и форма перевода долга» перевод должником своего долга на другое лицо допускается с согласия кредитора и при отсутствии такого согласия является ничтожным; в силу п. 4 ст. 401 ГК РФ «Основания ответственности за нарушение обязательства» заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства ничтожно.

Однако иногда в ГК РФ и других законах вместо прямого указания на ничтожность используются иные формулировки: «не допускается», «не может» и др.

В пункте 75 Постановления Пленума ВС № 25 такие ситуации приравниваются к прямому указанию закона на ничтожность: сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы, например, сделки о залоге или уступке требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, сделки о страховании противоправных интересов. Тем самым выражается смысл изменений, внесенных в ст. 168 ГК РФ, согласно которым не всякая сделка, не соответствующая требованиям закона, является ничтожной, а только та, которая нарушает явно выраженный законодательный запрет²⁸.

---

28 См. там же.

В основе этого положения лежат следующие рассуждения: гражданское право базируется на принципе автономии воли²⁹, которая предполагает возможность лиц своими волевыми действиями создавать для себя правовые последствия. Однако эта автономия не может быть безгранична. Не все действия участников гражданского оборота могут беспрепятственно признаваться правом порядком. Возникает вопрос: где поставить границу автономии воли?

Возможны три варианта:

1. Ничтожными являются любые сделки, не соответствующие закону, если в законе не указаны иные последствия.

2. Ничтожными признаются только те сделки, о которых закон прямо говорит, что они ничтожны.

3. Ничтожность сделки выводится на основе толкования нормы. Если норма содержит прямой законодательный запрет и ее цель — лишение правовых последствий каких-либо юридически значимых действий, совершаемых субъектами гражданского права, то сделка, не соответствующая этой норме, признается ничтожной³⁰.

Выбор первого подхода привел бы к необоснованному сужению сферы действия принципа автономии воли. Субъекты гражданского права во многом были бы лишены возможности инициативно и самостоятельно создавать своими действиями правовые последствия для себя. Недостатки этого подхода и вызвали необходимость изменить прежнюю редакцию ст. 168 ГК РФ.

При выборе второго подхода появляется возможность легализации ряда нежелательных для правопорядка действий в силу того, что законодатель сформулировал норму без указания на ничтожность сделки, выразив запрет в иной языковой форме.

Исходя из этого, толкование ст. 168 ГК РФ, которое дано в Постановлении Пленума ВС № 25, основано на третьем подходе: сделка ничтожна не только тогда, когда закон прямо называет ее ничтожной, но и в ряде случаев, когда из смысла законодательного запрета следует, что противоречащие ему действия участников гражданского оборота должны быть лишены правовых последствий с момента их совершения. Причем по общему правилу толкование осуществляется в пользу оспоримости сделки.

Кроме того, в абз. 2 п. 74 Постановления Пленума ВС № 25 вводится еще один критерий для признания сделки ничтожной: она противоречит суще-

²⁹ См., напр., п. 2 ст. 1 ГК РФ, согласно которому граждане (физлица) и юрлица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

³⁰ Dorn F. in: Historisch-kritischer Kommentar zum BGB. B. I. Allgemeiner Teil. München, 2003. S. 655–656.

ству законодательного регулирования соответствующего вида обязательства. По сути, эта формула, впервые появившаяся в абз. 3 п. 3 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» (далее — Постановление Пленума ВАС № 16), означает неразрешимое противоречие между избранным сторонами видом обязательств и конкретным условием договора. Такую ситуацию, когда условие противоречит существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, можно назвать юридическим абсурдом. Наиболее ярко это можно продемонстрировать на правовой позиции, сформулированной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21.11.2016 № 305-ЭС16-10047.

В рамках этого дела банк выдал банковскую гарантию в электронной форме, однако впоследствии отказался осуществлять выплаты по ней, требуя предоставления оригинала банковской гарантии на бумажном носителе. Суды нижестоящих инстанций поддержали позицию банка. Судебная коллегия пришла к иному выводу: «При таких обстоятельствах условие рассматриваемой банковской гарантии о необходимости приложения к требованию о платеже оригинала гарантии на бумажном носителе является ничтожным как противоречащее существу законодательного регулирования в сфере обеспечения исполнения государственных контрактов, заключаемых на электронных аукционах, основанного на признании электронного документооборота».

Другой пример: условие в охранном договоре о том, что охрана отвечает за утрату предмета охраны только в случае своего умысла. Однако такое ограничение ответственности профессиональной охранной организации противоречит существу охранного обязательства, поэтому должно быть признано ничтожным³¹.

С другой стороны, при применении указанного правила нужно быть осторожным в том плане, что стороны просто могли неправильно назвать договор, который они в действительности имели в виду, а условие, не подпадающее под законодательную конструкцию вида обязательства, по сути, означает, что сторонами согласован иной договорный тип³².

---

31 Пункт 6 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

32 См., напр., п. 5 постановления Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки». Критику указанного положения как раз со ссылкой на то, что стороны могли сконструировать удобный для себя правовой режим на основе принципа свободы договора см.: Белов В. А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 11.

Пункты 75 и 77 Постановления Пленума ВС № 25 раскрывают второй юридический состав ничтожности сделки — противоречие закону и нарушение публичных интересов.

Термин «публичный интерес», используемый в ГК РФ, предполагает его толкование в каждом конкретном случае и исключает возможность всеохватывающего абстрактного определения. «Одним из оснований признания сделки ничтожной, — отмечает А. А. Громов, — является нарушение ею публичного интереса. Поскольку *точное содержание указанного словосочетания определить нельзя*, судебная практика сыграет существенную роль при толковании данного словосочетания (выделено авт. — Н. Т.)»³³.

Закономерно, что Пленум ВС РФ указал лишь некоторые ориентиры, позволяющие констатировать нарушение публичного интереса: интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды (п. 75 Постановления № 25). И хотя в сфере международного частного права понятие публичного порядка отличается от того, как понимается публичный интерес во внутрисударственных отношениях, некоторым ориентиром могут служить также разъяснения из информационного письма Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений». В пункте 1 данного документа содержится такое определение: под публичным порядком в целях применения подп. «b» п. 2 ст. V Нью-Йоркской конвенции, п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации (ст. 1192 ГК РФ), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц.

Кроме того, в п. 75 данного постановления указано, что именно не является нарушением публичного интереса.

Во-первых, для признания сделки ничтожной недостаточно того, что она противоречит какой-либо норме закона. Наряду с таким противоречием заинтересованная сторона должна доказать иные обстоятельства,

³³ Громов А. А., Егоров А. В. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ: самые значимые поправки. М., 2014. С. 67.

свидетельствующие о посягательстве на публичный интерес, что следует из буквального толкования п. 2 ст. 168 ГК РФ, в котором указаны два условия признания сделки ничтожной: нарушение закона и посягательство на публичный интерес.

Во-вторых, то обстоятельство, что заинтересованное лицо обладает статусом публично-правового образования, само по себе не свидетельствует о том, что сделка посягает на публичный интерес. Иное нарушало бы принцип равенства участников гражданских правоотношений, закрепленный в п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 2 и — специально для публично-правовых образований — п. 1 ст. 124 ГК РФ.

В-третьих, положения п. 77 и абз. 3 п. 85 Постановления Пленума ВС № 25 закрепляют сложившуюся практику арбитражных судов о разделении налоговых и гражданско-правовых последствий юридически значимых действий³⁴.

С учетом деления права на частное и публичное можно сделать вывод, что отношения, регулируемые частным правом (равный субъект — равный субъект), не совпадают с отношениями, регулируемыми публичным правом (управляемый субъект — управляющий субъект), и не оказывают на них влияния, даже если в основе этих отношений лежат одни и те же фактические обстоятельства. Поэтому, если сделка производит какие-либо негативные последствия в сфере налогового права, для того, чтобы их исключить, совсем не обязательно лишать ее гражданско-правовых последствий. Учитывая, что стороны сделки находятся с налоговыми органами в отношениях, регулируемых публичным правом, налоговый орган не является заинтересованным лицом в отношениях участников сделки между собой, регулируемых частным правом. В связи с этим налоговому органу достаточно применить нормы Налогового кодекса РФ и предусмотренные ими правовые последствия без вторжения в отношения между участниками сделки.

76.

«Ничтожными являются условия сделки, заключенной с потребителем, не соответствующие актам, содержащим нормы гражданского права, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров (статья 3, пункты 4 и 5 статьи 426 ГК РФ), а также условия сделки, при совершении которой был нарушен явно выраженный законодательный запрет ограничения прав потребителей (например, пункт 2 статьи 16 Закона Российской

---

34 См.: Абзац 4 п. 6 постановления Пленума ВАС РФ от 10.04.2008 № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации» (размещено на сайте ВАС РФ www.arbitr.ru). Документ не применяется в связи с принятием постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25.

Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей»; статья 29 Федерального закона от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности»)».

Иллюстрация ничтожных сделок, которые прямо названы таковыми в законе, продолжается в п. 76 Постановления Пленума ВС № 25, посвященном спорам с участием потребителей.

Ничтожными признаются условия сделки, при совершении которых был нарушен явно выраженный законодательный запрет ограничения прав потребителей. В качестве примера приведены п. 2 ст. 16 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей) и ст. 29 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности».

Если посмотреть на то, как сконструированы эти нормы, то в первом случае используется формулировка «запрещается», а во втором — применительно к действиям кредитной организации — «не имеет права» или «не может».

Следует подчеркнуть, что ничтожными являются сделки, нарушающие конкретный запрет, то есть запрет, который касается четко определенных в норме сделок или их условий.

По этой причине в п. 76 Постановления Пленума ВС № 25 в качестве примера не приведен п. 1 ст. 16 Закона о правах потребителей, которым предусмотрено, что условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными. В данном случае Верховный суд пошел по пути общего правила и применил положение п. 1 ст. 168 ГК РФ: такие сделки являются оспоримыми.

Такой подход может показаться небесспорным, если обратиться к зарубежному опыту решения подобных проблем.

Например, согласно Директиве Совета Европейских сообществ от 05.04.1993 № 93/13/ЕЭС «О несправедливых условиях в договорах с потребителями» не согласованные специально условия договора между потребителем и предпринимателем должны быть проверены судом *ex officio* на предмет «нечестности» и признаны недействительными в случае их несоответствия ряду абстрактно сформулированных критериев³⁵.

В сравнительно-правовой перспективе емкое описание недостатков системы признания условий договора с потребителями оспоримыми дано К. Цвайгер-

---

³⁵ Подробно см.: Ширвиндт А. М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве / под ред. А. Л. Маковского. М., 2014: эл. версия // СПС «КонсультантПлюс».

том и Х. Кетцом: «...подобным образом невозможно уберечься от несправедливых условий договоров. Дело в том, что стороне, которой невыгодны такие условия договора, часто нет смысла, а иногда не представляется разумным ссылаться в свою защиту на существующие законодательные нормы. И действительно, выявление соответствующих правовых норм самой этой стороны или ее адвокатом, проведение переговоров с контрагентом и вынужденная необходимость обращаться в суд в ряде случаев сопряжены с такими значительными расходами и требуют столько усилий, что это значительно перевешивает все неудобства и невыгоды, связанные с безоговорочными уступками по вопросу об оговорке в договоре (недействительной по существу). Данное обстоятельство хорошо известно предпринимателям и стимулирует их к применению недействительных оговорок. И хотя они прекрасно знают о противоправности своих действий, но тем не менее надеются, что большинство потребителей не будет прибегать к отстаиванию своей правоты. Но, даже когда предпринимателю приходится иметь дело с клиентом, полным решимости рассмотреть спор в судебном порядке, он может пойти последнему навстречу, если сочтет это для себя выгодным. Однако в отношении других клиентов он будет продолжать применять эту оговорку (незаконную по сути). А если незаконность оговорки будет установлена судом по иску одного из клиентов, предприниматель и в этом случае будет продолжать применять ее в отношении других клиентов, при условии, разумеется, что ожидаемые им преимущества такого шага превысят его возможные отрицательные последствия»³⁶.

Альтернативно возможно было бы признавать все сделки, ущемляющие права потребителей, ничтожными как противоречащие публичным интересам. Такой подход подкрепляется буквальным содержанием преамбулы Закона о защите прав потребителей, согласно которой данный Закон регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав.

Однако Постановление Пленума ВС № 25, видимо, во избежание слишком широкого толкования понятия «публичный интерес», последовало за буквальными указаниями законодателя, который предписал, что в случаях неясности закона следует толковать его в пользу оспоримости сделки. Теперь сам зако-

36 Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 36–37.

нодатель должен исправить свой недочет и вместе со сменой презумпции в ст. 168 ГК РФ изменить специальные нормы, которые раньше не содержали указания на ничтожность, но толковались таким образом на основе прежней редакции ГК РФ.

Вместе с тем в определениях по конкретным делам стал встречаться подход, согласно которому ничтожными являются условия договора, противоречащие п. 1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей³⁷.

78.

«Согласно абзацу первому пункта 3 статьи 166 ГК РФ требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить сторона сделки, а в предусмотренных законом случаях также иное лицо.

Исходя из системного толкования пункта 1 статьи 1, пункта 3 статьи 166 и пункта 2 статьи 168 ГК РФ иск лица, не являющегося стороной ничтожной сделки, о применении последствий ее недействительности может также быть удовлетворен, если гражданским законодательством не установлен иной способ защиты права этого лица и его защита возможна лишь путем применения последствий недействительности ничтожной сделки.

В исковом заявлении такого лица должно быть указано право (законный интерес), защита которого будет обеспечена в результате возврата каждой из сторон всего полученного по сделке. Отсутствие этого указания в исковом заявлении является основанием для оставления его без движения (статья 136 ГПК РФ, статья 128 АПК РФ)».

Удовлетворение иска о применении последствий недействительности сделки означает, по сути, присуждение стороне сделки имущества, находящегося у другой стороны сделки. Поскольку гражданское право основано на принципах автономии воли, а гражданский процесс — на принципе диспозитивности, лицо, по общему правилу, не может обратиться с иском о том, чтобы присуждение состоялось в пользу другого лица. Исходя из этого, в п. 3 ст. 166 ГК РФ закреплено, что требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить сторона сделки, а в предусмотренных законом случаях также иное лицо.

Это положение направлено в том числе на пресечение поведения в обход закона, когда лицу по каким-либо причинам невыгодно использовать име-

³⁷ См., напр., определение СК по гражданским делам ВС РФ от 24.05.2016 № 4-КГ16-9, включенное в Обзор судебной практики ВС РФ № 4 (2016) (утв. Президиумом ВС РФ 20.12.2016).

ющийся у него способ защиты и он прибегает к применению последствий недействительности сделки, в которой он не участвовал. Самый очевидный пример: в обход правил о добросовестности при виндикации заявить требования о применении последствий недействительности сделок по передаче в собственность вещи, совершенных несобственниками³⁸.

Однако Пленум ВС РФ толкует эту норму расширительно³⁹ на основе следующей логики. Пункт 2 ст. 168 ГК РФ устанавливает, что ничтожной является сделка, если она нарушает права и законные интересы третьих лиц. Соответственно, такие третьи лица также имеют законный интерес в применении последствий недействительности этой сделки.

Таким образом, лицо может обратиться в суд о применении последствий недействительности сделки, даже если оно не является стороной этой сделки и не указано в законе в качестве управомоченного. При этом оно должно доказать наличие собственного интереса и отсутствие других способов его защиты.

Перед глазами сторонников такой позиции стояла судебная практика о признании недействительными и применении последствий недействительности договоров приватизации жилого помещения, когда в нарушение прав лица публично-правовое образование передает собственность на квартиру другому лицу. В этом случае лицо, права которого нарушены, может обратиться с иском о признании приватизации недействительной и о применении последствий недействительности этой сделки в виде восстановления отношений социального найма либо признании доли в праве собственности за истцом⁴⁰. Однако в таких случаях истцу следует воспользоваться вещно-правовыми способами защиты, в частности о признании права собственности за собой либо о признании права собственности ответчика отсутствующим и признании действительным договора социального найма.

Вместе с тем в практике действительно иногда встречаются случаи, когда применение последствий недействительности ничтожной сделки является для третьего лица единственным способом защиты. В частности, речь идет об исках, предъявляемых кредиторами об оспаривании притворных сделок, совершенных с целью скрыть имущество должника («внеконкурсное оспа

---

38 Постановление КС РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева».

39 Критику такого подхода см.: Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016: эл. версия // СПС «КонсультантПлюс».

40 Определения Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 14.01.2014 № 21-КГ13-7, от 25.11.2014 № 78-КГ14-36.

41 См. также комментарий к п. 86 Постановления Пленума ВС РФ № 25.

ривание»⁴¹). В одном из дел, рассмотренных Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ⁴², банк обратился в суд с иском о признании недействительными договоров купли-продажи долей общества, заключенных компанией (продавец) с фирмой и гражданином (покупатели), и о применении последствий недействительности данных сделок в виде признания права компании на 100-процентную долю в уставном капитале общества. Обосновывая право на иск, банк ссылался на то, что является кредитором компании в рамках дела о банкротстве последней, разрешаемом иностранным судом. По мнению банка, обстоятельства заключения договора купли-продажи свидетельствуют о недобросовестном поведении продавца и покупателей. Банк обращал внимание на доказательства направленности действий бенефициаров компании на вывод активов данной компании с целью воспрепятствовать обращению взыскания на принадлежащие ей доли российского юридического лица в погашение задолженности данной компании перед банком по заемным обязательствам. Банк указывал на факт продажи компанией в преддверии ее банкротства единственного актива (долей общества) за символическую цену в 10 тыс. руб., последующую перепродажу долей, скрытую от суда, рассматривающего спор, и на другие обстоятельства. Суды нижестоящих инстанций отказали в удовлетворении исковых требований. Судебная коллегия направила дело на новое рассмотрение, указав судам на необходимость исследования обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности сторон при совершении сделки и наличии у банка соответствующего права для признания ее ничтожной.

В этом смысле можно согласиться с Ю. В. Старцевой, которая справедливо отмечает, что «возможность заинтересованного лица воспользоваться данным требованием, когда у него отсутствуют иные средства для защиты своего права, отвечает общему принципу о гарантированности государственной и судебной защиты прав и свобод (ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации). Суд не может отказать лицу в судебной защите, сославшись на отсутствие правовых средств для восстановления его нарушенного права»⁴³.

83.

«При рассмотрении требования покупателя к продавцу о возврате уплаченной цены и возмещении убытков, причиненных в результате изъятия товара у покупателя третьим лицом по ос-

42 Определение СКЭС ВС РФ от 15.12.2014 по делу № 309-ЭС14-923. Это определение включено в Обзор судебной практики ВС РФ № 2 (2015) (утв. Президиумом ВС РФ 26.06.2015).

43 Старцева Ю. В. Указ. соч. С. 62.

нованию, возникшему до исполнения договора купли-продажи, статья 167 ГК РФ не подлежит применению. Такое требование покупателя рассматривается по правилам статей 460–462 ГК РФ. По смыслу пункта 1 статьи 461 ГК РФ исковая давность по этому требованию исчисляется с момента вступления в законную силу решения суда по иску третьего лица об изъятии товара у покупателя».

Этот пункт посвящен проблеме купли-продажи чужого, то есть ситуации, когда несобственник (продавец) продает вещь лицу (покупателю), у которого ее впоследствии виндицирует собственник. С каким требованием может обратиться покупатель к продавцу?

Вопрос квалификации этих отношений — один из дискуссионных в отечественной науке гражданского права⁴⁴. Отечественная судебная практика долгое время склонялась к тому, что купля-продажа является ничтожной сделкой, поскольку продавец, не являясь собственником, не управомочен на отчуждение вещи⁴⁵. Однако такой подход не предоставляет адекватную защиту покупателю. Последствием ничтожности купли-продажи является двусторонняя реституция. Это означает, что покупатель, у которого виндцировали вещь, может требовать от продавца уплаты покупной цены только в обмен на стоимость вещи, то есть вообще не получает никакой защиты. Механизм же односторонней реституции позволяет взыскать только покупную цену, но не убытки⁴⁶. С другой стороны, ст. 461 ГК РФ содержит иное регулирование на этот счет. Согласно указанной норме при изъятии товара у покупателя третьими лицами по основаниям, возникшим до исполнения договора купли-продажи, продавец обязан возместить покупателю понесенные им убытки, если не докажет, что покупатель знал или должен был знать о наличии этих оснований.

Здесь возможны два основных варианта рассуждений:

1. Разделить вещный и обязательственный эффекты купли-продажи и признать, что купля-продажа действительна в части обязательственного эффекта, то есть она порождает обязательство продавца передать вещь в соб-

---

⁴⁴ Обзор позиций по этому вопросу и варианты решений см.: Церковников М. А. Ответственность продавца в случае изъятия товара у покупателя. М., 2015. С. 26–55. Обоснование ничтожности купли-продажи чужого см.: Скловский К. И. О действительности продажи чужого имущества // Вестник ВАС РФ. 2003. № 9.

⁴⁵ См. об этом: Егоров А. В., Ерохова М. А., Ширвиндт А. М. Обобщение применения арбитражными судами норм ГК РФ о вещно-правовых способах защиты права // Вестник гражданского права. 2007. № 4 (авторы раздела — А. В. Егоров, М. А. Ерохова).

⁴⁶ Там же.

ственность, за неисполнение которого он несет ответственность в соответствии со ст. 461 ГК РФ в виде полного возмещения убытков. Однако этот договор не производит эффекта в виде перехода собственности, так как продавец не являлся собственником⁴⁷.

2. Остаться на позиции о том, что купля-продажа чужого ничтожна, однако последствия недействительности этой сделки иные, чем установлено в ст. 167 ГК РФ, а именно возмещение убытков покупателю в соответствии со ст. 461 ГК РФ.

Пункт 83 Постановления Пленума ВС № 25 не дает однозначного ответа на вопрос о том, действительна либо недействительна купля-продажа чужого. Однако Пленум прямо указывает на право покупателя требовать полного возмещения убытков по ст. 461 ГК РФ.

Этому разъяснению предшествовало конкретное дело, рассмотренное Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ⁴⁸. Между обществом (покупатель) и муниципальным образованием (продавец) был заключен договор купли-продажи земельного участка. После перечисления покупной цены продавцу общество обратилось в регистрирующий орган для регистрации перехода права собственности на приобретенный земельный участок. Регистрирующий орган отказал в регистрации. В судебном процессе по другому делу было установлено, что спорный земельный участок принадлежит на праве собственности Российской Федерации. Ссылаясь на данные обстоятельства, общество обратилось в суд с иском к муниципальному образованию о взыскании суммы уплаченной покупной цены как неосновательного обогащения. Суд первой инстанции удовлетворил исковое требование общества, указав, что срок исковой давности по данному требованию начал течь с момента вступления в законную силу решения суда, которым установлено право собственности Российской Федерации на спорный земельный участок. Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции исходил из того, что фактически истцом заявлено требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки, и указал на пропуск истцом срока исковой давности, установленного ст. 181 ГК РФ. Арбитражный суд округа согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия отменила постановления суда апелляционной инстанции и суда округа, указав, что, исходя из характера нарушенного права истца — покупателя земельного участка, а также установленных

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 17.03.2015 № 306-ЭС14-929. Это определение включено в Обзор судебной практики ВС РФ № 2 (2015) (утв. Президиумом ВС РФ 26.06.2015).

по делу обстоятельств о наличии права на имущество у другого лица, об отсутствии правовой возможности зарегистрировать переход права собственности на него, иск о взыскании убытков, предусмотренный п. 2 ст. 461 ГК РФ, соответствует цели восстановления прав общества. Таким образом, срок исковой давности по заявленному требованию начинает течь с момента, когда покупатель узнал об отсутствии у ответчика возможности передать право собственности, то есть с принятием решения суда, в котором установлено право собственности Российской Федерации на продаваемый объект недвижимости.

7.

«Если совершение сделки нарушает запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной (пункты 1 или 2 статьи 168 ГК РФ)».

85.

«Согласно статье 169 ГК РФ сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна.

В качестве сделок, совершенных с указанной целью, могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. К названным сделкам могут быть отнесены, в частности, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т. п.); сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми.

Нарушение стороной сделки закона или иного правового акта, в частности уклонение от уплаты налога, само по себе не означает, что сделка совершена с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности⁴⁹.

---

⁴⁹ См. комментарий к п. 75 Постановления Пленума ВС № 25.

Для применения статьи 169 ГК РФ необходимо установить, что цель сделки, а также права и обязанности, которые стороны стремились установить при ее совершении, либо желаемое изменение или прекращение существующих прав и обязанностей заведомо противоречили основам правопорядка или нравственности, и хотя бы одна из сторон сделки действовала умышленно. Сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, влечет общие последствия, установленные статьей 167 ГК РФ (двусторонняя реституция). В случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход Российской Федерации все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом».

В большинстве правопорядков континентальной Европы есть положение о том, что сделка, противоречащая принципу доброй совести, ничтожна. Например, ст. 6 Французского гражданского кодекса («нельзя нарушать частными соглашениями публичный порядок и добрые нравы»), абз. 1 § 138 Германского гражданского уложения (ГГУ) («сделка, нарушающая добрые нравы, ничтожна»), абз. 1 ст. 879 Австрийского гражданского уложения («договор, нарушающий законодательный запрет или добрые нравы, ничтожен»), п. 1 ст. 20 Швейцарского обязательственного закона («договор с невозможным либо противоправным содержанием или нарушающий добрые нравы является ничтожным»). В ГК РФ подобная норма отсутствует.

Однако в каждодневной практике судов обойтись без этого механизма было бы невозможно. В силу принципа автономии воли субъекты гражданского права свободны в установлении своих прав и обязанностей. При этом в принципе исключена возможность предугадать исчерпывающим образом все модели отношений, которые могут создать для себя участники гражданского оборота. Гипотез норм о недействительности сделок оказывается просто недостаточно. Правопорядок требует общей оговорки о том, что в ряде исключительных случаев хотя совершение сделки и не выполняет гипотезу какой-либо нормы о недействительности сделки, оно все равно не будет иметь правового эффекта как противоречащее добросовестности (справедливости). Похожий подход предусмотрен в § 2 разд. V проекта концепции совершенствования общих положений ГК РФ⁵⁰.

В таких ситуациях на основе ранее действовавшей редакции ГК РФ судебной практикой использовался механизм признания сделок недействительными со ссылкой на ст.ст. 10 и 168 ГК РФ.

---

50 www.privlaw.ru/index.php?section_id=24.

Одним из первых подобных судебных актов стало постановление Президиума ВАС РФ от 20.05.2008 № 15756/07⁵¹. В этом деле представитель совершил сделку, явно невыгодную для представляемого, о чем другая сторона сделки не могла не знать: продал имущество представляемого, а потом взял его в аренду, причем арендная плата за несколько месяцев превышала покупную цену. Вместе с тем действовавшая на тот момент редакция ГК РФ не предусматривала такого основания недействительности. Существовала только ст. 179 ГК РФ, которая требовала доказать сговор представителя и контрагента по сделке. Президиум ВАС РФ признал эту сделку недействительной на основании ст.ст. 10 и 168 ГК РФ как совершенную со злоупотреблением правом. Данное дело было положено в основу п. 9 информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» с тем отличием, что в Обзоре подчеркивается наличие злоупотребления правом как представителем, так и контрагентом по купле-продаже.

Одновременно такой подход вызвал ряд концептуальных возражений⁵², основное из которых — искажение смысла ст. 168 ГК РФ, направленной на признание недействительными сделок, которые нарушают конкретный законодательный запрет и не призваны быть общим корректирующим инструментом справедливости.

По этой причине в проекте концепции было предложено признавать недействительными не соответствующие добросовестности сделки на основании ст. 169 ГК РФ. Эта идея ранее высказывалась⁵³ и была поддержана в литературе⁵⁴. Статья 169 ГК РФ предусматривает недействительность

---

51 Подробно об этом деле см.: Ширвиндт А. М. Комментарий к постановлению Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.05.2008 № 15756/07 // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления с комментариями. М., 2012. С. 32–48. По сути, высказанные в данной статье замечания и предложения стали основой п. 2 ст. 174 ГК РФ в ред. Закона № 100-ФЗ.

52 Подробнее см.: Ширвиндт А. М. Указ. соч. С. 43–48.

53 См.: Афанасьев Д. В. Нарушение публичного порядка как основание признания сделки недействительной в российском и зарубежном праве // Недействительность сделок в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: сборник статей / ред. М. А. Рожкова. М., 2006. С. 116–143.

54 См., напр.: Ширвиндт А. М. Указ. соч. С. 45; Егоров А. В. Сделки, противные основам правопорядка и нравственности: в России и за рубежом // Liber Amicorum в честь 50-летнего юбилея А. Н. Жильцова: сборник статей: международный коммерческий арбитраж, международное частное, сравнительное, гражданское право и процесс / сост. и науч. ред. А. И. Муранов, В. В. Плеханов. М., 2013. С. 41–66; Громов А. А., Егоров А. В. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ. М., 2014. С. 72–75.

сделки, противоречащей основам правопорядка и нравственности. Принцип добросовестности закреплен в ст. 1 ГК РФ и входит в основные начала гражданского законодательства, тем самым представляя собой основу правопорядка.

Кроме того, этот подход мог бы восстановить нить исторической преемственности отечественных кодификаций, ведь прямая законодательная формулировка о недействительности сделки, нарушающей принцип добросовестности, была исключена именно из статьи, которая являлась историческим прототипом ст. 169 ГК РФ.

Статья 1528 тома X Свода законов Российской империи гласила: «Договор составляется по взаимному согласию договаривающихся лиц. Предметом его могут быть или имущества, или действия лиц; цель его должна быть непротивна законам, благочинию и общественному порядку». «Благочиние и общественный порядок» в смысле этой статьи означало «добросовестность»⁵⁵.

Аналогично ст. 94 проекта Гражданского уложения Российской империи 1905 года предусматривала, что недействительными являются сделки, противные закону, добрым нравам и общественному порядку.

В ГК РСФСР 1922 года указанные нормы воплотились в ст. 30, согласно которой недействительной была сделка, совершенная с целью, противной закону или в обход закона, а равно сделка, направленная к явному ущербу для государства. В силу ст. 147 ГК РСФСР 1922 года при недействительности договора, как противозаконного или направленного к явному ущербу для государства, ни одна из сторон не вправе требовать от другой возврата исполненного по договору. Неосновательное обогащение взыскивается в доход государства.

Сравнительный анализ текстов этих норм показывает, что «публичный порядок» и «добросовестность» были заменены на «явный ущерб государству».

Как свидетельствуют комментарии к ст. 30 ГК РСФСР 1922 года, она знаменовала собой борьбу со всякого рода злостными, спекулятивными сделками, в частности связанными со стремлением восстановить или укрепить в советской республике отношения, покоящиеся на гражданских отношениях дореволюционного времени⁵⁶. Появление этой нормы в ГК РСФСР с легкой руки В. И. Ленина как инструмента контроля над сделками частных предприятий, противоречащими интересам «трудящейся рабочей и крестьянской массы»,

55 Синайский В. И. Русское гражданское право. Выпуск II. Обязательственное, семейное и наследственное право. Киев, 1915. С. 8.

56 Абрамов С., Ганин А., Зайцев С., Лебедев В. Практический комментарий Гражданского кодекса РСФСР (законодательный и ведомственный материал и судебная практика до 1 октября 1930 г.) / под. ред. зам. Председателя Верховного Суда РСФСР Ф. М. Нахимсона. М., 1931. С. 129.

также описывается в литературе⁵⁷. Основным квалифицирующим признаком такой сделки являлось причинение ущерба государству. К подобным сделкам относились, например, сделки, нарушающие государственное планирование, противоречащие плановым актам (например, договор поставки фондируемой продукции вопреки планам распределения последней); сделки, нарушающие кредитную реформу (например, выдача одним государственным предприятием другому аванса)⁵⁸.

Другой пример из судебной практики: Р. подарил своей дочери принадлежавший ему на праве собственности жилой дом. В ходе расследования было установлено, что Р., работая на пивоваренном заводе, причинил последнему значительный имущественный ущерб и, опасаясь обращения взыскания на его имущество со стороны завода, решил спасти от взыскания жилой дом и потому подарил его дочери. По этим причинам ГСК Верховного суда СССР признала недействительным договор дарения, заключенный между Р. и его дочерью⁵⁹.

Основание недействительности сделки в виде «явного противоречия интересам государства» впоследствии было закреплено в самостоятельной статье. Согласно ст. 49 ГК РСФСР 1964 года, если сделка совершена с целью, заведомо противной интересам социалистического государства и общества, то при наличии умысла у обеих сторон — в случае исполнения сделки обеими сторонами — в доход государства взыскивается все полученное ими по сделке, а в случае исполнения сделки одной стороной с другой стороны взыскивается в доход государства все полученное ею и все причитавшееся с нее первой стороне в возмещение полученного; при наличии же умысла лишь у одной из сторон все полученное ею по сделке должно быть возвращено другой стороне, а полученное последней либо причитавшееся ей в возмещение исполненного взыскивается в доход государства.

Толковалась ст. 49 ГК РСФСР 1964 года схожим образом. К числу таких сделок относились сделки: нарушающие право государственной собственности на землю (купля-продажа, залог, завещание, дарение и др.), направленные на извлечение нетрудовых доходов, нарушающие валютное законодательство, законодательство о планировании и т. д.⁶⁰.

---

57 См., напр.: Советское гражданское право. Т. 1 / под ред. Д. М. Генкина. М., 1950. С. 58 (автор главы — Д. М. Генкин); Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 89.

58 Там же. С. 227.

59 Иоффе О. С. Советское гражданское право. Курс лекций. Общая часть. Право собственности. Общее учение об обязательствах. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1958. С. 227.

60 См.: Советское гражданское право: в 2 т. Т. 1 / под ред. В. П. Грибанова, С. М. Корнеева. М., 1979. С. 235 (автор главы — А. М. Белякова).

Этот краткий исторический обзор подтверждает, что норма ст. 169 ГК РФ — отголосок конкретного периода развития отечественного права, в который официально отрицался принцип формального равенства. При этом ее истинное назначение — установить ничтожность сделки, которая нарушает принцип добросовестности.

В этом смысле логично, что с появлением ч. 2 ст. 8 Конституции РФ все последующие разъяснения, которые касались рассматриваемой нормы в ее первоначальной редакции, были направлены на максимальное сужение ее применения и пресечение установлений преимущества государству в гражданских правоотношениях, построенных на принципе формального равенства (п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 2, п. 1 ст. 124 ГК РФ).

Абзац 2 п. 1 постановления Пленума ВАС РФ от 10.04.2008 № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации» лишил ст. 169 самостоятельной сферы действия, фактически сделав ее квалифицированным основанием, описанным в ст. 168 ГК РФ. Исходя из этого разъяснения, для признания сделки недействительной необходимо одновременно наличие следующих условий:

- 1) она не соответствует требованиям закона или иного правового акта;
- 2) она нарушает основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои.

Первый признак воспроизводит гипотезу ст. 168 ГК РФ до ее изменения Законом № 100-ФЗ. А после приведены примеры, одновременно представляющие собой уголовно наказуемые деяния: сделки, направленные на производство и отчуждение определенных видов объектов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т. п.); сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг.

Таким образом, ст. 169 ГК РФ превратилась в запрет совершения сделок, противоречащих Уголовному кодексу РФ.

Кроме того, препятствием к толкованию ст. 169 ГК РФ в старой редакции как основания недействительности сделки, противоречащей принципу добросовестности, была ее конфискационная санкция: в случае совершения сделки с целью, противной основам правопорядка и нравственности, полученное по такой сделке должно быть взыскано в доход государства.

Конфискация является публично-правовой санкцией. Ее использование предполагает исполнение функции наказания. Однако гражданское право,

построенное на принципах равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности участников (п. 1 ст. 2 ГК РФ), а также гражданский процесс, основанный на принципах диспозитивности и состязательности, не способны обеспечить справедливое осуществление данной функции.

Например, конфискация предоставленного по сделке в случае, если в отношении одной из сторон введена процедура конкурсного производства, будет нарушать интересы кредиторов такого лица. Или конфискация предоставленного по сделке родителями, которые произвели отчуждение недвижимости в противоречии с интересами детей, лишит защиты последних.

В этой ситуации было два возможных варианта поведения судов: либо применять гипотезу ст. 169 без ее конфискационной санкции⁶¹, либо искать новое основание недействительности — ст. 10 и ст. 168 ГК РФ.

На исключение недостатков каждого из вариантов было направлено изменение ст. 169 Законом № 100-ФЗ и исключение из нее жесткой конфискационной санкции.

Однако суды не стали отказываться от ставшего для них привычным механизма ст. 10 и ст. 168 ГК, истолковав п. 1 ст. 10 как прямой законодательный запрет⁶². Сложившаяся практика переключалась в п. 7 Постановления Пленума ВС № 25, а ст. 169 ГК РФ сохранила прежнюю узкую сферу действия — совершение сделок, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои (п. 85 Постановления Пленума ВС № 25).

Вместе с тем основания недействительности сделки, предусмотренные ст.ст. 10 и 168 ГК РФ, являются, по сути, частным случаем оснований, предусмотренных ст. 169 ГК РФ.

8.

«К сделке, совершенной в обход закона с противоправной целью, подлежат применению нормы гражданского законодательства, в обход которых она была совершена. В частности, такая сделка может быть признана недействительной на основании положений статьи 10 и пунктов 1 или 2 статьи 168 ГК РФ. При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка

⁶¹ Как это сделано в определении СК по гражданским делам ВС РФ от 15.10.2013 № 5-КГ13-88.

⁶² См.: Вопрос 6 Разъяснений по вопросам, возникающим в судебной практике, Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2015) (утв. Президиумом ВС РФ 04.03.2015): «Злоупотребление правом при совершении сделки нарушает запрет, установленный ст. 10 ГК РФ, поэтому такая сделка признается недействительной на основании ст. 10 и 168 ГК РФ», и определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 15.12.2014 № 309-ЭС14-923, включенное в Обзор судебной практики ВС РФ № 2 (2015) (утв. Президиумом ВС РФ 26.06.2015).

признается недействительной по этому основанию (например, по правилам статьи 170 ГК РФ)».

86.

«Мнимая сделка, то есть сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия, ничтожна (пункт 1 статьи 170 ГК РФ).

Следует учитывать, что стороны такой сделки могут также осуществить для вида ее формальное исполнение. Например, во избежание обращения взыскания на движимое имущество должника заключить договоры купли-продажи или доверительного управления и составить акты о передаче данного имущества, при этом сохранив контроль соответственно продавца или учредителя управления за ним.

Равным образом осуществление сторонами мнимой сделки для вида государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество не препятствует квалификации такой сделки как ничтожной на основании пункта 1 статьи 170 ГК РФ».

87.

«Согласно пункту 2 статьи 170 ГК РФ притворная сделка, то есть сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, с иным субъектным составом, ничтожна. В связи с притворностью недействительной может быть признана лишь та сделка, которая направлена на достижение других правовых последствий и прикрывает иную волю всех участников сделки. Намерения одного участника совершить притворную сделку для применения указанной нормы недостаточно.

К сделке, которую стороны действительно имели в виду (прикрываемая сделка), с учетом ее существа и содержания применяются относящиеся к ней правила (пункт 2 статьи 170 ГК РФ).

Притворной сделкой считается также та, которая совершена на иных условиях. Например, при установлении того факта, что стороны с целью прикрыть сделку на крупную сумму совершили сделку на меньшую сумму, суд признает заключенную между сторонами сделку как совершенную на крупную сумму, то есть применяет относящиеся к прикрываемой сделке правила.

Прикрываемая сделка может быть также признана недействительной по основаниям, установленным ГК РФ или специальными законами».

88.

«Применяя правила о притворных сделках, следует учитывать, что для прикрытия сделки может быть совершена не только одна, но и несколько сделок. В таком случае прикрывающие сделки являются ничтожными, а к сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом ее существа и содержания применяются относящиеся к ней правила (пункт 2 статьи 170 ГК РФ).

Например, если судом будет установлено, что участник общества с ограниченной ответственностью заключил договор дарения части принадлежащей ему доли в уставном капитале общества третьему лицу с целью дальнейшей продажи оставшейся части доли в обход правил о преимущественном праве других участников на покупку доли, договор дарения и последующая купля-продажа части доли могут быть квалифицированы как единый договор купли-продажи, совершенный с нарушением названных правил. Соответственно, иной участник общества вправе потребовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя (пункт 2 статьи 93 ГК РФ, пункт 18 статьи 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Разграничение недействительных сделок на притворные и мнимые, известное отечественной правовой системе, не является универсальным. По сути, признание сделки мнимой или притворной имеет одно и то же последствие — совершенные сторонами в фактической реальности действия не имеют какого-либо эффекта в реальности правовой: стороны не создают для себя прав и обязанностей, которые обычно создают подобные действия, право не замечает этого поведения.

О мнимых сделках говорится в ситуации, когда с целью обмануть третьих лиц стороны разыгрывают совершение сделки или, иными словами, не совершая сделки, ведут себя так, чтобы все думали, будто сделка имела место⁶³. Можно выделить следующие основные признаки мнимых сделок: обе ее стороны согласны в том, что выраженное (изъявленное) ими вовне не должно иметь правового эффекта, при этом цель — обман третьих лиц — обычно присутствует, но не обязательно⁶⁴.

63 См. об этом: Ширвиндт А. М. Указ. соч. С. 32–33

64 Armbrüster Ch. in: Münchener Kommentar zum BGB. B. I. Allgemeiner Teil. § 1-240 / Hg. F. J. Säcker, R. Rixen. 6. Auf. München, 2012. S. 1153–1157.

В случае мнимости сделки для третьих лиц (не для сторон) остается скрытым то, чего действительно хотелось достичь с точки зрения права⁶⁵.

В результате реформы гражданского законодательства в 2012 году ГК РФ в п. 1 ст. 10 прямо закрепил еще одну форму злоупотребления правом в виде «действий в обход закона с противоправной целью». Очевидно излишним было включение в текст ГК РФ уточнения о противоправности цели обхода закона. Грамматическое построение п. 1 ст. 10 ГК РФ («Не допускаются <...> действия в обход закона с противоправной целью <...>») логически приводит к толкованию, что возможен допустимый обход закона с правомерной целью, что, скорее всего, не подразумевалось законодателем.

Кратко и содержательно обход закона можно определить следующим образом: «это ситуация, когда закон формально запрещает какое-либо действие, но путем толкования данного запрета можно прийти к выводу, что закон запрещает не столько само действие (или правовую форму, в которую оно облекается), сколько результат, к которому данное действие приводит. И если можно сделать такой вывод, то запрещенными этим законом должны считаться любые действия, приводящие к достижению того же самого результата, а не только действия, формально упомянутые в норме»⁶⁶. Одним из проявлений этого института является заключение двусторонних сделок в обход закона, то есть ситуация, когда стороны заключают договор, запрет на совершение которого формально не включен в гипотезу какой-либо императивной нормы, но фактический результат, достигнутый указанным соглашением, совпадает с результатом прямо запрещенного договора, либо достигается с исключением не желаемых сторонами правовых последствий.

Примером может служить передача доли в праве собственности в качестве отступного по ранее заключенному договору займа без соблюдения требований ст. 250 «Преимущественное право покупки» ГК РФ, формально установленных только для договоров купли-продажи и мены. Совершая сделку отступного, ее стороны лишают третьих лиц (участников долевой собственности) преимущественного права приобретения доли в праве собственности другого участника. Поэтому согласно п. 8 Постановления Пленума ВС № 25 на основе ст. ст. 10, 168, 250 ГК РФ суд в такой ситуации должен сказать, что к сделке по предоставлению отступного применяются правила п. 3 ст. 250 ГК РФ о договоре купли-продажи, то есть норма права, в обход которой была совершена сделка.

Эту ситуацию можно описать иначе. Продавец и покупатель доли в праве собственности, стремясь исключить для себя не желаемые правовые последствия заключения договора купли-продажи, предусмотренные п. 3 ст. 250

65 Schermaier M. J. in: Historisch-kritischer Kommentar zum BGB. B. I. Allgemeiner Teil. § 1-240 / Hg. Schmoeckel M., Rückert J., Zimmermann R. Tübingen, 2003. S. 433.

66 Егоров А. В. Обход закона: специальная норма, не более того // Ведомости. 2011. № 95(2861). С. 4.

ГК РФ, заключают заем (сумма займа — цена по купле-продаже) и сделку отступного (= передача доли в праве собственности), достигая таким образом того же экономического эффекта (переход доли покупателю-займодавцу), что и по договору купли-продажи.

То есть стороны совершили сделки (заем и предоставление отступного) с целью прикрыть другую сделку (куплю-продажу), выполнив гипотезу первого предложения п. 2 ст. 170 ГК РФ. Следовательно, согласно абз. 2 п. 87 Постановления Пленума ВС № 25 суд должен применить правила, относящиеся к сделке, которые стороны в действительности имели в виду (к купле-продаже), то есть п. 3 ст. 250 ГК РФ. Именно через притворность объяснена ничтожность сделок в обход преимущественного права покупки доли в ЗАО в п. 3 информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.06.2009 № 131 «Обзор рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ».

Аналогичные операции можно провести на примере обеспечительной передачи права собственности, совершаемой с целью обхода норм о залоге (= прикрывающей залог).

Эта вариативность представления одной и той же правовой ситуации была призвана показать схожесть двух юридических составов — сделок в обход закона и мнимых (притворных) сделок. Даже в самом Постановлении Пленума ВС № 25 (абз. 2 п. 88) как бы «оговаривается» и в пример притворной сделки приводится договор дарения доли в ООО *в обход правил* о преимущественном праве других участников на покупку доли (выделено авт. — *Н. Т.*). Как же проводится их разграничение? Достоверный ответ на этот вопрос можно получить, только обратившись к истории развития этих институтов.

Институт мнимых сделок был известен римскому праву классического периода. О *simulatione* говорили тогда, когда хотя сделка и заключалась, но по намерению сторон она не должна была иметь эффекта. В большинстве случаев таким образом обходились определенные запреты, например, за договором купли-продажи и аренды, по которым цена или арендная плата в действительности не должна уплачиваться, скрывали нарушающее запрет дарение. Основной сферой применения правил о притворности сделки были именно сделки, совершенные в обход определенных запретов⁶⁷. Таким образом, мнимые сделки совпадали со сделками в обход закона, это был один и тот же правовой институт.

Разделение мнимых сделок и сделок в обход закона — следствие волевой теории сделки. В 1878 году Й. Колер в своей работе «Учение о внутрен-

---

67 Kaser M. Das römische Privatrecht. Das altrömische, das vorklassische und klassische Recht. 2. Aufl. München, 1971. S. 242–243; Schermaier M. J. Op. cit. S. 433–434.

них оговорках и притворстве»⁶⁸ указал в качестве признака сделки в обход закона то, что ее правовые последствия желаемы, но только в той степени, насколько она достигает экономической цели прикрываемой сделки. Сделки в обход закона, согласно Й. Колеру, должны быть недействительными, если они нацелены на результат, которому закон хочет воспрепятствовать. Однако стороны желают тех правовых последствий, которые следуют за сделкой в обход закона.

Отсюда уже в современных комментариях к ГГУ содержится следующее положение. Мнимой сделки, согласно абз. 1 § 117, нет тогда, когда стороны хотят наступления соответствующих правовых последствий, но не связанного с ними экономического или прочего фактического результата. Сделки в обход закона не являются мнимыми, поскольку в этих случаях стороны стремятся к наступлению их правовых последствий, чтобы достичь своих практических целей⁶⁹.

Таким образом, произошло смещение акцента в толковании института мнимости сделок. Если стороны желали наступления правовых последствий сделки, хотя, заключая ее в таком виде, имели целью исключить применение ряда положений о сделке, которая в действительности соответствовала сути их экономических отношений, сделка признается совершенной в обход закона, но не мнимой.

Логику этих рассуждений можно продемонстрировать на примере положения мотивировочной части постановления ФАС Центрального округа от 21.06.2006 по делу № А68-ГП-303/17-05. В этом деле истцы просили признать недействительным договор купли-продажи здания, заключенный между ними и ответчиком, как прикрывающий сделки займа и залога. Истцы указывали на то, что в связи со сложностью процедуры обращения взыскания на залог по требованию ответчика был заключен договор купли-продажи с обратным выкупом, а не договор займа и договор залога.

Отказывая в удовлетворении требований, суд в том числе указал, что ссылка истцов на заключение договора купли-продажи с целью исключить трудности с оформлением договора залога подтверждает тот факт, что их воля, как и воля покупателя, была направлена на заключение именно договора купли-продажи и по этой причине он не может признаваться мнимым.

Таким образом, в XIX веке произошло смещение акцента в квалификации мнимых сделок с соотношения юридически значимых действий и их последствий в фактической реальности на соотношение воли и волеизъявления:

---

68 Kohler J. Studien über Mentalreservation und Simulation. In: Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts. 16 = NF 4 (1878). Цит. по: Schermaier M. J. Op. cit. S. 436.

69 Armbrüster Ch. Op. cit. S. 1156.

для установления того, является ли сделка мнимой, необходимо выявить, действительно ли лицо хотело того, что оно изъявило.

Такая постановка вопроса свела основное значение правил о притворности сделки к внутреннему отношению действующих сторон, а не защите третьих лиц. Главное правило, которое имеет значение для мнимых и притворных сделок, — несоответствие между волей и волеизъявлением не влияет на сделку, если другая сторона была добросовестной (*falsa demonstratio non nocet*). Оно и закреплено в последнем предложении п. 87 Постановления Пленума ВС № 25.

Отсюда негативные примеры судебной практики, в которых истцу отказывали в признании сделки ничтожной на основании ст. 170 ГК РФ, по сути, и вызвавшие необходимость придумать новый инструмент защиты, когда стороны для достижения экономического результата используют юридическую форму, отличную от той, которую на самом деле подразумевают. Приведем пример⁷⁰.

Х обратилась в суд с иском к Y о признании недействительными сделок купли-продажи дома и земельного участка, поскольку они прикрывали меру обеспечения по договору займа. Суд отказал в удовлетворении исковых требований, сославшись на то, что переход права собственности по договору купли-продажи состоялся.

Да, купля-продажа чаще всего ведет к переходу права собственности на вещь. Однако суд должен был установить, были ли эти действия вообще куплей-продажей, какого экономического эффекта своими действиями добились стороны, что они прятали за правовой формой купли-продажи?

Но догматическое смещение акцента толкования понятия мнимости и господство теории воли не позволяют суду задаться такими вопросами и логически приводят к необходимости создания новой, дополнительной категории, позволяющей раскрывать правовую форму и искать реальные фактические последствия. Этой категорией стала «сделка в обход закона».

Одновременно сложилась негативная практика, согласно которой, если сделка исполнена одной из сторон, она не может считаться мнимой (постановления Президиума ВАС РФ от 05.04.2011 № 16002/10, АС Поволжского округа от 21.01.2015 по делу № А72-10641/2013). Но это проявление не сущностного признака мнимой сделки, а общего правила о запрете противоречивого поведения: исполнив сделку, лицо не может ссылаться на ее ничтожность. Поэтому в п. 86 Постановления Пленума ВС № 25 применен противоположный подход.

Характерно, что по спорам, когда сделку как мнимую оспаривают третьи лица, поскольку она нарушает их права (чаще всего ввиду вывода активов должника), суды констатировали, что факт исполнения не влияет на признание сделки мнимой (постановления Президиума ВАС РФ от 13.12.2011 № 10467,

---

70 На основе определения СК по гражданским делам ВС РФ от 28.05.2013 № 5-КГ13-49.

от 22.06.2013 № 3810/13, от 26.11.2013 № 7317/13, от 21.01.2014 № 9913/13, от 28.01.2014 № 14302/13, АС Уральского округа от 04.09.2014 по делу № А71-13039/2010, определение СК по гражданским делам ВС РФ от 05.06.2012 по делу № 11-КГ12-3) и, более того, что при мнимых сделках исполнение симулируется в большинстве случаев (постановление ВАС РФ от 18.10.2012 № 7204/12)⁷¹. Эта функция мнимых сделок — защита кредиторов от вывода активов должников — была восстановлена в отечественном правопорядке в абз. 2 п. 86 Постановления Пленума ВС № 25. Таким образом, внемконкурсное оспаривание осуществляется на основании ст. 170 ГК РФ, хотя суды часто продолжают ссылаться в таких случаях на ст. 10 и ст. 168 ГК РФ⁷².

В результате можно сделать вывод, что вопрос о соотношении мнимых сделок и сделок в обход закона зависит от общих теоритических посылок теории сделки. Вместе с тем последствия применения рассматриваемых норм одинаковы: суд должен применить нормы, которые соответствуют сути, а не форме отношений сторон.

Если придерживаться волевой теории, то сделка в обход закона отличается от мнимой сделки тем, что правовые последствия первой желаемы сторонами. Кроме того, суд для квалификации сделки как совершенной в обход закона должен устанавливать только объективный факт достижения результата, запрещенного законом, а не намерения сторон⁷³. Если же основываться на том, что правовые последствия сделки сообщает не только воля сторон, но в самой правовой системе принято, что за определенными формами социального взаимодействия следуют правовые последствия, мнимой сделкой будет признаваться та, форма которой не соответствует ее реальному содержанию, и сферы действия мнимых сделок и сделок в обход закона совпадут.

С учетом того, что п. 8 Постановления Пленума ВС № 25 все-таки в качестве руководящего начала предписывает различать мнимые сделки и сделки в обход закона, судам следует руководствоваться первым из обозначенных подходов.

---

71 Также, что факт исполнения не влияет на признание сделки мнимой см.: Ширвиндт А. М. Указ. соч. С. 33.

72 Об институте внемконкурсного оспаривания см.: Курбанов Б. М., Усачева К. А. Институт «внемконкурсного оспаривания». Какие нюансы нужно учесть на практике // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 1. С. 80–89.

73 Armbrüster Ch. Op. cit. S. 1156.

Глава II

Комментарий к постановлению Пленума
ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении
судами некоторых положений
Гражданского кодекса Российской
Федерации об ответственности
за нарушение обязательств» (далее —
Постановление Пленума ВС № 7)

Общие положения об ответственности и о возмещении убытков

1.

«Должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства (пункт 1 статьи 393 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Если иное не предусмотрено законом или договором, убытки подлежат возмещению в полном размере: в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом (статья 15, пункт 2 статьи 393 ГК РФ).

Если иное не установлено законом, использование кредитором иных способов защиты нарушенных прав, предусмотренных законом или договором, не лишает его права требовать от должника возмещения убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства (пункт 1 статьи 393 ГК РФ)».

2.

«Согласно статьям 15, 393 ГК РФ в состав убытков входят реальный ущерб и упущенная выгода.

Под реальным ущербом понимаются расходы, которые кредитор произвел или должен будет произвести для восстановления нарушенного права, а также утрата или повреждение его имущества. Упущенной выгодой являются не полученные кредитором доходы, которые он получил бы с учетом разумных расходов на их полу-

чение при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, может требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы (пункт 2 статьи 15 ГК РФ)».

3.

«При определении размера упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления (пункт 4 статьи 393 ГК РФ).

В то же время в обоснование размера упущенной выгоды кредитор вправе представлять не только доказательства принятия мер и приготовлений для ее получения, но и любые другие доказательства возможности ее извлечения.

Например, если заказчик предъявил иск к подрядчику о возмещении убытков, причиненных ненадлежащим исполнением договора подряда по ремонту здания магазина, ссылаясь на то, что в результате выполнения работ с недостатками он не смог осуществлять свою обычную деятельность по розничной продаже товаров, то расчет упущенной выгоды может производиться на основе данных о прибыли истца за аналогичный период времени до нарушения ответчиком обязательства и/или после того, как это нарушение было прекращено.

Должник не лишен права представить доказательства того, что упущенная выгода не была бы получена кредитором».

Первые десять пунктов Постановления Пленума ВС № 7 посвящены подробному описанию элементов состава гражданского правонарушения: вреда, причинно-следственной связи и субъективного основания ответственности. В Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России, рекомендованной Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства протоколом от 26.01.2009 № 66 (далее — Концепция развития обязательственного права), отмечается, что «судебно-арбитражная практика свидетельствует о том, что такая форма ответственности как возмещение убытков крайне редко применяется участниками имущественного оборота в качестве средства защиты прав, нарушенных в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств. Судя по статистическим данным арбитражных судов, лишь в 4–5% случаев нарушения договорных обязательств кредиторы защищают свои права путем предъявления должнику требований о возмещении

причиненных убытков, предпочитая взимание неустойки или процентов годовых за пользование чужими денежными средствами. Такое положение во многом является следствием негативного отношения к возмещению убытков, сформировавшегося еще в советские годы. В современной судебно-арбитражной практике особо остро (в рамках проблемы справедливого возмещения убытков) стоит вопрос о доказывании кредитором не только наличия убытков, вызванных нарушением обязательства со стороны должника, но и их точного размера». Таким образом, реформа обязательственного права в этой части была направлена на облегчение доказывания убытков. Вслед за законодателем Пленум ВС дает разъяснения, цель которых — предотвратить отказы во взыскании убытков, когда доказан факт правонарушения, а также облегчить процесс доказывания для потерпевшего. Постановление Пленума ВС № 7 пошло по двум направлениям:

- 1) толкование норм об упущенной выгоде;
- 2) облегчение доказывания причинно-следственной связи.

В первых трех пунктах Пленум ВС раскрыл понятие «упущенная выгода». Согласно п. 4 ст. 393 ГК РФ при определении упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления. Возможный вариант толкования указанной нормы исходит из того, что для взыскания упущенной выгоды необходимым условием является осуществление кредитором мер и приготовлений для ее получения. Если он этого не сделал, то упущенную выгоду взыскать нельзя (постановление Президиума ВАС РФ от 22.03.2005 № 14354/04, определение СК по гражданским делам ВС РФ от 17.08.2010 № 5-В10-50). Однако такое толкование значительно уменьшает вероятность взыскания убытков в полном объеме, тем более что принятие специальных мер требуется не во всех случаях, а о наличии упущенной выгоды свидетельствует сам ход осуществления деятельности кредитором. Исходя из этого, вслед за п. 14 Постановления Пленума ВС № 25, Постановление № 7 повторяет идею о том, что о наличии упущенной выгоды свидетельствуют не только меры и приготовления для ее получения.

Однако сделана важная оговорка, на которую стоит обратить внимание ответчикам по искам о взыскании упущенной выгоды. Размер упущенной выгоды определяется в виде дохода за вычетом расходов, которые истец должен был бы понести для получения этих доходов. Таким образом, за основу расчета должен браться не любой доход, а чистая прибыль истца.

4.

«Согласно пункту 5 статьи 393 ГК РФ суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков

не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков, включая упущенную выгоду, определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства».

Еще одной порочной тенденцией, складывающейся в судебной практике, был отказ во взыскании убытков ввиду недоказанности их точного размера, несмотря на достоверно установленный и даже подтвержденный ответчиком факт нарушения. Одно из таких дел рассмотрено Европейским судом по правам человека (постановление от 12.02.2013 «Дело «Дзугаева (Dzugayeva) против Российской Федерации», жалоба № 44971/04). В рамках этого дела истица обратилась с иском к публично-правовому образованию о взыскании убытков. В обоснование иска она указала, что является предпринимателем и торгует стеклянными бутылками многоразового использования. Для хранения этих бутылок она использовала трейлер, припаркованный во дворе своего дома. Б. доставил заявительнице стеклянные бутылки. В сопроводительных документах указывалось, что в общей сложности там находилось 34 тыс. бутылок. Он оставил бутылки, упакованные в полиэтиленовые мешки, во дворе ее дома. Мешки были погружены в трейлер двумя лицами — В.М. и Г.М. Представители местной администрации и милиции изъяли трейлер истицы в связи с отсутствием у нее разрешения на парковку. Трейлер был перевезен на неохраняемую территорию для изъятых имуществ. Описание содержимого трейлера не составлялась, при изъятии истица не присутствовала. Позднее ее уведомили о том, что имущество будет ей возвращено после уплаты сборов за эвакуацию и хранение. Впоследствии истица нашла свой трейлер пустым, за исключением нескольких разбитых бутылок, находившихся в нем. Ответственные за территорию хранения сказали ей, что бутылки могли быть похищены. В ходе судебных заседаний ответчик не отрицал данные обстоятельства. Однако истице было отказано в удовлетворении заявленных требований, поскольку она не смогла доказать точное количество утраченных бутылок. ЕСПЧ пришел к выводу о наличии нарушений ст. 1 «Защита собственности» Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Другой пример — постановление Президиума ВАС РФ от 29.10.2013 № 11070/13. В этом деле экспедитор утратил груз, однако суды отказали грузоотправителю во взыскании реального ущерба, поскольку он не доказал точную стоимость утраченного груза. Президиум ВАС РФ поддержал выводы суда апелляционной инстанции, который удовлетворил требования грузоотправителя, указав, что фактически суд кассационной инстанции, отказывая в удовлетворении требований, при установлении факта нарушения экспеди-

тором своих обязательств по упомянутому договору транспортно-экспедиционного обслуживания освободил его от неблагоприятных последствий такого нарушения.

Итогом стало закрепление в п. 5 ст. 393 ГК РФ следующего положения: «Размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. Суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства».

Норма сформулирована крайне противоречиво. Первое предложение говорит о том, что размер убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. Однако из следующих предложений следует, что все-таки не должен, поскольку иск подлежит удовлетворению и в случае, когда размер убытков невозможно установить даже с разумной степенью достоверности. На первый взгляд Верховный суд цитирует ГК РФ, однако на самом деле он устраняет это внутреннее противоречие, ориентируя суды на необходимость взыскания компенсации в любом случае при доказанности факта нарушения.

5.

«По смыслу статей 15 и 393 ГК РФ, кредитор представляет доказательства, подтверждающие наличие у него убытков, а также обосновывающие с разумной степенью достоверности их размер и причинную связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником и названными убытками. Должник вправе предъявить возражения относительно размера причиненных кредитором убытков, и представить доказательства, что кредитор мог уменьшить такие убытки, но не принял для этого разумных мер (статья 404 ГК РФ).

При установлении причинной связи между нарушением обязательства и убытками необходимо учитывать, в частности, то, к каким последствиям в обычных условиях гражданского оборота могло привести подобное нарушение. Если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается.

Должник, опровергающий доводы кредитора относительно причинной связи между своим поведением и убытками кредитора, не лишен возможности представить доказательства существования иной причины возникновения этих убытков.

Вина должника в нарушении обязательства предполагается, пока не доказано обратное. Отсутствие вины в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства доказывается должником (пункт 2 статьи 401 ГК РФ).

Если должник несет ответственность за нарушение обязательства или за причинение вреда независимо от вины, то на него возлагается бремя доказывания обстоятельств, являющихся основанием для освобождения от такой ответственности, например, обстоятельств непреодолимой силы (пункт 3 статьи 401 ГК РФ)».

Ключевое значение этого пункта — облегчение доказывания наличия причинно-следственной связи как элемента гражданского правонарушения.

Сложности понимания причинно-следственной связи в гражданском праве уходят глубоко в философское понимание причинности. Вследствие господства в России на протяжении длительного времени диалектического материализма, разработанного Марксом и Энгельсом, в отечественном правопорядке доминирует представление о том, что причинная связь между явлениями есть не субъективное представление человека о соотношении явлений, а объективно существующая связь между явлениями. При этом при изучении связи явлений нужно различать необходимые связи и связи случайные: факторы, необходимо обусловившие данный результат, и факторы, сопутствовавшие необходимым, но для возникновения данного результата случайные. Ответственность наступает только в случае, если причинная связь является необходимой⁷⁴. Эти теоретические предпосылки привели к тому, что российские суды требовали от истцов доказать то, что действия ответчика являются единственной необходимой причиной возникшего вреда в данном конкретном случае. Это очень высокий стандарт доказывания. По сути, он привел к тому, что в любом деле можно было отказать в удовлетворении исковых требований со ссылкой на то, что «истец не доказал причинно-следственную связь между действиями ответчика и возникшим вредом».

Изменить эту ситуацию должно рассматриваемое разъяснение. Оно исходит из того, что вопрос причинно-следственной связи — это не вопрос уста-

---

⁷⁴ См. об этом: Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951. С. 55–59; Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд. М., 2013. С. 460 (автор главы — Е. А. Суханов).

новления природной (физической) связи между явлениями, а вопрос нормативный. Такой подход принят в большинстве европейских правовых порядков, где помимо необходимой причинно-следственной связи признается также возможность использования иных критериев, для признания того, что ответчик должен отвечать за вред истцу⁷⁵. Для констатации причинно-следственной связи судье не нужно устанавливать, что только действия ответчика в данном конкретном случае стали причиной убытков истца. Согласно абз. 1 п. 5 Постановления Пленума ВС № 7 причинно-следственная связь доказывается с разумной степенью достоверности. Истцу необходимо доказать, что в обычных условиях гражданского оборота действия ответчика могли бы привести к возникшему у истца вреду. То есть причиной признается то обстоятельство, которое обычно приводит к такому последствию. Таким образом, Верховный суд использует модель наиболее вероятной причины.

6.

«По общему правилу стороны обязательства вправе по своему усмотрению ограничить ответственность должника (пункт 4 статьи 421 ГК РФ).

Заклучение такого соглашения не допускается и оно является ничтожным, если нарушает законодательный запрет (пункт 2 статьи 400 ГК РФ) или противоречит существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства (например, ничтожными являются условия договора охраны или договора перевозки об ограничении ответственности профессионального исполнителя охранных услуг или перевозчика только случаями умышленного неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства)».

7.

«Если в пределах, установленных пунктом 4 статьи 401 ГК РФ, в заранее заключенном соглашении указаны обстоятельства, устраняющие или ограничивающие ответственность должника за неумышленное нарушение обязательства, то на него возлагается бремя доказывания их наступления.

Заклученное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности не освобождает от ответственности за умышленное нарушение обязательства (пункт 4 статьи 401 ГК РФ). Отсутствие умысла доказывается лицом, нарушившим обязательство

---

⁷⁵ Kleinschmidt J. in: Handwörterbuch des Europäischen Privatrechts. B. II. Kau — Z. / Hrgb. J. Basedow, K. J. Hopt, R. Zimmermann. Tübingen, 2011. S. 969–973.

(пункты 1 и 2 статьи 401 ГК РФ). Например, в обоснование отсутствия умысла должником, ответственность которого устранена или ограничена соглашением сторон, могут быть представлены доказательства того, что им проявлена хотя бы минимальная степень заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства».

Пленум Верховного суда посвятил п.п. 6–7 Постановления № 7 соглашениям об ограничении ответственности. По общему правилу стороны в договоре вправе ограничить ответственность по обязательству, например, установить, что должник не будет отвечать за наступление определенных обстоятельств, будет отвечать только в определенном размере либо его ответственность будет ограничена только случаями умышленного нарушения договора, например, договорятся о том, что возмещению подлежит только реальный ущерб, но не упущенная выгода.

Применительно к таким соглашениям Пленум дал, по сути, два важных разъяснения:

1) соглашение об ограничении ответственности только случаями умышленного причинения вреда может противоречить существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства⁷⁶ и в этом случае являться ничтожным;

2) дано определение умысла в гражданском праве.

Первое разъяснение говорит о том, что соглашение об ограничении ответственности может входить в противоречие с тем договорным типом, который выбрали стороны⁷⁷. В качестве примеров приводятся договор охраны и договор перевозки (который, по сути, содержит охранный элемент). Если стороны ограничивают ответственность охраны только случаями умышленного причинения вреда, то есть ситуациями, когда охрана не проявляет даже минимальную степень заботливости, чтобы охранять объект, и не отвечает в остальных ситуациях, противоречит существу охранный договора, который заключается с целью обеспечения сохранности предмета охраны.

Второе разъяснение крайне важно не только для соглашений об ограничении ответственности, но и для любых споров, где встает вопрос о вине в гражданско-правовом смысле. Пленум ВС РФ акцентирует внимание на том, что понятие вины, в том числе умысла, в уголовном и гражданском праве отличаются. Для констатации вины должника в форме умысла в договорном споре

⁷⁶ См. разъяснение к п. 74 Постановления Пленума ВС № 25.

⁷⁷ Похожий подход используется во французском праве. См.: Ширвиндт А. М. Соглашения об ответственности за нарушение обязательства во французском праве // Вестник гражданского права. 2013. № 3. С. 28.

не нужно устанавливать его психическое отношение к нарушению обязательства, например, то, что он желал нарушения обязательства и наступления неблагоприятных последствий для кредитора. Вина в гражданском праве определяется не через субъективное, психическое отношение лица к своему поведению, а как непринятие им объективно возможных мер по устранению и недопущению отрицательных результатов своих действий (абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ)⁷⁸. Отсюда иное определение умысла. Умысел — это не проявление минимальной степени заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства⁷⁹. Это положение можно продемонстрировать на примере дела, которое рассмотрела Судебная коллегия по экономическим спорам РФ (определение от 22.01.2015 № 306-ЭС14-1997). В данном деле рассматривался вопрос об ответственности охраны за несохранность банкомата. В возражениях на иск охрана указала, что договором было предусмотрено, что она несет ответственность только в случаях, если в результате умысла или халатности не передаст представителям банка информацию по поступившему от банкомата сигналу «Тревога», однако в рассматриваемом деле сигнал «Тревога» не поступал, а поступил сигнал «Нарушение режима тестирования». Коллегия пришла к выводу, что в этом случае охранная организация несет ответственность, поскольку «отсутствие сигнала на пульте охраны вследствие повреждения сигнализации (ее длительное невосстановление) должно было послужить поводом для принятия мер ответчиком к выявлению причин отсутствия сигнала и их устранения путем сообщения должностным лицам и органам, указанным в договоре оказания охранных услуг, как в целях предотвращения возможного хищения, повреждения имущества, так и, согласно условиям договора, в целях принятия мер по ремонту и обслуживанию банкомата.

Однако ответчик соответствующие меры не принял, что нельзя признать надлежащим исполнением обязательств согласно условиям договора, надлежащим и профессиональным исполнением исходя из сути обязательств исполнителя по договору охранных услуг, состоящих в максимальном приложении усилий к сохранению охраняемого имущества».

8.

«В силу пункта 3 статьи 401 ГК РФ для признания обстоятельства непреодолимой силой необходимо, чтобы оно носило чрезвычайный и непредотвратимый при данных условиях характер.»

⁷⁸ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право... / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 463.

⁷⁹ См.: Ширвиндт А. М. Режим соглашений об ответственности за нарушение обязательства в негосударственных сводах гражданского права (часть вторая) // Вестник гражданского права. 2014. № 3.

Требование чрезвычайности подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях.

Если иное не предусмотрено законом, обстоятельство признается непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий.

Не могут быть признаны непреодолимой силой обстоятельства, наступление которых зависело от воли или действий стороны обязательства, например, отсутствие у должника необходимых денежных средств, нарушение обязательств его контрагентами, неправомерные действия его представителей».

Развитие понятия непреодолимой силы в гражданском праве напрямую связано с разработкой общего учения о значении вины для возложения на причинителя вреда гражданско-правовой ответственности.

По общему правилу за нарушение обязательства должник несет ответственность при наличии вины. То есть он отвечает, если не проявил должную степень заботливости и осмотрительности (п. 1 ст. 401 ГК РФ). Однако часто законодатель предписывает случаи ответственности без вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Вместе с тем такая ответственность не может быть безграничной. Поиск границы безвиновной ответственности лиц и породил развитие учения о «случае» (ответственности без вины) и «непреодолимой силе» (границе этой ответственности).

Условно основные теории о значении выражения «непреодолимая сила» можно поделить на две группы: субъективные и объективные⁸⁰.

В субъективных теориях непреодолимая сила — явления природы и деяния посторонних лиц, если:

- их нельзя ни устранить, ни предотвратить;
- они влекут вредные последствия, которые нельзя избежать, даже если соблюсти всевозможную или требуемую при данных обстоятельствах осторожность.

Эти теории предлагают оценивать поведение должника исходя из того, возможно ли было предотвратить эти события, если соблюсти определенную осторожность. Поэтому они и назывались субъективными.

Объективные теории пытались определить непреодолимую силу через ее внешние (объективные) признаки. Можно привести следующие рассужде-

---

⁸⁰ См. об этом: Пирвиц Э. Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2010. № 6. (по изд. 1895 г.) / СПС «КонсультантПлюс».

ния, относящиеся к разработке этой теории. Закон устанавливает ответственность без вины с целью защитить права потерпевших, которые часто неосуществимы только потому, что существуют значительные затруднения в сборе доказательств. Потерпевшие просто не в состоянии собрать всю необходимую доказательственную базу. Для устранения этого фактического неравенства законодатель вообще исключает ссылки должника на отсутствие вины и устанавливает безвиновную ответственность. Однако такое решение несправедливо, когда очевидно, что вина отсутствовала и она никак не может презюмироваться. В поисках обстоятельств, когда с очевидностью отсутствует вина должника, объективной теорией были выработаны следующие критерии: необходимо, чтобы событие, причинившее вред, было внешним, то есть исходило извне, а не происходило внутри предприятия, так как события последнего рода обыкновенно неизвестны потерпевшему и почти никогда не могут быть доказаны. Дозволение хозяину предприятия ссылаться на такие внутренние причины происшедшего вреда не соответствовало бы вышеозначенной цели закона, направленной к устранению затруднений по предмету представления доказательств. Поэтому перевозчик отвечает безусловно за исправность своих служащих (например, болезнь, стачка) и перевозочных средств и вообще за всякие вреднодействующие события (например, пожар, взрыв), возникшие в пределах предприятия (например, внутри склада, корабля, повозки). Затем для признания события непреодолимой силой, то есть устраняющим всякое предположение о вине перевозчика, необходимо, чтобы событие было непредотвратимо при данных обстоятельствах. А для того, чтобы непредотвратимость события была с первого взгляда достоверна, самое событие должно быть общеизвестным (например, бомбардирование гавани, землетрясение, удар молнии). Непредотвратимость события не соизмеряется с силою сопротивления, которую мог проявить перевозчик, но заключается в его чрезвычайности сравнительно с другими вреднодействующими событиями, более или менее часто повторяющимися в обыденной жизни.

По сути, объективная теория переключалась в советскую доктрину⁸¹ и была закреплена в Гражданском кодексе РФ.

Таким образом, в отечественной доктрине были сформированы следующие признаки непреодолимой силы:

---

81 См., напр., высказывание С. Н. Братуся: «Спор продолжается, главным образом, по поводу тех трактовок понятия непреодолимой силы, которые даны представителями объективной и субъективной теории непреодолимой силы в буржуазной науке». См.: Братусь С.Н. Некоторые вопросы науки гражданского права и судебной практики по гражданским делам в период Отечественной войны // Социалистическая законность. 1944. № 11. С. 35. Цит. по: Туманов В. А. Случай и непреодолимая сила в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951. С. 122.

- 1) внешний характер,
- 2) чрезвычайность,
- 3) непредотвратимость,
- 4) относительный характер, то есть непреодолимая сила может таковой являться в одних условиях и не являться в других⁸².

Эти признаки также закреплены в п. 8 Постановления Пленума ВС № 7.

В судебно-арбитражной практике подчеркивается, что непредотвратимость носит объективный характер: никто не мог бы избежать данного события или его последствий. Отсутствие у конкретного должника возможности предотвратить обстоятельство, на которое он ссылается как освобождающее от ответственности, не принимается во внимание. Объективным характером непредотвратимости непреодолимая сила отличается от случая, в основе которого лежит субъективная невозможность конкретного субъекта избежать данного обстоятельства.

Требование чрезвычайности подразумевает исключительность обстоятельства, претендующего на квалификацию в качестве непреодолимой силы. Данное обстоятельство не должно являться «обыденным», «нормальным» в данных жизненных условиях (постановление Президиума ВАС РФ от 21.06.2012 № 3352/12). Так, например, суды часто отклоняют довод о том, что возгорание (пожар) является обстоятельством непреодолимой силы, поскольку в ряде случаев его возможно избежать при соблюдении соответствующих правил техники безопасности (постановление Президиума ВАС РФ от 21.06.2012 № 3352/12, определение об отказе в передаче дела в Президиум ВАС от 22.08.2013 № ВАС-7125/13, постановление ФАС Уральского округа от 28.02.2013 по делу № А71-6908/2012).

По общему правилу не является непреодолимой силой выпадение атмосферных осадков в виде дождя или понижение температуры воздуха в условиях Сибири до минус 30 градусов и ниже, поскольку это распространенное, часто повторяющееся, обычное природное явление в данной местности, не обладающее признаком чрезвычайности (постановления ФАС Восточно-Сибирского округа от 28.04.2011 по делу № А19-14631/2010, от 12.08.2011 по делу № А33-15816/2010, от 09.07.2013 по делу № А48-7011/2012, от 27.02.2014 по делу № А19-3942/2013, от 16.07.2014 по делу № А58-4221/2013, Поволжского округа от 15.11.2012 по делу № А55-30980/2011, 19ААС от 06.03.2014 по делу № А14-10072/2013).

В качестве примера объективно непредотвратимого события можно привести наводнение в г. Крымске Краснодарского края — стихийное бедствие, от которого пострадало более 34 тысяч человек (постановление ФАС Московского округа от 16.12.2013 по делу № А40-21817/2013).

---

82 См.: Павлодский Е. А. Случай и непреодолимая сила в гражданском праве. М., 1978. 104 с.

Из описанных характеристик обстоятельств непреодолимой силы, а также перечня обстоятельств, не являющихся форс-мажором согласно ГК РФ (нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств), выводят дополнительный критерий, не названный в ГК РФ, но вытекающий из него — внешний характер обстоятельств по отношению к деятельности сторон обязательства: обстоятельства непреодолимой силы не должны зависеть от воли и действий участников обязательства (постановления Президиума ВАС РФ от 21.06.2012 № 3352/12, ФАС Уральского округа от 10.07.2014 по делу № А07-21006/2013).

Суды отклоняют ссылки ответчиков на обстоятельства, касающиеся внутренней организации работы должника, действий его представителей, финансирования, обязательственных связей. Например, отсутствие автоматической системы пожаротушения, локальная, не носящая крупномасштабного характера забастовка работников предприятия, вызванная поведением управляющих самого предприятия (постановления ФАС Северо-Кавказского округа от 05.02.2010 по делу № А32-23390/2008, Западно-Сибирского округа от 26.11.2013 по делу № А27-16928/2012).

Кроме того, из всех приведенных выше примеров видно, что суды проверяют наличие признаков непреодолимой силы применительно к конкретным обстоятельствам дела, обстановке, в которой произошло данное событие. Таким образом, подчеркивается также относительный характер обстоятельств непреодолимой силы. Например, то, что нормально для одних географических территорий, может носить исключительный характер для других.

Наряду с указанными в иностранных правопорядках используется термин «обстоятельства вне разумного контроля». В пример можно привести ст. 79 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года (далее — Венская конвенция). Согласно этой норме сторона не несет ответственности за неисполнение любого из своих обязательств, если докажет, что оно было вызвано препятствием вне ее контроля и что от нее нельзя было разумно ожидать принятия этого препятствия в расчет при заключении договора либо избежания или преодоления этого препятствия или его последствий.

В соответствии с Венской конвенцией выделяется три признака обстоятельств «вне разумного контроля»:

Неисполнение должно быть вызвано обстоятельствами, которые находятся вне сферы влияния должника, то есть эти обстоятельства должны носить внешний характер по отношению к предприятию должника. Напротив, к сфере риска должника относятся, например, финансовая платежеспособность и материально-техническое обеспечение (наличие запасов, своевременное осуществление поставок третьими лицами, недостатки оборудования).

Эти обстоятельства должны быть непредвидимы при заключении договора; Наступление этих обстоятельств и, соответственно, их последствий должно быть непредотвратимо. Причем непредотвратимость не зависит от вины должника, и вводится объективный масштаб, который ориентирует на действия любого разумного человека при равных обстоятельствах⁸³.

Понятие «обстоятельства вне разумного контроля» используется также в ст. 7.1.7 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА и ст. III.-3:104 Модельных правил европейского частного права.

«Обстоятельства вне разумного контроля» Венской конвенции по сути легко соотносятся с понятием «обстоятельства непреодолимой силы» п. 3 ст. 401 ГК РФ, которое сформулировано даже более определенно. Они прямо совпадают по признакам внешнего характера и объективной непредотвратимости. Но пункт 3 ст. 401 ГК вводит критерий чрезвычайности, то есть исключительности данного события, его экстраординарности с объективной точки зрения. Так, например, нельзя считать непреодолимой силой ежегодный разлив реки или ежегодно выпадающие в виде дождя или снега осадки, если они не отличаются необычным масштабом⁸⁴. В то время как «обстоятельства вне разумного контроля» подразумевают непредвидимость, то есть разумный участник оборота не мог принимать в расчет это обстоятельство при заключении договора и подготовке исполнения. Как и любой критерий, основанный на вменении стороне знания и возможности учета данного обстоятельства, непредвидимость более размыта и менее определена, чем чрезвычайность. Вместе с тем в некоторых публикациях последнего времени эти критерии отождествляются⁸⁵.

9.

«Наступление обстоятельств непреодолимой силы само по себе не прекращает обязательство должника, если исполнение остается возможным после того, как они отпали.

Кредитор не лишен права отказаться от договора, если вследствие просрочки, возникшей в связи с наступлением обстоятельств непреодолимой силы, он утратил интерес в исполнении. При этом должник не отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой исполнения обязательств вследствие наступления

83 Huber P. in: CISG Art. 79 Hinderungsgrund außerhalb des Einflüßbereichs des Schuldners // Münchener Kommentar zum BGB. 5. Auf. 2008. Rn. 6.

84 См.: Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право... С. 466.

85 См., напр.: Байбак В. В. Общие условия ответственности за нарушение обязательств в ст. 401 ГК РФ: старые правила в новом контексте // Закон. 2016. № 10. С. 138–139.

обстоятельств непреодолимой силы (пункт 3 статьи 401, пункт 2 статьи 405 ГК РФ)»⁸⁶.

Пункт 3 ст. 401 ГК РФ говорит об обстоятельствах непреодолимой силы как об основаниях для освобождения от ответственности за нарушение обязательства. Такие обстоятельства часто влекут невозможность исполнения обязательства. Об этом свидетельствует анализ критериев, которым должны соответствовать обстоятельства, чтобы их признали непреодолимой силой. Согласно п. 1 ст. 416 ГК РФ обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает. В пункте 9 Постановления № 7 решен вопрос о соотношении этих понятий. Невозможность исполнения может носить временный и постоянный характер. Временная невозможность исполнения означает, что затруднения носят устранимый, временный характер. Статья 416 ГК РФ говорит о постоянной невозможности исполнения, устранить которую невозможно. Таким образом, если затруднения носят временный характер, они не являются основанием для прекращения обязательства на основании ст. 416 ГК РФ⁸⁷. Вместе с тем, если эти обстоятельства непредотвратимы и чрезвычайны, они являются основанием для того, чтобы лицо не несло ответственности за просрочку исполнения обязательства. Например, шторм на море может препятствовать перевозчику доставить груз в срок, однако это обстоятельство не освобождает его от осуществления перевозки, но дает возможность не платить штраф за нарушение срока исполнения договора.

С другой стороны, объективно существует факт просрочки (неисполнения обязательства), хотя должник и не несет за него ответственности. На протяжении этого времени кредитор может утратить интерес к исполнению обязательства, например, если поставка определенной продукции была нужна ему к конкретной дате. Последствия просрочки должника определены в ст. 405 ГК РФ. Согласно п. 2 этой статьи если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора, он может отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков. Здесь содержится два правила: первое — кредитор может отказаться от исполнения и второе — кредитор может требовать убытков от должника. Поскольку непреодолимая сила исключает требование о взыскании убытков, применению подлежит только первое правило — о возможности отказаться от договора.

---

⁸⁶ См. также комментарий к п. 23 Постановления Пленума ВС № 7.

⁸⁷ См.: Громов А. А. Влияние невозможности исполнения на право кредитора требовать исполнения обязательства в натуре // Вестник гражданского права. 2016. № 3.

10.

«Должник обязан принять все разумные меры для уменьшения ущерба, причиненного кредитору обстоятельством непреодолимой силы, в том числе уведомить кредитора о возникновении такого обстоятельства, а в случае неисполнения этой обязанности — возместить кредитору причиненные этим убытки (пункт 3 статьи 307, пункт 1 статьи 393 ГК РФ)».

Обстоятельства непреодолимой силы исключают ответственность должника в тех случаях, когда он отвечает без вины. Однако они не могут исключать ответственность за виновное нарушение обязательства. Тот факт, что наступили обстоятельства непреодолимой силы, не освобождает должника от обязанностей:

- проявлять заботливость и осмотрительность при исполнении,
- действовать добросовестно по отношению к кредитору.

Из этих рассуждений Пленум Верховного суда вывел правило, согласно которому должник обязан принять все разумные меры, чтобы уменьшить ущерб кредитора. Например, если шторм вынудил перевозчика сделать внеплановую остановку, он должен позаботиться о грузе. Иначе перевозчик будет обязан возместить убытки, например, в виде стоимости испорченного груза, если его порчу можно было предотвратить.

Возмещение убытков при прекращении договора (ст. 393.1 ГК РФ)

11.

«По смыслу статьи 393.1 ГК РФ, пунктов 1 и 2 статьи 405 ГК РФ, риски изменения цен на сопоставимые товары, работы или услуги возлагаются на сторону, неисполнение или ненадлежащее исполнение договора которой повлекло его досрочное прекращение, например, в результате расторжения договора в судебном порядке или одностороннего отказа другой стороны от исполнения обязательства. В указанном случае убытки в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и текущей ценой возмещаются соответствующей стороной независимо от того, заключалась ли другой стороной взамен прекращенного договора аналогичная (замещающая) сделка.

Если в отношении предусмотренного прекращенным договором исполнения имеется текущая цена на сопоставимые товары, работы или услуги, кредитор вправе потребовать от должника

возмещения таких убытков и тогда, когда замещающая сделка им не заключалась (пункт 2 статьи 393.1 ГК РФ). Текущей ценой признается цена, взимаемая в момент прекращения договора за сопоставимые товары, работы или услуги в месте, где должен был быть исполнен договор, а при отсутствии текущей цены в указанном месте — цена, которая применялась в другом месте и может служить разумной заменой с учетом транспортных и иных дополнительных расходов».

Еще одним механизмом, направленным на повышение защищенности кредитора и упрощение процесса взыскания убытков, стало закрепление в ст. 393.1 ГК РФ двух способов расчета убытков — конкретного и абстрактного.

Конкретный метод расчета убытков связывает расчет с разницей в цене прекращенного договора и так называемой замещающей сделки, заключенной взамен прекращенного договора (п. 1 ст. 393.1 ГК РФ). Абстрактный метод предполагает расчет убытков на основе рыночных цен на сопоставимые товары, работы и услуги (п. 2 ст. 393.1 ГК РФ).

Пункт 11 Постановления Пленума ВС № 7 установил, что кредитор может по своему выбору воспользоваться любым из предложенных методов расчета.

У этого решения была альтернатива — Пленум ВС мог установить приоритет конкретного метода над абстрактным. Это можно проиллюстрировать на конкретном примере. Поставщик не поставил товар по цене 1 тыс. руб., покупатель отказался от договора и купил аналогичный товар у своего родственника за 1050 руб. В момент расторжения договора на рынке товар стоил 1100 руб. Согласно конкретному методу расчета убытков кредитор должен из цены замещающей сделки (1050 руб.) вычесть цену прекращенного договора (1 тыс. руб.). Убытки покупателя составят 50 руб. Если пользоваться абстрактным методом, то цену прекращенного договора (1 тыс. руб.) нужно вычесть из рыночной цены в момент прекращения договора (1100 руб.). Убытки кредитора составляют 100 руб. Абстрактный метод расчета, когда есть замещающая сделка, может привести к обогащению кредитора, поскольку реальный его убыток меньше. В нашем примере он может взыскать 100 руб. вместо 50 руб. Это основной аргумент против того, чтобы дать кредитору возможность выбрать между способами расчета⁸⁸.

Обстоятельства заключения замещающей сделки кредитором довольно сложно выяснить должнику, а возложение обязанности на кредитора пред-

---

⁸⁸ Критику подхода ВС РФ см.: Договорное и обязательственное право (общая часть): постановительный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2017. С. 652. (автор комментария — В. В. Байбак).

ставить соответствующую информацию только усложнит процесс взыскания убытков. Против этого была направлена реформа. Кроме того, согласно п. 1 и п. 2 ст. 393.1 кредитор «вправе» использовать конкретный или абстрактный способ расчета убытков. Это также стало основой для предложенного решения. Если подойти к вопросу с другой стороны, кредитор может вообще не ссылаться на ст. 393.1 ГК РФ. Он может потребовать взыскать упущенную выгоду со ссылкой на разъяснения из п. 3 Постановления Пленума ВС № 7, которые ориентируют на взыскание упущенной выгоды исходя из примерных показателей рынка. Также кредитор может заключить замещающую сделку по необоснованно высокой цене. Тогда самому должнику будет выгоден абстрактный метод. Поэтому нельзя достоверно утверждать, какой из двух методов более выгоден должнику или кредитору⁸⁹.

12.

«Если кредитор заключил замещающую сделку взамен прекращенного договора, он вправе потребовать от должника возмещения убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой на сопоставимые товары, работы или услуги по условиям замещающей сделки (пункт 1 статьи 393.1 ГК РФ). Кредитором могут быть заключены несколько сделок, которые замещают расторгнутый договор, либо приобретены аналогичные товары или их заменители в той же или в иной местности и т.п.

Добросовестность кредитора и разумность его действий при заключении замещающей сделки предполагаются (пункт 5 статьи 10, пункт 3 статьи 307, статья 393.1 ГК РФ).

Должник вправе представить доказательства того, что кредитор действовал недобросовестно и/или неразумно и, заключая замещающую сделку, умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением, либо не принял разумных мер к их уменьшению (пункт 1 статьи 404 ГК РФ). Например, должник вправе представлять доказательства чрезмерного несоответствия цены замещающей сделки текущей цене, определяемой на момент ее заключения по правилам пункта 2 статьи 393.1 ГК РФ».

---

⁸⁹ См.: Овсянникова А. О. Абстрактный и конкретный методы исчисления убытков // Вестник гражданского права. 2015. № 5. По свидетельству А. О. Овсянниковой, такой подход принят в американском праве. Приоритет абстрактного метода установлен для ряда сделок в Англии и в Германии. Поэтому сложно согласиться с В. В. Байбаком в том, что подход ВС РФ противоречит международным стандартам.

Этот пункт раскрывает особенность применения конкретного метода расчета убытков. Первое важное разъяснение заключается в том, что замещающими может быть признан целый ряд сделок, а не только одна. Например, если кредитору не поставили 50 кг товара, то замещающей не обязательно должна быть только одна сделка по покупке 50 кг товара у другого лица, это может быть и несколько договоров купли-продажи, например, по 10 кг у разных лиц.

Важная проблема конкретного метода — возможность кредитора манипулировать с ценой замещающей сделки. Он может вступить в новый договор по необоснованно высокой цене, зная, что взыщет разницу с должника. Например, цена прекращенного договора составляет 1 тыс. руб., рыночная цена в момент прекращения — 1100 руб. Если кредитор заключит договор с ценой 2 тыс. руб. и воспользуется конкретным методом расчета, то сможет взыскать с должника 1 тыс. руб. убытков.

На решение этой проблемы направлены разъяснения абз. 2 и 3 п. 12 Постановления Пленума ВС № 7.

Во-первых, Пленум ВС вводит презумпцию того, что цена замещающей сделки адекватна реальному положению дел на рынке, а кредитор, когда вступает в новый договор, действует добросовестно. Это соответствует общей презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Бремя доказывания недобросовестности лежит на должнике.

Во-вторых, Пленум ВС вводит оценочный критерий чрезмерности цены замещающей сделки. Это толкование дает суду определенную дискрецию в каждом конкретном случае. Однако иной подход просто невозможен. Если бы Постановление Пленума ВС № 7 установило какие-либо численные показатели, то это могло привести к несправедливости как по отношению к кредитору, так и по отношению к должнику. Важно, что средние расхождения цены прекращенного договора и замещающей сделки не учитываются. Иное лишило бы этот способ расчета самостоятельного значения. Ведь суды в любом случае сравнивали бы цену замещающей сделки с ценами на рынке. То есть они использовали бы не конкретный, а абстрактный метод.

13.

«Заключение замещающей сделки до прекращения первоначального обязательства не влияет на обязанность должника по осуществлению исполнения в натуре и на обязанность кредитора по принятию такого исполнения (пункт 3 статьи 308 ГК РФ).

Кредитор вправе потребовать от должника возмещения убытков в виде разницы между ценами в первоначальном договоре

и такой замещающей сделке при условии, что впоследствии первоначальный договор был прекращен в связи с нарушением обязательства, которое вызвало заключение этой замещающей сделки».

Другой важный вопрос при работе с конкретным методом расчета убытков — вопрос о времени, когда кредитор должен заключить замещающую сделку. Может ли быть ею сделка, которую он заключил до того, как расторг договор с должником? Как влияет заключение аналогичной сделки на первоначальное обязательство?

Пленум ВС дает положительный ответ на первый вопрос. Замещающей можно признать также сделку, которую кредитор заключил до того, как прекратил первоначальный договор. Цель такого подхода — защитить кредитора. Если очевидно, что должник не исполнит обязательство, кредитор вправе совершить замещающую сделку непосредственно перед расторжением договора⁹⁰. То есть цену этой сделки можно будет использовать при расчете убытков.

Однако сам по себе факт заключения аналогичной сделки, в силу принципа относительности обязательств, никак не влияет на обязательство кредитора с должником. Если кредитор не хочет получать исполнение в натуре от должника, он должен отказаться от договора, сделав соответствующее волеизъявление должнику.

14.

«Удовлетворение требований кредитора о взыскании с должника убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и текущей ценой либо ценой замещающей сделки не освобождает должника от возмещения иных убытков, причиненных кредитору (пункт 3 статьи 393.1 ГК РФ)».

Этот пункт повторяет соответствующую норму ГК РФ, подчеркивая, что конкретный и абстрактный методы расчета убытков являются лишь возможностями кредитора при обосновании причиненного ему вреда, однако не ограничивают размера ответственности должника. Например, взыскание разницы между ценой замещающей сделки купли-продажи и ценой первоначального договора не исключает возможности покупателя также взыскать убытки с должника, причиненные тем, что товар не был поставлен в срок и кредитор ожидал его определенный период времени до исполнения замещающей сделки.

---

⁹⁰ См.: Овсянникова А. О. Указ. соч.

Возмещение потерь по правилам статьи 406.1 ГК РФ

15.

«В силу пунктов 1 и 5 статьи 406.1 ГК РФ соглашением сторон обязательства может быть прямо установлена обязанность одной из них возместить имущественные потери другой стороны, возникшие в случае наступления определенных обстоятельств, каким-либо образом связанных с исполнением, изменением или прекращением обязательства либо его предметом, и не являющихся нарушением обязательства.

В отличие от возмещения убытков по правилам статей 15 и 393 ГК РФ возмещение потерь по правилам статьи 406.1 ГК РФ осуществляется вне зависимости от наличия нарушения (неисполнения или ненадлежащего исполнения) обязательства соответствующей стороной и независимо от причинной связи между поведением этой стороны и подлежащими возмещению потерями, вызванными наступлением определенных сторонами обстоятельств.

По смыслу статьи 406.1 ГК РФ, возмещение потерь допускается, если будет доказано, что они уже понесены или с неизбежностью будут понесены в будущем. При этом сторона, требующая выплаты соответствующего возмещения, должна доказать наличие причинной связи между наступлением соответствующего обстоятельства и ее потерями.

Стороны вправе установить, в частности, такой порядок определения размера потерь, по которому одна из сторон возмещает другой все возникшие у нее потери, вызванные соответствующими обстоятельствами, или их часть.

Если сторона, в пользу которой должно быть осуществлено возмещение потерь, недобросовестно содействовала наступлению обстоятельства, на случай которого установлено это возмещение, для целей применения статьи 406.1 ГК РФ такое обстоятельство считается ненаступившим (пункт 4 статьи 1, пункт 2 статьи 10 ГК РФ)».

Введение института возмещения потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств, вызывает ряд разумных опасений. Возможное толкование ст. 406.1 ГК РФ допускало, что лицо может обязаться возместить убытки за наступление какого угодно обстоятельства (снегопад,

дождь, неурожай). Однако в таком случае возникает вопрос о том, как соотносится этот институт со страхованием. Должник обязан выплатить сумму в связи с наступлением определенного случая. Вместе с тем правила об обязательствах из договора страхования содержат множество императивных норм, которые ограничивают договорную свободу. В статье 406.1 ГК РФ их нет. Цель разъяснений Пленума ВС РФ — исключить подобные рисковые, неэквивалентные сделки («выплату 100 руб., если пойдет снег»).

Пункт 15 Постановления Пленума ВС № 7 разграничивает возмещение потерь и возмещение убытков. Одновременно он ограничительно толкует ст. 406.1 ГК РФ, чтобы исключить ситуации, когда стороны могли бы заключить описанные выше договоры.

Согласно абз. 1 п. 15 соглашение о возмещении потерь не может быть заключено абстрактно, а должно быть привязано к конкретному обязательству между сторонами (купле-продаже, подряду, возмездному оказанию услуг и т. д.). Необходимость наличия другого (основного) обязательства, в которое входит условие о возмещении потерь, прямо следует из п. 1 ст. 406.1 ГК РФ, который начинается со слов: «Стороны обязательства <...> могут своим соглашением предусмотреть обязанность одной стороны <...>». Например, это может быть условие о том, что продавец акций выплатит покупателю определенную денежную сумму в случае, если в течение года после перехода прав на акции налоговый орган предъявит к акционерному обществу требования о выплате доначисленных налогов и привлечении к налоговой ответственности. Далее Пленум разграничивает потери и убытки по всем элементам состава гражданского правонарушения: вред, противоправность, вина, причинно-следственная связь. Для присуждения должника к возмещению потерь кредитор не должен доказывать наличие какого-либо нарушения и вины должника, достаточно наступления определенного в договоре обстоятельства. Однако у кредитора должен наличествовать вред (потери) и он должен доказать, что причиной этих потерь послужило наступление обстоятельства, определенного в договоре.

Согласно последнему предложению п. 1 ст. 406.1 ГК РФ соглашением сторон должен быть установлен размер возмещения таких потерь или порядок его определения. Во избежание того, что эта норма толковалась бы судами в том смысле, что для действительности соглашения о возмещении потерь необходимо указать точный размер или формулу расчета, Пленум разъяснил, что формулировка о возмещении всех потерь также является определенной. Такой подход соответствует цели защиты и восстановления имущественного положения кредитора.

Соглашение о возмещении потерь необходимо для защиты кредитора от неожиданных, не зависящих от его воли обстоятельств. Таким образом, когда обстоятельство зависит от кредитора и он способствует его наступлению, он своими действиями ухудшает свою имущественную сферу. Такой

убыток не может быть возложен на другое лицо. Для этих целей Верховный суд прибегает к фикции и говорит о том, что в таких случаях обстоятельство считается ненаступившим, следовательно, должник не обязан возмещать соответствующие потери.

17.

«Применяя положения статьи 406.1 ГК РФ, следует учитывать, что соглашение о возмещении потерь должно быть явным и недвусмысленным. По смыслу статьи 431 ГК РФ, в случае неясности того, что устанавливает соглашение сторон — возмещение потерь или условия ответственности за неисполнение обязательства, положения статьи 406.1 ГК РФ не подлежат применению.

По общему правилу, заключенность и действительность соглашения о возмещении потерь, предусмотренных статьей 406.1 ГК РФ, подлежат оценке судом независимо от заключенности и действительности договора, в связи с которым оно заключено, даже если оно содержится в этом договоре в виде его условия (оговорки). Например, если соглашение о возмещении потерь включено в виде условия в договор купли-продажи, недействительность или незаключенность этого договора купли-продажи сама по себе не влечет недействительность или незаключенность соглашения о возмещении потерь.

Отдельное соглашение или включенное в текст договора условие о возмещении потерь может быть признано недействительным самостоятельно, например, по основаниям, предусмотренным статьями 168–179 ГК РФ. В таком случае соглашение о возмещении потерь не влечет последствий, на которые оно было направлено».

Условия договора часто формулируются нечетко и допускают двусмысленное толкование. При этом вопрос о том, согласовали ли стороны условия ответственности должника, перечислив определенные обстоятельства, либо договорились о возмещении потерь, является крайне важным, так как влияет на условия соответствующей выплаты. Пленум ВС РФ разъяснил, что в случае неясности условие договора должно толковаться как условие об ответственности, и для взыскания платы необходимо доказать весь состав гражданского правонарушения. Чтобы суд признал условие соглашением о возмещении потерь, стороны должны прямо выразить соответствующую волю в договоре. То есть они должны четко указать, что должник возмещает потери кредитора от наступления конкретного обстоятельства, которое не связано с нарушением обязательства, согласно ст. 406.1 ГК РФ.

Абзацы 2 и 3 п. 17 Постановления Пленума ВС № 7 посвящены толкованию п. 3 ст. 406.1 ГК РФ, согласно которому потери возмещаются независимо от признания договора незаключенным или недействительным, если иное не предусмотрено соглашением сторон. Эти положения истолкованы в смысле автономности соглашения о возмещении потерь от основного договора. Недействительность и незаключенность основного договора не влияет на недействительность и незаключенность соглашения (условия) о возмещении потерь. Однако это условие может быть признано недействительным при наличии самостоятельных оснований, например, когда оно заключено под влиянием угрозы и т. п.

18.

«Если подлежащие возмещению потери возникли в связи с неправомерными действиями третьего лица, к стороне, возместившей такие потери, переходит от другой стороны требование к этому третьему лицу о возмещении убытков в части, не превышающей размер осуществленного возмещения (пункт 4 статьи 406.1 ГК РФ).

Соглашение о возмещении потерь, заключенное в соответствии со статьей 406.1 ГК РФ, не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон, а потому, если размер осуществленного возмещения потерь превышает размер убытков, которые подлежат возмещению третьим лицом по правилам статьи 15 ГК РФ, статей 393 или 1064 ГК РФ, соответствующая разница не подлежит взысканию с такого третьего лица (пункт 3 статьи 308 ГК РФ)».

Пункт 4 ст. 406.1 ГК РФ предусмотрел случай законного перехода прав. Если потери возникли у кредитора в результате действий третьего лица, то он имеет сразу два требования по поводу возмещения одного вреда:

- 1) требование к должнику по договору на основании условия о возмещении потерь;
- 2) требование к третьему лицу из деликта.

Если кредитор реализует оба эти требования (и к договорному, и к деликтному должникам), он обогатится, так как получит возмещение дважды. Это будет противоречить принципу восстановительного характера гражданско-правовой ответственности. В этой связи ГК РФ предложен способ координации этих требований. В случае получения удовлетворения в виде возмещения потерь кредитором к договорному должнику переходит требование против деликтного должника.

Однако размер требований к договорному и деликтному должникам может не совпадать. Кредитор и договорный должник могут согласовать

возмещение потерь в большем объеме, чем размер убытков, причиненных деликтным должником. В силу принципов автономии воли (п. 2 ст. 1 ГК РФ) и относительности обязательств (п. 3 ст. 308 ГК РФ) соглашения, заключенные между кредитором и договорным должником, не могут влиять на деликтного должника. На основании соглашения, в котором деликтный должник не участвовал, он не может быть понужден к выплате большей суммы, чем это установлено законом. В этой связи риск разницы сумм потерь и реальных убытков ложится на договорного должника, который согласился на соответствующее условие в договоре. После выплаты потерь кредитор он сможет взыскать с деликтного должника только сумму, равную размеру убытков.

Ответственность за недобросовестное ведение переговоров (ст. 434.1 ГК РФ)

19.

«К отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при проведении переговоров, применяются нормы главы 59 ГК РФ с исключениями, установленными статьей 434.1 ГК РФ. Например, юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный недобросовестным поведением его работника при проведении переговоров (статья 1068 ГК РФ). В случае, когда вред при проведении переговоров причинен несколькими контрагентами совместно, они отвечают перед потерпевшим солидарно (статья 1080 ГК РФ).

Предполагается, что каждая из сторон переговоров действует добросовестно и само по себе прекращение переговоров без указания мотивов отказа не свидетельствует о недобросовестности соответствующей стороны. На истце лежит бремя доказывания того, что, вступая в переговоры, ответчик действовал недобросовестно с целью причинения вреда истцу, например, пытался получить коммерческую информацию у истца либо воспрепятствовать заключению договора между истцом и третьим лицом (пункт 5 статьи 10, пункт 1 статьи 421 и пункт 1 статьи 434.1 ГК РФ). При этом правило пункта 2 статьи 1064 ГК РФ не применяется.

Вместе с тем недобросовестность действий ответчика предполагается, если имеются обстоятельства, предусмотренные подпунктами 1 и 2 пункта 2 статьи 434.1 ГК РФ. В этих случаях ответчик должен доказать добросовестность своих действий».

В абзаце 1 п. 19 Постановления Пленума ВС № 7 преддоговорная ответственность, по сути, определена в качестве разновидности деликтной ответственности.

Истинная природа преддоговорной ответственности, то есть ее место в классификации, осуществленной по критерию основания возникновения обязательства (договор, деликт, иное основание), является сложным догматическим вопросом. Ответ на него обосновывает саму необходимость введения этого института.

Для возникновения правовой связи между двумя лицами (другими словами, для того, чтобы они стали участниками правоотношения и их бытовые отношения начали регулироваться правом) необходимо совершение определенного юридического факта. До наступления этого юридического факта, с которым в силу закона сопряжено возникновение обязательства, относительного правового отношения между двумя лицами не существует.

Следствие этого возникают вопросы: на каком основании лицо обязано возместить убытки, возникшие у его контрагента на стадии переговоров о заключении договора? Почему правовое отношение между двумя лицами возникает еще до заключения договора? Может быть, преддоговорная ответственность является частным случаем ответственности за деликт? Есть ли между ними какая-то разница?

В силу принципов равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности участников гражданских правоотношений (ст.ст. 1, 2 ГК РФ) лицо не обязано возмещать убытки другого лица без своего согласия или наличия оснований, указанных в законе. Это подтверждается также тем, что перечень оснований возникновения обязательств, который содержится в п. 2 ст. 307 ГК РФ, является закрытым. Следовательно, для возникновения обязательства по возмещению убытков, причиненных лицу, с которым должник недобросовестно вел переговоры, требуется какое-то основание, то есть необходимо знать ответ на вопрос, почему это лицо несет преддоговорную ответственность.

Если упростить дискуссию до двух противоположных полюсов, то обоснование можно видеть в том, что ответчик либо выразил на это свою волю (волевая теория договора), либо своими виновными действиями причинил ущерб другому лицу (деликт)⁹¹.

Основное практическое значение такой дискуссии состоит в том, что ответ на данный вопрос также предопределяет, какие нормы ГК РФ, наряду

---

91 Обзор точек зрения по этому вопросу см.: Жужжалов М. Б. Учение Р. фон Иеринга о преддоговорной ответственности: влияние на современность и возможности по применению в будущем (комментарий к русскому переводу работы «Culpa in contrahendo, или Возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров») // Вестник гражданского права. 2013. № 3. С. 274–286.

со ст. 434.1, будут применяться к этому обязательству: нормы деликтного или договорного права?

Рассматриваемая проблематика особенно актуальна для правопорядков, в которых некоторые нормы деликтного и договорного права различаются.

Например, согласно положению абз. 1 § 831 ГГУ обязанность возмещения вреда не возникает, если тот, кто привлек другое лицо, проявил надлежащую по условиям гражданского оборота заботливость при выборе этого лица, приобретении оборудования и аппаратуры или при руководстве исполнением или если ущерб возник бы и при проявлении такой заботливости. Иное решение предложено для договорного права. В соответствии с § 278 ГГУ должник отвечает за вину своего законного представителя, а также лиц, которых он привлекает к исполнению обязательства, в том же объеме, что и за свою вину. Таким образом, в немецком правопорядке квалификация преддоговорной ответственности может существенным образом повлиять на решение конкретного казуса, что, наверное, не так актуально для российского правоприменителя.

Сложно согласиться с тем, что ответственность за недобросовестное ведение переговоров является договорной, поскольку договора еще не существует, стороны не выражали совместную волю на то, что будут отвечать за определенные обстоятельства. Естественно, иной подход необходимо принять для случаев, когда стороны заключили специальное соглашение о ведении переговоров.

Квалификация преддоговорной ответственности в качестве деликтной также может вызывать определенные сложности и зависит от той модели деликтного права, которая принята в конкретном правопорядке. Ярко противопоставляются друг другу модель с генеральным деликтом, в которой существует общая оговорка о запрете любых противоправных действий (применяется во Франции), и модель, в которой ответственность установлена за множество поименованных конкретных действий (действует в Англии). В параграфах 823, 826 ГГУ закреплена своеобразная усредненная модель деликтного права, в рамках которой защите подлежит только определенный набор поименованных благ⁹².

В правопорядках, в которых отсутствует принцип генерального деликта, при квалификации преддоговорной ответственности в качестве деликтной могут возникать затруднения, поскольку недобросовестное ведение переговоров не подпадает ни под один из поименованных видов деликтов. Это приводит к пониманию преддоговорной ответственности как самостоятельного вида ответственности.

---

92 См.: Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / пер. с нем. М., 1998. Т. 2: Договор. Неосновательное обогащение. Деликт. С. 359–403.

Если же право наиболее общим образом запрещает любые виды виновного причинения вреда (принцип генерального деликта), то причинение вреда недобросовестным ведением переговоров подпадает под это определение. Выделения самостоятельного вида ответственности — преддоговорной — в этом случае не требуется.

Например, во французском праве суды стали взыскивать убытки, причиненные недобросовестным ведением переговоров, на основе статьи, содержащей правило генерального деликта. В немецком праве существование преддоговорной ответственности как самостоятельного вида, отличного от деликтной ответственности, обосновывается именно особенностями и недостатками немецкого деликтного права⁹³.

Несмотря на то что в ст. 1064 ГК РФ также закреплён принцип генерального деликта, отечественная судебная практика заняла противоположную позицию. Суды отказывались взыскивать убытки с недобросовестного контрагента, что и побудило законодателя ввести специальную норму, посвящённую преддоговорной ответственности.

Однако законодатель поступил довольно противоречиво. С одной стороны, ст. 434.1 ГК РФ включена в подразд. 2 «Общие положения о договоре» разд. III «Общая часть обязательственного права» ГК РФ. Системный подход требует применения к этому институту положений общей части договорного права. С другой стороны, п. 8 ст. 434.1 содержит неудачную с точки зрения законодательной техники формулировку: «Правила настоящей статьи не исключают применения к отношениям, возникшим при установлении договорных обязательств, правил главы 59 настоящего Кодекса». Использование выражения «не исключают» привело к тому, что при буквальном прочтении данный пункт лишен нормативного содержания. Такая формулировка не даёт достоверного ответа на вопрос о том, должны ли нормы деликтного права применяться к преддоговорной ответственности во всех случаях, прямо не урегулированных ст. 434.1 ГК РФ. Интересно, что в положениях Концепции развития гражданского законодательства РФ, посвящённых нормам обязательственного права, нет вывода о природе преддоговорной ответственности, однако этот вывод сделан в разд. VIII этого документа «Законодательство о международном частном праве»: в п. 2.11 данного раздела преддоговорная ответственность включена в группу внедоговорных обязательств.

---

93 Harke J. D. in: Historisch-kritischer Kommentar zum BGB. B. II. SchuldrechtAllgemeiner Teil. § 241–432. 2. Teilband: § 305–432 / Hgb. M. Schmoeckel, J. Rückert, R. Zimmermann. Tübingen, 2007. S. 1537, 1554; Emmerich V. in: Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. B. 2. Schuldrecht. Allgemeiner Teil. § 241–432 / Hgb. F. J. Säcker, R. Rixecker, H. Oetker. München, 2012. S. 1548.

Таким образом, учитывая историю развития института преддоговорной ответственности и существующую в России модель деликтного права, Пленум ВС РФ разрешил это противоречие, истолковав слова «не исключают» в том смысле, что гл. 59 ГК РФ должна применяться к отношениям по возмещению убытков, причиненных недобросовестным ведением переговоров во всем, что прямо не урегулировано ст. 434.1 ГК РФ⁹⁴.

В отечественном деликтном праве действует презумпция вины. Согласно п. 2 ст. 1064 ГК РФ бремя доказывания отсутствия вины лежит на правонарушителе⁹⁵.

Но эта презумпция не может действовать в отношениях перед заключением договора, поскольку будет противоречить фундаментальному принципу отечественного правопорядка — свободе договора. Согласно п. 1 ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора; понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством. По общему правилу лицо может без указания своих мотивов и ссылок на какие-либо дополнительные обстоятельства отказаться от заключения договора. В противном случае сам факт вступления во взаимодействие означал бы связывание себя договорным обязательством.

Эта мысль повторяется в п. 1 ст. 434.1 ГК РФ, согласно которому, если иное не предусмотрено законом или договором, граждане и юридические лица свободны в ведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто.

Это предопределило то, что Пленум ВС РФ не стал отступать от общего правила о презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений, установленного в п. 5 ст. 10 ГК РФ, и в абз. 2 п. 19 Постановления № 7 повторил презумпцию добросовестности участников переговоров, а не презумпцию вины.

В то же время сам законодатель в п. 2 ст. 434.1 ГК РФ допускает исключения из этого общего правила для двух ситуаций, при которых бремя доказывания добросовестности своих действий возложено на ответчика:

1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;

---

94 См. также: Мазур О. В., Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Ответственность за недобросовестные переговоры как ограничение свободы договора (на примере положений ст. 434.1 ГК РФ) // Свобода договора: сборник статей / под ред. М. А. Рожкова. М., 2016: эл. версия. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

95 См. также: абзац 3 п. 12 Постановления Пленума ВС № 25.

2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать.

В абзаце 3 п. 19 Постановления Пленума ВС № 7 содержится соответствующая оговорка.

20.

«Сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки.

В результате возмещения убытков, причиненных недобросовестным поведением при проведении переговоров, потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом.

Например, ему могут быть возмещены расходы, понесенные в связи с ведением переговоров, расходы по приготовлению к заключению договора, а также убытки, понесенные в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом (статья 15, пункт 2 статьи 393, пункт 3 статьи 434.1, абзац первый пункта 1 статьи 1064 ГК РФ)».

Для определения размера преддоговорной ответственности необходимо разграничивать понятия позитивного и негативного интересов⁹⁶.

Позитивный интерес — это интерес в исполнении, то, что должен был получить кредитор по договору, если бы договор был исполнен. Если бы в рамках преддоговорных споров взыскивался размер убытков, равный позитивному интересу, то это приравнивало бы ситуацию к той, при которой договор уже заключен. Таким образом, нарушался бы принцип свободы договора, так как, не заключая договор, лицо уже бы несло такую же ответственность, как если бы договор был заключен. Но правопорядок либо признает договор действительным, либо делает невозможным взыскание убытков в таком размере, который равен размеру убытков в ситуации, если бы договор считался действительным (заключенным).

Негативный интерес — это затраты, которые лицо не стало бы производить, если бы не рассчитывало на то, что договор действителен (заключен), а именно то, каким было бы имущественное положение истца, если бы договор вообще не заключался.

В рамках преддоговорной ответственности возмещению подлежат только убытки, размер которых равен негативному интересу, поскольку между сторонами еще не существует договора.

⁹⁶ См.: Жужалов М. Б. Указ. соч. С. 286–287.

Приведенная правовая позиция выражена в абз. 2 п. 20 Постановления Пленума ВС № 7: «В результате возмещения убытков, причиненных недобросовестным поведением при проведении переговоров, потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом».

Далее в этом же абзаце содержится открытый перечень примеров убытков, составляющих негативный интерес: «Например, ему могут быть возмещены расходы, понесенные в связи с ведением переговоров, расходы по приготовлению к заключению договора, а также убытки, понесенные в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом (статья 15, пункт 2 статьи 393, пункт 3 статьи 434.1, абзац первый пункта 1 статьи 1064 ГК РФ)».

Практически все эти примеры указаны в абз. 2 п. 3 ст. 434.1 ГК РФ. Разъяснение Пленума ВС РФ состоит в том, что данный перечень не является исчерпывающим.

Абзац 2 п. 3 ст. 434.1 ГК РФ допускает двоякое толкование. Он сформулирован следующим образом: «Убытками, подлежащими возмещению недобросовестной стороной, признаются расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьими лицами». Отсюда возникает вопрос: убытками, подлежащими возмещению в рамках преддоговорной ответственности, признаются только такие расходы или возможны какие-то иные убытки?

Пленум ВС РФ предложил второй (расширительный) вариант толкования данной нормы, увидев в приведенном перечне лишь некоторые из возможных примеров убытков, составляющих негативный интерес.

21.

«Если стороне переговоров ее контрагентом представлена неполная или недостоверная информация либо контрагент умолчал об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны были быть доведены до ее сведения, и сторонами был заключен договор, эта сторона вправе потребовать признания сделки недействительной и возмещения вызванных такой недействительностью убытков (статьи 178 или 179 ГК РФ) либо использовать способы защиты, специально предусмотренные для случаев нарушения отдельных видов обязательств, например, статьями 495, 732, 804, 944 ГК РФ.

Если указанные действия контрагента по предоставлению неполной или недостоверной информации послужили основанием для отказа стороны от заключения договора, последняя вправе потребовать возмещения убытков в соответствии с пунктом 3 статьи 434.1 ГК РФ».

Институт преддоговорной ответственности выделен по временному критерию и критерию связи с процессом заключения договора. Этот институт включает противоправное поведение до и в связи с заключением договора. Естественно, российскому правопорядку уже были известны определенные механизмы защиты от ряда нарушений, также подпадающих под эти критерии. В частности, ст.ст. 178 и 179 ГК РФ предусматривают последствия предоставления своему контрагенту недостаточной или недостоверной информации при заключении договора, а особенная часть обязательственного права устанавливает ответственность за частные случаи этого же деяния в рамках конкретных договорных обязательств (например, ответственность за эвизию).

При этом возникает следующий вопрос: какие нормы должны применяться в этом случае и может ли кредитор выбрать между способами защиты, ранее предусмотренными ГК РФ, и новым требованием, установленным ст. 434.1 ГК РФ?

В пункте 21 Постановления Пленума ВС № 7 дан отрицательный ответ на этот вопрос, относящийся к конкретной ситуации: кредитору при заключении договора была предоставлена недостоверная информация; в этом случае он не может сделать выбор и должен использовать конкретный способ защиты, определяемый в зависимости от того, был ли заключен договор между сторонами.

Данное разъяснение может вызвать возражение со ссылкой на буквальное содержание п. 7 ст. 434.1 ГК РФ, в соответствии с которым правила указанной статьи применяются независимо от того, был ли заключен сторонами договор по результатам переговоров.

Представляется, что в Постановлении № 7 Пленум ВС РФ дает ограничительное толкование приведенного законоположения. Его нормативное значение состоит в том, что само по себе⁹⁷ заключение договора не исцеляет нарушения, совершенные на стадии переговоров. Вместе с тем это правило не направлено на разрешение конкуренции нескольких требований по поводу одного нарушения.

Ответственность за неисполнение обязательства в натуре

22.

«Согласно пункту 1 статьи 308.3, статье 396 ГК РФ в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено ГК РФ, иными законами или договором либо не вытекает

⁹⁷ См. об этом также: Мазур О. В., Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Указ. соч.

из существа обязательства. При этом следует учитывать, что в соответствии со статьями 309 и 310 ГК РФ должник не вправе произвольно отказаться от надлежащего исполнения обязательства.

«При предъявлении кредитором иска об исполнении должником обязательства в натуре суд, исходя из конкретных обстоятельств дела, определяет, является ли такое исполнение объективно возможным.

Разрешая вопрос о допустимости понуждения должника исполнить обязанность в натуре, суд учитывает не только положения ГК РФ, иного закона или договора, но и существо соответствующего обязательства.

Не может быть отказано в удовлетворении иска об исполнении обязательства в натуре в случае, когда надлежащая защита нарушенного гражданского права истца возможна только путем понуждения ответчика к исполнению в натуре и не будет обеспечена взысканием с ответчика убытков за неисполнение обязательства, например, обязанностей по представлению информации, которая имеется только у ответчика, либо по изготовлению документации, которую правомочен составить только ответчик».

Одной из важнейших новелл, осуществленных Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ, является введение общего правила о возможности понудить должника к исполнению его обязательства в натуре (п. 1 ст. 308.3 ГК РФ). Ранее существовал противоположный подход. Предъявить требование об исполнении обязательства в натуре было возможно только в случаях, когда это прямо предусмотрено самим кодексом. Суды негативно воспринимали подобные требования на основе принципа исполнимости судебных актов. До введения института судебной неустойки исполнительное производство не обладало механизмами воздействия на должника с целью исполнить судебный акт. Таким образом, судебный акт, которым удовлетворено подобное требование, не мог быть реализован принудительно. В этом видели нарушение названного принципа.

Этот подход должна была изменить ст. 308.3 ГК РФ. Однако законодатель лишь в максимально общем виде провозгласил допустимость подобных требований. Он не дал никаких ориентиров об условиях его реализации, оставил все на откуп судебной практике и доктрине.

В такой ситуации у Пленума ВС РФ было два возможных варианта разъяснения ст. 308.3 ГК РФ:

1) рассмотреть каждый тип обязательств, например, обязательство по передаче вещи в собственность, обязательство по выполнению работ, обязательство по оказанию услуг, обязательство по предоставлению пользования вещью

и т. д., и определить, возможно ли понуждение к исполнению в натуре этого обязательства;

2) дать общие ориентиры, когда кредитор не может требовать исполнения в натуре.

Попытка реализации первого варианта оказалось неудачной. Анализ конкретных фактических ситуаций показал, что дать однозначный ответ о допустимости или недопустимости требования об исполнении обязательства в натуре исходя из типа или вида обязательства невозможно. Например, обязательство по производству работ. С одной стороны, это может быть требование об исправлении недостатков работ, допустимость которого прямо предусмотрена ст. 723 ГК РФ, с другой — требование о строительстве многоэтажного дома, эффективность которого сомнительна как с точки зрения его действительной реализации, так и защиты интересов кредитора. В результате Пленум пришел к выводу, что вопрос об удовлетворении требования об исполнении обязательства в натуре должен решаться применительно к конкретным обстоятельствам дела, на что и указано в абз. 2 п. 22 Постановления № 7. Абстрактно ответить на вопрос о том, что допустимо понуждение подрядчика, арендодателя, продавца и т. д. к исполнению обязательств в натуре, невозможно.

Абзацы 1 и 4 п. 22 Постановления Пленума ВС № 7 выполняют идеологическую функцию, ориентируя суды на то, что в связи с осуществленной реформой ГК РФ отношение судов к исполнению в натуре должно отчасти измениться. С этой целью абз. 4 также содержит пример, когда отказ в удовлетворении требования об исполнении обязательства в натуре будет нарушать право на судебную защиту. Речь идет о случаях, когда интерес истца не может быть адекватно восстановлен путем взыскания убытков. Наиболее распространенные из подобных споров — споры о предоставлении информации, которая имеется только у ответчика, например, требование участника к хозяйственному обществу о предоставлении информации.

23.

«По смыслу пункта 1 статьи 308.3 ГК РФ, кредитор не вправе требовать по суду от должника исполнения обязательства в натуре, если осуществление такого исполнения объективно невозможно, в частности, в случае гибели индивидуально-определенной вещи, которую должник был обязан передать кредитору, либо правомерного принятия органом государственной власти или органом местного самоуправления акта, которому будет противоречить такое исполнение обязательства.»

При этом отсутствие у должника того количества вещей, определенных родовыми признаками, которое он по договору обязан предоставить кредитору, само по себе не освобождает его

от исполнения обязательства в натуре, если оно возможно путем приобретения необходимого количества товара у третьих лиц (пункты 1, 2 статьи 396, пункт 2 статьи 455 ГК РФ).

Кредитор не вправе также требовать по суду исполнения в натуре обязательства, исполнение которого настолько связано с личностью должника, что его принудительное исполнение будет нарушать принцип уважения чести и достоинства гражданина. Например, не подлежат удовлетворению требования о понуждении физического лица к исполнению в натуре обязательства по исполнению музыкального произведения на концерте.

В тех случаях, когда кредитор не может требовать по суду исполнения обязательства в натуре, должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением обязательства, если отсутствуют основания для прекращения обязательства, например, предусмотренные пунктом 1 статьи 416 и пунктом 1 статьи 417 ГК РФ (статья 15, пункт 2 статьи 396 ГК РФ)».

25.

«При наличии обстоятельств, указанных в статье 397 ГК РФ, кредитор вправе по своему усмотрению в разумный срок поручить выполнение обязательства третьему лицу за разумную цену либо выполнить его своими силами и потребовать от должника возмещения расходов и других убытков. Указанная норма не лишает кредитора возможности по своему выбору использовать другой способ защиты, например, потребовать от должника исполнения его обязательства в натуре либо возмещения убытков, причиненных неисполнением обязательства».

Первые три абзаца п. 23 посвящены толкованию ограничительных условий требования об исполнении обязательства в натуре — это невозможность исполнения и тесная связь исполнения с личностью должника. Должник не может быть понужден к объективно невозможному исполнению, то есть к исполнению, которое не может быть осуществлено ни одним лицом. Из этого исходит абз. 1 п. 23. Никто не может передать вещь, которой не существует, или быть обязан совершить противоправное действие. Этому противопоставляется субъективная невозможность исполнения, то есть ситуация, когда требуемые от должника действия выходят за пределы того, к чему он обязался⁹⁸. Наиболее ярко это противопоставление можно проследить в аргументации Судебной коллегии по экономическим

98 См.: Громов А. А. Влияние невозможности исполнения на право кредитора потребовать исполнения обязательства в натуре // Вестник гражданского права. 2016. № 3, 4.

спорам ВС РФ в определении от 30.01.2017 № 305-ЭС16-14210. В этом деле перед судами стоял вопрос о допустимости удовлетворения в натуре требования покупателя к поставщику о предоставлении банковской гарантии в обеспечение исполнения обязательств поставщика по договору. Суды нижестоящих инстанций отказали в удовлетворении исковых требований со ссылкой на то, что предоставление банковской гарантии зависит от воли третьего лица (банка). Коллегия удовлетворила исковые требования, обосновав это тем, что обязательство не является объективно невозможным (не может быть исполнено ни одним лицом) и является субъективно исполнимым, поскольку «выдача банковских гарантий коммерческим организациям является типичной банковской операцией, постоянно осуществляемой российскими банками и иными кредитными организациями с целью извлечения прибыли, поэтому обращение ответчика к тому или иному банку с просьбой предоставить банковскую гарантию <...> не может нарушать права банка или налагать на него дополнительные обязательства».

С другой стороны, необходимо учитывать, что помимо объективной и субъективной выделяют временную и постоянную невозможность исполнения. Согласно разъяснениям, которые содержатся в п. 9 Постановления Пленума ВС № 7, наступление обстоятельств непреодолимой силы само по себе не прекращает обязательство должника, если исполнение остается возможным после того, как они отпали. Непреодолимая сила характеризуется чрезвычайностью и непредотвратимостью, соответственно, обстоятельства непреодолимой силы будут также означать невозможность исполнения в период их существования. Из указанного следует, что если невозможность исполнения носит хоть и объективный, но временный характер, это само по себе не является основанием для отказа в удовлетворении требования об исполнении обязательства в натуре.

Абзац 2 п. 23 Постановления Пленума ВС № 7 посвящен исполнению обязательства по передаче родовых вещей. Судебная практика, которая складывалась до реформы ГК РФ, свидетельствует о том, что в удовлетворении подобных требований суды отказывали. Появление ст. 308.3 ГК РФ стало основой для изменения сложившегося подхода. Отказ в удовлетворении требования о передаче родовых вещей должен был быть обоснован с точки зрения ГК, иного закона или существа обязательства. Однако подобные запреты в законе отсутствуют. При наличии этих вещей на рынке (у третьих лиц) исполнение такого обязательства также не является объективно невозможным, поскольку его могут исполнить третьи лица. Дальше встает вопрос, на кого возложить обязанность по поиску этих третьих лиц и заключению с ними договоров — должника или кредитора? Согласно ст. 397 ГК РФ в случае неисполнения должником обязательства изготовить и передать вещь в собственность, хозяйственное ведение или в оперативное управление, либо передать вещь в пользование кредитору, либо выполнить для него определенную работу или оказать ему услугу кредитор вправе в разумный срок поручить выполнение обязательства третьим лицам за разумную цену

либо выполнить его своими силами, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов, договора или существа обязательства, и потребовать от должника возмещения понесенных необходимых расходов и других убытков. Мыслимо было толкование, в соответствии с которым если кредитор не получил исполнения в срок, он должен для минимизации своих убытков заключить соответствующий договор с третьим лицом (митигационные обязанности). Вместе с тем представляется, что цель вступления кредитора (покупателя) в договор купли-продажи как раз и состояла в том, чтобы освободить себя от поиска других продавцов. Должник (продавец) обязался обеспечить получение товара кредитором. Соответственно, на должника возлагаются указанные действия⁹⁹. И само по себе отсутствие у него товара не может служить основанием для отказа в удовлетворении исковых требований об исполнении обязательств продавца в натуре. А норма о заключении договора кредитором с третьим лицом прямо говорит о праве, но не об обязанности кредитора совершить эти действия.

Следующим ограничителем требования об исполнении в натуре является тесная связь с личностью должника. Понуждение лица к исполнению обязательства, тесно связанного с его личностью (спеть на концерте, выступить участником эксперимента и т. п.), по сути, означает насилие над его личностью, сравнимо с рабством и не может быть допустимо¹⁰⁰.

Основу последнего абзаца п. 23 составляют два теоретических посыла:

1) о выделении в содержании обязательства элементов «долга» и «ответственности». Долг — это то поведение, к которому обязан должник по отношению к кредитору в соответствии с условиями обязательства. Требуя исполнения в натуре, кредитор, по сути, требует от должника, чтобы он повел себя в соответствии с условиями договора (поставил товар, произвел работы, оказал услуги и т. д.). Ответственность — те неблагоприятные последствия, которые должен претерпеть должник за то, что вел себя не в соответствии с программой обязательства¹⁰¹;

---

99 См.: Громов А. А. Реализация требования об исполнении обязательства в натуре в позициях Пленума Верховного Суда // Закон. 2017. № 1. С. 74–75.

100 Там же. С. 77.

101 Brinz A. Der Begriff der obligatio / Grünhuts Zeitschrift für das Privat- und Öffentliche Recht der Gegenwart. Bd. 1, 1874. S. 11–40. Цит. по: Diestelkamp B. Die Lehre von Schuld und Haftung // Studien zur Rechtswissenschaft des neunzehnten Jahrhunderts. Bd. 6. Wissenschaft und Kodifikation des Privatrechts im 19. Jahrhundert / H. Coing, W. Wilhelm (Hgs.). Frankfurt am Main, 1982. S. 23–24; Дождев Д. В. Римское частное право: учебник / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 3-е изд. М., 2013. С. 482–485; Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. М., 2012 (по изд. 1940 г.). С. 64–67; Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2009 (по изд. 1917 г.). С. 234–242.

2) о разделении вопросов о наличии нарушения обязательства и об ответственности должника за это нарушение. Если кредитор не получает удовлетворения в срок, то объективно существует нарушение обязательства (просрочка или неисполнение). Должник может как отвечать, так и не отвечать за это нарушение в соответствии с нормами общей части обязательственного права и нормами о конкретном договорном типе (виде).

Таким образом, само по себе то обстоятельство, что кредитор не может требовать исполнения в натуре (исполнения долга), еще не означает, что должник не будет отвечать за неисполнение. На должнике лежит бремя доказывания наличия обстоятельств, которые освобождают его от ответственности. Например, несмотря на то что исполнителя музыкального произведения нельзя понудить к исполнению, само по себе это не означает, что с него нельзя требовать убытки за нарушение обязательства¹⁰².

24.

«В случае, если исполнение обязательства в натуре возможно, кредитор по своему усмотрению вправе либо требовать по суду такого исполнения, либо отказаться от принятия исполнения (пункт 2 статьи 405 ГК РФ) и взамен исполнения обязательства в натуре обратиться в суд с требованием о возмещении убытков, причиненных неисполнением обязательства (пункты 1 и 3 статьи 396 ГК РФ). Предъявление требования об исполнении обязательства в натуре не лишает его права потребовать возмещения убытков, неустойки за просрочку исполнения обязательства».

Этот пункт говорит о соотношении требований об исполнении обязательства в натуре и возмещении причиненных убытков. Когда происходит переход от первого требования ко второму? Обязан ли кредитор требовать исполнения в натуре, если оно возможно? Какие действия ему необходимо предпринять, чтобы требовать убытков?

Цель новой ст. 308.3 ГК РФ — повысить защиту прав кредитора. Поэтому эту статью нельзя толковать как ограничивающую его право на взыскание убытков. Кроме того, согласно п. 2 ст. 405 ГК РФ в случае просрочки кредитор может отказаться от договора и требовать убытков по своему усмотрению. То есть после просрочки кредитор сам решает, будет ли он продолжать ждать исполнения в натуре или откажется от договора и потребует убытков.

¹⁰² То же у А. Г. Карапетова. См.: Договорное и обязательственное право (общая часть): постановительный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 2017. С. 62 (автор комментария — А. Г. Карапетов).

При этом до того, как кредитор откажется от договора, у должника остаются разумные ожидания того, что тот примет исполнение в натуре. Поэтому сам по себе факт просрочки без отказа от договора не дает кредитору право отказаться от принятия исполнения в натуре.

Если кредитор решил ждать исполнения в натуре или обратился с соответствующим требованием в суд, за этот период у него образуются убытки. Они связаны с тем, что должник не исполнил обязательство в срок. Исполнение в натуре не поставит кредитора в положение, как если бы контрагент исполнил обязательство надлежащим образом. Также это не исключает возможности взыскать убытки за период до получения реального исполнения.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что новелла ст. 308.3 ГК РФ не согласована с положениями разд. IV «Отдельные виды обязательств» ГК РФ. В частности, допускается следующее толкование. Согласно п. 1 ст. 308.3 ГК РФ кредитор вправе требовать исполнения в натуре, если иное не предусмотрено ГК РФ. В положениях про отдельные виды договоров для каждого нарушения предусмотрены перечни способов защиты кредитора. Если в этом перечне нет исполнения в натуре, то кредитор не может обратиться с соответствующим требованием. Кроме того, положениями об отдельных договорных типах предусмотрены разные правила о переходе от требования к исполнению в натуре к требованию о возмещении убытков¹⁰³. Вопрос о влиянии реформы ст. 308.3 ГК РФ на подобные положения не имеет однозначного ответа в правоприменительной практике.

27.

«Удовлетворяя требование кредитора о понуждении к исполнению обязательства в натуре, суд обязан установить срок, в течение которого вынесенное решение должно быть исполнено (часть 2 статьи 206 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), часть 2 статьи 174 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ). При установлении указанного срока, суд учитывает возможности ответчика по его исполнению, степень затруднительности исполнения судебного акта, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства».

Эти разъяснения пересекаются с разъяснениями из п.п. 9, 23 Постановления Пленума ВС № 7 о том, что могут иметь место временные препятствия

¹⁰³ См.: Громов А. А. Переход от исполнения обязательства в натуре к возмещению убытков: российское и германское регулирование // Вестник гражданского права. 2016. № 1. С. 7–46.

к исполнению обязательства в натуре. Например, истец может через суд требовать от ответчика выполнить работы, которые возможны только в определенный сезон. В таких ситуациях немедленно исполнить судебный акт невозможно. Поэтому суд вправе, исходя из конкретных обстоятельств дела, установить, в какой новый срок ответчик должен осуществить исполнение.

28.

«На основании пункта 1 статьи 308.3 ГК РФ в целях побуждения должника к своевременному исполнению обязательства в натуре, в том числе предполагающего воздержание должника от совершения определенных действий, а также к исполнению судебного акта, предусматривающего устранение нарушения права собственности, не связанного с лишением владения (статья 304 ГК РФ), судом могут быть присуждены денежные средства на случай неисполнения соответствующего судебного акта в пользу кредитора-взыскателя (далее — судебная неустойка).

Уплата судебной неустойки не влечет прекращения основного обязательства, не освобождает должника от исполнения его в натуре, а также от применения мер ответственности за его неисполнение или ненадлежащее исполнение (пункт 2 статьи 308.3 ГК РФ).

Сумма судебной неустойки не учитывается при определении размера убытков, причиненных неисполнением обязательства в натуре: такие убытки подлежат возмещению сверх суммы судебной неустойки (пункт 1 статьи 330, статья 394 ГК РФ).

Начисление предусмотренных статьей 395 ГК РФ процентов на сумму судебной неустойки не допускается».

30.

«Правила пункта 1 статьи 308.3 ГК РФ не распространяются на случаи неисполнения денежных обязательств.

Поскольку по смыслу пункта 1 статьи 308.3 ГК РФ судебная неустойка может быть присуждена только на случай неисполнения гражданско-правовых обязанностей, она не может быть установлена по спорам административного характера, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства и главы 24 АПК РФ, при разрешении трудовых, пенсионных и семейных споров, вытекающих из личных неимущественных отношений между членами семьи, а также споров, связанных с социальной поддержкой».

Согласно п. 1 ст. 308.3 ГК РФ суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму (п. 1 ст. 330 ГК) на случай неисполнения

указанного судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК). Ранее подобный механизм был введен в судебную практику постановлением Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» (далее — Постановление Пленума ВАС № 22). Пленум Верховного суда РФ ввел в лексикон термин, определяющий этот механизм, — «судебная неустойка».

Абзац 1 п. 28 и п. 30 Постановления Пленума ВС № 7 очерчивают сферу действия указанной нормы. Статья 308.3 ГК РФ расположена в общей части обязательственного права. Системное толкование свидетельствует о том, что указанная норма должна применяться только к требованиям, возникающим из обязательственных правоотношений. Однако, очевидно, что этот механизм имеет более общий характер и способен обеспечить эффективное добровольное исполнение судебных актов по другим категориям дел, что в целом повысило бы авторитет судебной власти. По этой причине эта норма толкуется расширительно в том плане, что применение судебной неустойки возможно не только по обязательственным, но по всем спорам, разрешаемым в соответствии с ГК РФ, в том числе о защите права собственности. Вместе с тем Постановление Пленума ВС № 7 не идет дальше и очерчивает границу сферы действия ст. 308.3 ГК РФ только гражданско-правовыми спорами.

Пункт 2 Постановления Пленума ВАС № 22 предусматривал, что судебная неустойка подлежит применению также на случай неисполнения судебного акта о взыскании денежных средств. Если обязательство (долг) изначально состояло в уплате денежных средств (покупной цены, провозной платы и т. п.), то присуждение этой денежной суммы означает присуждение к исполнению обязательства в натуре¹⁰⁴. Следовательно, на основе буквального толкования п. 1 ст. 308.3 ГК РФ применяется также к денежным обязательствам. Одновременно судебная неустойка является механизмом косвенного понуждения к исполнению судебного акта, когда прямое понуждение не представляется возможным. С денежными обязательствами возможно прямое понуждение (списание денежных средств, отобрание вещей для продажи и т. п.).

Также спорным является то, что судебная неустойка, начисляемая на денежные средства, будет стимулировать должника к исполнению обязательства, особенно, при отсутствии у него денежных средств. Это привело к тому, что подход судебной практики был изменен. Согласно новому разъяснению судебная неустойка не присуждается в случае удовлетворения требования об исполнении в натуре денежного обязательства.

104 См.: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса... С. 62.

В пункте 28 также определяется правовая природа судебной неустойки, которая призвана служить ориентиром при применении судами ст. 308.3 ГК РФ. Во-первых, судебная неустойка не является ответственностью за неисполнение обязательства и не призвана компенсировать убытки кредитора от того, что обязательство не было исполнено в срок. Судебная неустойка является штрафом за неисполнение судебного акта. Из этого вытекает, что уплата судебной неустойки никак не влияет на изменение или прекращение самого обязательства. Должник остается обязанным к исполнению в натуре и выплате убытков за просрочку. Одновременно судебная неустойка представляет собой форму ответственности, что не дает возможности взыскивать на ее сумму проценты за пользование чужими денежными средствами.

29.

«Заранее заключенное соглашение об отказе кредитора от права требовать присуждения судебной неустойки является недействительным, если в силу указания закона или договора либо в силу существа обязательства кредитор не лишен права требовать исполнения обязательства в натуре (пункт 1 статьи 308.3 ГК РФ). Однако стороны вправе после нарушения срока, установленного судом для исполнения обязательства в натуре, заключить на стадии исполнительного производства мировое соглашение о прекращении обязательства по уплате судебной неустойки представлением отступного (статья 409 ГК РФ), новацией (статья 414 ГК РФ) или прощением долга (статья 415 ГК РФ)».

Пункт 29 Постановления Пленума ВС № 7 посвящен довольно редкой, но возможной ситуации, когда стороны договора заключают соглашение о том, что кредитор не будет требовать судебную неустойку при предъявлении требования об исполнении обязательства в натуре. Пленум ВС РФ говорит о недействительности такого условия договора. После реформы ст. 168 ГК РФ при использовании слова «недействительность» сразу встает вопрос о квалификации этого условия как ничтожного или оспоримого. Этот пункт допускает два варианта толкования, тесно связанных с определением правовой природы самой судебной неустойки как публично-правовой либо как частно-правовой санкции. Если понимать судебную неустойку как штраф за неисполнение судебного акта, то она является публично-правовой санкцией, о которой стороны не могут договариваться. С другой стороны, судебная неустойка взыскивается в пользу кредитора, а не государства. Так же можно рассуждать о том, что отказ от права требовать судебную неустойку лишает обязательство принудительной силы, так как требование об исполнении в натуре не будет обеспечено принудительной силой. Контраргументом этому рассуж-

дению является то, что должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные тем, что исполнение не было получено в срок. Таким образом, он несет ответственность за неисполнение. Кроме того, исходя из буквального толкования п. 1 ст. 308.3 ГК стороны вправе договориться о том, что кредитор не может требовать исполнения в натуре, а может требовать только убытки за неисполнение¹⁰⁵. То есть косвенно судебную неустойку можно также исключить, заключив соглашение о запрете требовать исполнения в натуре. Поэтому наиболее предпочтительным представляется вариант толкования, в соответствии с которым подобные соглашения являются оспоримыми при наличии специальных оснований, предусмотренных гл. 9 ГК РФ.

Частноправовой элемент в природе судебной неустойки позволяет сторонам договариваться об изменении и прекращении обязательства по ее выплате. Соответственно, стороны могут заключить соглашения о прощении долга, новации, отступном и т. п.

31.

«Суд не вправе отказать в присуждении судебной неустойки в случае удовлетворения иска о понуждении к исполнению обязательства в натуре.

Судебная неустойка может быть присуждена только по заявлению истца (взыскателя) как одновременно с вынесением судом решения о понуждении к исполнению обязательства в натуре, так и в последующем при его исполнении в рамках исполнительного производства (часть 4 статьи 1 ГПК РФ, части 1 и 2.1 статьи 324 АПК РФ)».

Согласно п. 1 ст. 308.3 ГК РФ суд «вправе» присудить кредитору судебную неустойку. Вместе с тем спорно, что у суда как у органа государственной власти есть права и обязанности. Он обладает определенной компетенцией и при выполнении гипотезы нормы должен поступить в соответствии с ее диспозицией. Суд не может произвольно (по собственному немотивированному желанию) решать вопрос о правах и обязанностях истца и ответчика. При наличии соответствующих оснований, описанных в норме, суд должен применить правовые последствия. На это указывает рассматриваемое разъяснение.

Далее в п.п. 32–35 Постановления Пленума ВС № 7 подробно описывается процессуальный механизм применения института судебной неустойки на основании системного толкования норм ГК РФ, АПК РФ, ГПК РФ. В ГК РФ прямо указано, что судебная неустойка присуждается только по требова-

---

¹⁰⁵ См.: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса... С. 63.

нию кредитора. Это положение соответствует принципам диспозитивности и автономии воли. Кроме того, ни ГК РФ, ни процессуальные законы не содержат ограничения на заявление подобного требования после удовлетворения иска об исполнении в натуре. Также такой подход в максимальной степени защищает права кредитора от противоправного поведения должника, который даже после вынесения против него решения суда продолжает не исполнять обязательство.

Глава III

Комментарий к постановлению Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (далее — Постановление Пленума ВС № 54)

Отказ от исполнения договора

10.

«По общему правилу право на односторонний отказ от исполнения обязательства либо на изменение его условий должно быть предусмотрено ГК РФ, другими законами и иными правовыми актами (пункт 1 статьи 310 ГК РФ).

Право на односторонний отказ от исполнения обязательства либо на изменение его условий может быть предусмотрено договором для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в отношениях между собой, а также для лица, не осуществляющего предпринимательскую деятельность, по отношению к лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельность (абзац первый пункта 2 статьи 310 ГК РФ).

Предоставление договором права на отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение его условий для лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, по отношению к лицу, не осуществляющему предпринимательскую деятельность, допускается только в специально установленных законом или иными правовыми актами случаях (абзац второй пункта 2 статьи 310 ГК РФ). По смыслу статьи 67.2 ГК РФ условиями корпоративного договора может быть предусмотрено право на односторонний отказ от исполнения обязательств для любого из его участников».

11.

«При применении статьи 310 ГК РФ следует учитывать, что общими положениями о договоре могут быть установлены иные прави-

ла о возможности предоставления договором права на отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение его условий.

Так, например, в обязательстве из публичного договора, заключенного лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, право на односторонний отказ от исполнения обязательства может быть предоставлено договором только той стороне, для которой заключение этого договора не было обязательным (пункт 1 статьи 6, пункт 2 статьи 310, статья 426 ГК РФ). Кроме того, право на односторонний отказ от договора может быть предусмотрено правилами об отдельных видах договоров. В частности, право на односторонний отказ от договора предоставлено заказчику по договору подряда (статья 717 ГК РФ), сторонам договора возмездного оказания услуг (статья 782 ГК РФ), договора транспортной экспедиции (статья 806 ГК РФ), агентского договора, заключенного без определения срока окончания его действия (статья 1010 ГК РФ), договора доверительного управления имуществом (пункт 1 статьи 1024 ГК РФ)».

Для конкретных типов и видов договоров ГК РФ предусматривает возможность сторон отказаться от исполнения договора и при этом не указывать мотивы отказа. Например, такие положения есть в п. 2 ст. 610, ст. 717, 782, 806 ГК РФ. Пункт 2 ст. 310 ГК РФ определил, что у сторон договора, при регулировании которого законом прямо не установлено право на односторонний отказ, есть возможность согласовать подобные условия. Такое возможно, например, для договоров поставки, аренды на определенный срок и т.п. Одновременно эта норма ограничивает субъектный состав таких договоров. Обе стороны должны быть предпринимателями. Если же договор заключают предприниматель и лицо, которое не осуществляет предпринимательскую деятельность, то право на односторонний отказ можно предоставить только последнему.

Абзац 2 п. 11 Постановления Пленума ВС № 54 вводит исключение из этих общих правил для обязательств из публичного договора. В таком случае право на односторонний отказ можно предоставить только той стороне, для которой заключение договора не было обязательным. Это исключение основано на системном толковании ст.ст. 310 и 426 ГК РФ и ранее уже было заложено в ряде актов Конституционного суда РФ (постановление от 23.02.1999 № 4-П, определение от 06.06.2002 № 115-О). Его легко объяснить: если согласовать право на безмотивный отказ от договора для стороны, для которой его заключение обязательно, то это нивелирует эту обязательность. Ведь такая сторона могла бы в любой момент выйти из обязательства. Например, предоставле-

ние владельцу сети права на безмотивный односторонний отказ от договора передачи электрической энергии означало бы, что несмотря на то, что заключение этого договора является для него обязательным, он в любой момент мог выйти из обязательства, нивелировав это правило.

Наиболее острый вопрос, который возникает при толковании п.п. 1 и 2 ст. 310 ГК РФ, — могут ли два лица, которые не осуществляют предпринимательскую деятельность, в договоре друг с другом согласовать право на односторонний отказ, если положения о конкретном договорном типе его не предусматривают. Эта проблема однозначно не решена в отечественном правовом порядке. Поэтому на данный момент невозможно достоверно высказаться о допустимости или недопустимости такого договорного условия по российскому праву. При этом можно предложить два варианта толкования ст. 310 ГК РФ.

Первый, наиболее предпочтительный, обосновывает допустимость такого договорного условия. Этот вариант представляет п. 2 ст. 310 ГК РФ как иллюстрацию отношений «равный — равный» (предприниматель и предприниматель) и «сильный — слабый» (предприниматель и физическое лицо), а не как норму об исчерпывающем перечне субъектов, которые вправе согласовывать право на отказ. Эта норма разрешает согласовывать подобные условия между равными субъектами. Поскольку два физических лица равны по отношению друг к другу, они также вправе согласовывать право на односторонний отказ¹⁰⁶.

Однако сохраняется опасность выбора второго варианта толкования. Согласно ему п. 1 ст. 310 ГК РФ — прямой законодательный запрет. Поэтому любые сделки, которые стороны заключат в его нарушение, на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ будут ничтожными¹⁰⁷. То есть при таком подходе условие договора между физическими лицами об одностороннем отказе, когда закон его не предусматривает, будет ничтожным.

Хоть Верховный суд РФ еще не высказывался по данному вопросу, скорее, он склоняется в пользу первого подхода. Об этом свидетельствует разъяснение в абз. 4 п. 10 Постановления Пленума ВС № 54. Таким образом, даже если участниками корпоративного договора будут лица, не осуществляющие предпринимательскую деятельность, условие об одностороннем отказе будет действительным. Пленум ВС РФ толкует п. 2 ст. 310 ГК РФ не формально, опираясь лишь на факт регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя. Учитываются фактические отношения равенства или

---

106 См.: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса... С. 80–81.

107 См.: пункт 75 Постановления Пленума ВС № 25.

неравенства участников соглашения. Участие в отношениях, по поводу которых можно заключить корпоративный договор, предполагает профессионализм и осведомленность всех его участников. Поэтому нет отношений неравенства и договорное условие об отказе действительно.

12.

«Если односторонний отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение его условий совершены тогда, когда это не предусмотрено законом, иным правовым актом или соглашением сторон или не соблюдены требования к их совершению, то по общему правилу такой односторонний отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение его условий не влекут юридических последствий, на которые они были направлены».

13.

«В случае правомерного одностороннего отказа от исполнения договорного обязательства полностью или частично договор считается соответственно расторгнутым или измененным (пункт 2 статьи 450.1 ГК РФ).

В силу пункта 1 статьи 450.1 ГК РФ право на одностороннее изменение условий договорного обязательства или на односторонний отказ от его исполнения может быть осуществлено управомоченной стороной путем соответствующего уведомления другой стороны. Договор изменяется или прекращается с момента, когда данное уведомление доставлено или считается доставленным по правилам статьи 165.1 ГК РФ, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или условиями сделки либо не следует из обычая или из практики, установившейся во взаимоотношениях сторон».

Пункт 50 Постановления Пленума ВС № 25 именуется односторонний отказ от договора сделкой. Согласно п. 66 этого постановления односторонний отказ совершается в форме юридически значимого сообщения. Пункт 13 Постановления Пленума ВС № 54 повторяет эту идею. Таким образом, сторона должна совершить односторонний отказ от договора по форме, которая установлена ст. 165.1 ГК РФ¹⁰⁸. Отказ производит правовой эффект с момента, когда другая сторона воспримет соответствующее уведомление о нем (его ей доставят). Иные фактические действия (помимо уведомления), которые другая сторона договора не воспримет, нельзя признать односторонним отказом.

¹⁰⁸ Подробнее о положениях этой статьи см. п.п. 63–68 Постановления Пленума ВС № 25.

Если же односторонний отказ совершен, когда это не предусмотрено законом или договором либо с нарушением правил о юридически значимых сообщениях, он не влечет юридических последствий (является ничтожным) и договор продолжает действовать (п. 12 Постановления Пленума ВС № 54)¹⁰⁹. В пример можно привести срочный договор аренды. ГК РФ не предусматривает возможность безмотивного отказа от такого договора. Если в договоре нет подобных правил, то нельзя отказаться от аренды без привязки к нарушению договора. Так сторона не сможет отказаться от договора по иной причине, в частности невыгодности аренды. В этом случае даже если арендатор покинет помещение, он будет обязан вносить арендную плату (определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 01.09.2016 № 306-ЭС16-3858).

14.

«При осуществлении стороной права на одностороннее изменение условий обязательства или односторонний отказ от его исполнения она должна действовать разумно и добросовестно, учитывая права и законные интересы другой стороны (пункт 3 статьи 307, пункт 4 статьи 450.1 ГК РФ). Нарушение этой обязанности может повлечь отказ в судебной защите названного права полностью или частично, в том числе признание ничтожным одностороннего изменения условий обязательства или одностороннего отказа от его исполнения (пункт 2 статьи 10, пункт 2 статьи 168 ГК РФ). Например, по этому основанию суд отказывает во взыскании части процентов по кредитному договору в случае одностороннего, ничем не обусловленного непропорционального увеличения банком процентной ставки».

Принцип добросовестности, который закреплен в ст. 1 ГК РФ, — универсальный ориентир при осуществлении любых гражданских прав, в том числе права на односторонний отказ от договора. Эту идею закрепляет п. 14 Постановления Пленума ВС № 54. Он указывает, что, когда сторона отказывается в одностороннем порядке от исполнения договора, она должна действовать разумно и добросовестно, учитывать права и законные интересы другой стороны (п. 3 ст. 307, п. 4 ст. 450.1 ГК РФ). Нарушение этой обязанности может повлечь отказ в судебной защите названного права полностью или частично. В том числе односторонний отказ от исполнения договора могут признать ничтожным (п. 2 ст. 10, п. 2 ст. 168 ГК РФ).

Применение принципа добросовестности нужно в ситуации, когда исходя из фактических обстоятельств дела, которое формально подпадает

¹⁰⁹ То же в п. 51 Постановления Пленума ВС № 25.

под регулирование определенной нормы, применение этой нормы будет очевидно несправедливым. Естественно, что заранее предсказать весь круг подобных ситуаций невозможно, иначе законодатель сразу бы сформулировал норму так, что эти ситуации не попадали бы под ее регулирование. Это действует и для права на односторонний отказ, когда формально он не противоречит какой-либо норме закона, но оказывается несправедливым. Одна такая ситуация уже начала вырисовываться в отечественной судебной практике. Это случай, когда безмотивный отказ от договора приводит к тому, что контрагент теряет свой бизнес. Пример — случай, который описан в решении Арбитражного суда г. Москвы от 11.07.2013 № А40-148325/2012. В этом деле автомобильный дилер обратился с иском о признании недействительным отказа дистрибьютора от договора. Суд удовлетворил требования по тем основаниям, что реальных экономических причин отказа от договора не было. Дистрибьютор даже расширял собственную сеть. Вместе с тем для дилера такой отказ фактически означал, что ему придется заново начинать собственное предприятие. Переоборудовать дилерский центр под новую автомобильную марку — по затратам то же самое, что создать новый.

15.

«Предусмотренное диспозитивной нормой или договором право на односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, или на одностороннее изменение условий такого обязательства может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне обязательства (пункт 3 статьи 310 ГК РФ).

Если право на односторонний отказ от исполнения обязательства или на одностороннее изменение условий обязательства установлено императивной нормой, например абзацем вторым пункта 2 статьи 610 ГК РФ, то включение в договор условия о выплате денежной суммы в случае осуществления стороной этого права не допускается (пункт 1 статьи 422 ГК РФ). Такое условие договора является ничтожным, поскольку оно противоречит существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства (пункт 2 статьи 168 и статья 180 ГК РФ).

Равным образом, по смыслу пункта 3 статьи 310 ГК РФ не допускается взимание платы за односторонний отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение его условий, вызванные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства другой его стороной».

16.

«По смыслу пункта 3 статьи 310 ГК РФ обязанность по выплате указанной в нем денежной суммы возникает у соответствующей стороны в результате осуществления права на односторонний отказ от исполнения обязательства или на одностороннее изменение его условий, то есть в результате соответствующего изменения или расторжения договора (пункт 2 статьи 450.1 ГК РФ). Если иное не предусмотрено законом или договором, с момента осуществления такого отказа (изменения условий обязательства) первоначальное обязательство прекращается или изменяется и возникает обязательство по выплате определенной денежной суммы.

Если будет доказано очевидное несоответствие размера этой денежной суммы неблагоприятным последствиям, вызванным отказом от исполнения обязательства или изменением его условий, а также заведомо недобросовестное осуществление права требовать ее уплаты в этом размере, то в таком исключительном случае суд вправе отказать в ее взыскании полностью или частично (пункт 2 статьи 10 ГК РФ)».

Пункт 3 ст. 310 ГК РФ называет субъектами, которые могут согласовать плату за отказ от договора, только лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Толкование этого пункта вызывает те же вопросы о субъектном составе таких договоренностей, что и п. 2 этой же статьи¹¹⁰.

Платой можно обусловить только отказ, который предусматривает диспозитивная норма или договор. То есть когда стороны сами договорились о праве на отказ, хотя его нет в законе. Если право на отказ содержит императивная норма, его нельзя ограничить, в том числе условием о плате. В пример можно привести п. 2 ст. 610 ГК РФ. Согласно ему любая из сторон договора аренды, который заключен на неопределенный срок, может отказаться от этого договора. Если установить пределы отказа от него, то это фактически было бы рабством. Ведь сторона попала бы в такое положение, когда она никогда не могла бы выйти из отношений аренды. Подробно описывает эту логику абз. 4 п. 3 Постановления Пленума ВАС № 16. В нем говорится, что п. 2 ст. 610 ГК РФ не содержит явно выраженного запрета на соглашения, которые бы исключали право на отказ от договора аренды. Однако его стороны не могут полностью исключить такое право. Это следует из существа законодательного регулирования договора аренды как договора о передаче имущества во временное владение и пользование или во временное пользование (ст. 606 ГК РФ). Если допустить

¹¹⁰ См. комментарий к п. 10 Постановления Пленума ВС № 54.

такие соглашения, то передача имущества фактически утратила бы временный характер.

Наиболее острая проблема возникает в сфере договоров возмездного оказания услуг и толкования ст. 782 ГК РФ. Практика арбитражных судов продолжает оставаться противоречивой¹¹¹. И это при том, что Пленум ВАС прямо высказался о диспозитивности этой нормы в Постановлении № 16¹¹², то есть в том числе о возможности согласовать плату за отказ от договора возмездного оказания услуг. Как императивная данная норма толкуется в связке с положениями Закона о защите прав потребителей (определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 02.12.2014 по делу № 310-ЭС14-142). Представляется, что это противоречие заложено в самой конструкции договора возмездного оказания услуг, предмет которого в п. 1 ст. 779 ГК РФ сформулирован даже шире, чем понятие обязательства в п. 1 ст. 307 ГК РФ. Если п. 1 ст. 307 ГК вводит критерии для признания действия обязательством (имущественный характер, определимость, относительный характер), то п. 1 ст. 779 ГК просто говорит о том, что исполнитель обязуется совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность. Естественно, что в круг таких договоров будут попадать как случаи, где ограничение права на отказ недопустимо, например, потому что принятие таких услуг тесно связано с личностью заказчика (медицинские услуги), так и ситуации, в которых нет препятствий для признания действительности условия о плате (например, аудиторские услуги, рекламные услуги).

В абзаце 3 п. 15 Постановления Пленума ВС № 54 указано на недопустимость взыскивать плату со стороны, если ее отказ связан с нарушением обязательства другой стороны. Например, отказ от договора в связи с существенным нарушением договора поставки (ст. 523 ГК РФ). Иное противоречило бы положению о том, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ), так как лицо, нарушившее обязательство, в итоге получало бы плату за отказ другой стороны от договора.

Природа платы за отказ от договора догматически еще не осмыслена. Можно предположить несколько вариантов квалификации этой платы:

- неустойка;
- компенсация потерь стороны, против которой осуществлен отказ;
- цена права на отказ.

---

111 Позицию об императивности ст. 782 ГК РФ см., например, в постановлениях АС Западно-Сибирского округа от 12.05.2016 по делу № А81-2388/2015, Центрального округа от 28.07.2016 по делу № А09-908/2014, Московского округа от 18.01.2017 по делу № А40-175127/15.

112 См. абзац 3 п. 4 Постановления Пленума ВАС № 16.

Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ в определении от 27.10.2015 № 305-ЭС15-6784 квалифицировала плату за отказ в качестве компенсации: «Поскольку удержание задатка арендодателем не связано с нарушением сторонами договорных обязательств, а при наличии определенных обстоятельств является условием для расторжения договора, квалификация судами суммы задатка в качестве неустойки основана на ошибочном толковании норм права <...> В данном случае стороны при заключении договора определили сумму компенсации, которая должна быть выплачена одной из сторон при отказе от договора <...> То, что такая компенсация поименована в договоре штрафом, не изменяет ее сути, которая состоит не в привлечении к ответственности стороны, решившей досрочно отказаться от договора, а, напротив, предоставляет возможность расторжения договора без объяснения причин любой из сторон». Это дело также примечательно тем, что стороны поименовали плату за отказ штрафом, что сразу вызвало негативную реакцию судов нижестоящих инстанций, полагавших, что штраф (ответственность) не может налагаться за правомерное поведение (отказ от договора в соответствии с его условием). Во избежание подобных рисков, при составлении договора следует избегать терминологии ответственности, а использовать выражение «плата за отказ от договора».

Компенсаторная природа платы за отказ логически приводит к тому, что если потери стороны не соответствуют плате, то ее можно снизить в силу принципа возмездности. К этому выводу приходит и Пленум ВС РФ в абз. 2 п. 16 Постановления № 54. Следует обратить внимание, что Пленум ВС РФ отказался от критерия, который ранее был предложен Пленумом ВАС РФ в п. 9 Постановления № 16. Согласно этому документу плата подлежала снижению только в случае, если отказ осуществлялся слабой стороной договора. В настоящий момент фактическое неравенство сторон договора является возможным, но не необходимым аргументом в пользу снижения.

Пункт 3 ст. 310 ГК РФ предусматривает, что право на отказ может быть «обусловлено» платой. Из этого можно предположить, что сторона сначала вносит плату, а после этого односторонний отказ производит эффект (договор считается расторгнутым). Вместе с тем в абз. 1 п. 16 Постановления Пленума ВС № 54 в качестве презумпции избрана другая конструкция: сначала сторона осуществляет отказ с эффектом прекращения договорных отношений и только после этого у нее возникает обязанность выплатить соответствующую денежную сумму. Таким образом, внесение платы не является необходимым условием для того, чтобы отказ произвел эффект.

Стоит отметить, что это правило является диспозитивным. Иное можно прямо оговорить в договоре. Следовательно, сохраняется возможность выбрать конструкцию, когда договор будет прекращен только после внесения платы.

Исполнение обязательства третьим лицом

20.

«По смыслу пунктов 1 и 2 статьи 313 ГК РФ кредитор считается просрочившим, если он отказался принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом, лишь в случаях, когда должником допущена просрочка исполнения денежного обязательства либо кредитор знал или должен был знать, что исполнение возложено должником на указанное третье лицо или такое третье лицо подвергается опасности утратить свое право на имущество должника вследствие обращения взыскания на это имущество.

Вместе с тем даже при наличии обстоятельств, указанных в пунктах 1 и 2 статьи 313 ГК РФ, кредитор не обязан принимать исполнение, предложенное третьим лицом, и, соответственно, не считается просрочившим, если из закона, иных правовых актов, условий или существа обязательства вытекает обязанность должника исполнить обязательство лично (пункт 3 статьи 313 ГК РФ). Просроченное денежное обязательство может быть исполнено третьим лицом и в том случае, когда его возникновение связано с личностью должника, например, уплата долга по алиментам. Кредитор по денежному обязательству не обязан проверять наличие возложения, на основании которого третье лицо исполняет обязательство за должника, и вправе принять исполнение при отсутствии такого возложения. Денежная сумма, полученная кредитором от третьего лица в качестве исполнения, не может быть истребована у кредитора в качестве неосновательного обогащения, за исключением случаев, когда должник также исполнил это денежное обязательство либо когда исполнение третьим лицом и переход к нему прав кредитора признаны судом несостоявшимися (статья 1102 ГК РФ)».

Пункты 1 и 2 ст. 313 ГК РФ в новой редакции устанавливают три основания, при наличии которых кредитор обязан принять исполнение третьего лица: возложение исполнения должником на третье лицо; просрочка исполнения денежного обязательства; третье лицо подвергается опасности утратить свое право на имущество должника вследствие обращения взыскания на это имущество. Согласно п. 3 ст. 313 ГК РФ эти правила не применяются в случае, когда исполнение должно быть произведено лично должником.

Пленум ВС РФ дает толкование этим положениям в п. 20 Постановления № 54.

Во-первых, он разъясняет слово «обязан» в том смысле, что в случае отказа принять исполнение кредитор попадает в просрочку и наступают послед-

ствия, описанные в ст. 406 ГК РФ. Понудить кредитора принять исполнение в натуре на основании ст. 313 ГК РФ нельзя.

Во-вторых, Пленум ВС установил, что обязательства, тесно связанные с личностью кредитора (ст. 383 ГК РФ), могут исполняться третьими лицами. Запрет на переход права требования по подобным обязательствам связан с социальной защитой кредиторов и обеспечением получения удовлетворения именно этими лицами (кредиторами по алиментным обязательствам, потерпевшими при причинении вреда жизни или здоровью и т. п.). Исполнение обязательства третьими лицами в этом случае только помогает достичь этой цели. Если должник по такому обязательству неплатежеспособен, исполнение третьим лицом дает возможность получить кредитору реальное денежное содержание.

Важный вопрос, который возникает при толковании указанных норм, это вопрос о том, может ли кредитор принимать исполнение от третьего лица только в указанных трех случаях, либо исполнение обязательства третьим лицом с последующим переходом прав к нему будет признано надлежащим также при отсутствии указанных обстоятельств. Например, подходит ли под регулирование ст. 313 ГК РФ ситуация, когда кредитор, зная об отсутствии возложения со стороны должника, принимает исполнение от третьего лица?

Однозначно ответить на этот вопрос для всех видов обязательств невозможно. В пример можно привести обязательства по производству работ. Должник обязался перед кредитором починить водопроводный кран. До обозначенной даты починки эту работу предложило выполнить третье лицо. Кредитор согласился. В этом случае нельзя сказать, что оно исполняло обязательство должника. Последнее прекращается невозможностью исполнения, которая возникла по вине кредитора. Как разграничить подобные ситуации и случаи, которые регулирует ст. 313 ГК РФ?

Возможный вариант решения — установить, что исполнение третьим лицом признается исполнением за должника только при наличии возложения и обстоятельств, указанных в п. 2 ст. 313 ГК РФ. Таким образом, кредитор должен проверять наличие возложения, и все неблагоприятные последствия его отсутствия будут лежать на нем. Вместе с тем такой подход значительно затрудняет положение кредитора, который вынужден вмешиваться во внутренние отношения должника и третьего лица и искать подтверждения их наличия. Особенно сложно это было бы для денежных обязательств, исполнение которых часто составляет зачисление на банковский счет кредитора соответствующей денежной суммы. И если для неденежного исполнения переход прав кредитора к третьему лицу действительно может составлять трудности для должника, то по денежному исполнению такие подлежащие защите интересы должника в том, чтобы передать денежные средства конкретному

кредитору, отсутствуют. Кроме того, принятие такой позиции создавало бы множество дополнительных споров: между кредитором и третьим лицом по возврату уплаченного, между должником и кредитором по исполнению обязательства и т. д. Одновременно когда третье лицо требует назад исполненное кредитором, то ведет себя противоречиво: сначала предлагает кредитору исполнение, а затем требует его вернуть обратно.

Поэтому Пленум Верховного суда РФ дал разъяснение только в отношении денежных обязательств и в русле максимальной защиты кредитора:

- кредитор по денежному обязательству может принимать исполнение от третьего лица и в том случае, если не было возложения;
- третье лицо не может требовать исполненного со ссылкой на то, что возложения не было.

Исключение — когда кредитор получает исполнение дважды: и от должника, и от третьего лица. Также сюда относятся случаи, когда суд использует фикцию того, что третье лицо не производило исполнение¹¹³.

21.

«Если исполнение обязательства было возложено должником на третье лицо, то последствия такого исполнения в отношениях между третьим лицом и должником регулируются соглашением между ними.

Согласно пункту 5 статьи 313 ГК РФ при отсутствии такого соглашения к третьему лицу, исполнившему обязательство должника, переходят права кредитора в соответствии со статьей 387 ГК РФ. При этом согласно пункту 3 статьи 382 ГК РФ, если должник не был уведомлен в письменной форме о состоявшемся переходе прав кредитора к другому лицу, новый кредитор несет риск вызванных этим неблагоприятных для него последствий. Обязательство должника прекращается его исполнением первоначальному кредитору, произведенным до получения уведомления о переходе права к другому лицу.

Вместе с тем на основании статьи 10 ГК РФ суд может признать переход прав кредитора к третьему лицу несостоявшимся, если установит, что, исполняя обязательство за должника, третье лицо действовало недобросовестно, исключительно с намерением причинить вред кредитору или должнику по этому обязательству, например, в случаях, когда третье лицо погасило лишь основной долг должника с целью получения дополнительных голосов на собрании кредиторов при рассмотрении дела о банкротстве без

113 См. комментарий к п. 21 Постановления Пленума ВС № 54.

несения издержек на приобретение требований по финансовым санкциям, лишив кредитора права голосования. Статьи 71.1, 85.1, 112.1, 113 и 125 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” устанавливают специальные правила по отношению к пункту 2 статьи 313 ГК РФ, в связи с чем исполнение обязательств должника его учредителями (участниками), собственником имущества должника — унитарного предприятия либо третьим лицом или третьими лицами после введения первой процедуры банкротства допускается с соблюдением порядка, предусмотренного законодательством о банкротстве».

Согласно п. 5 ст. 313 ГК РФ к третьему лицу, исполнившему обязательство должника, переходят права кредитора по обязательству в соответствии со ст. 387 ГК РФ.

Одновременно одним из оснований исполнения обязательства третьим лицом является возложение должником исполнения, то есть между третьим лицом и должником существуют внутренние отношения. Из того обстоятельства, что третье лицо исполняет обязательство, поскольку ему на это указал должник, следует, что между третьим лицом и должником существуют договорные отношения. Автоматический переход прав кредитора к третьему лицу может не соответствовать таким договоренностям, воле сторон. Например, если А взял займы у Б, а Б занял у В. Б с А могут договориться, что сумму займа А возвратит В. Если к А в таком случае перейдет право требования В к Б, то сложится абсурдная ситуация, когда А, являясь заемщиком в отношениях с Б, получит к Б право требования о передаче еще одной суммы займа.

Поэтому п. 5 ст. 313 ГК РФ требует ограничительного толкования. Переход права требования происходит, когда между третьим лицом и должником нет договорных отношений. То есть это случаи, когда третье лицо предоставляет исполнение без возложения.

В этом отношении интересно определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 30.03.2017 № 306-ЭС16-17647(7). Сестра исполняла денежные обязательства брата, а после открытия в отношении брата банкротных процедур обратилась с требованием о включении в реестр кредиторов. Коллегия указала, что исполнение обязательства было возложено должником на третье лицо, последствия такого исполнения в отношениях между третьим лицом и должником регулируются соглашением между ними, а не правилами о суброгации. Это соглашение может быть:

1) сделкой, которая опосредует заемные отношения между третьим лицом и должником;

2) договором, который предусматривает, что третье лицо дарит должнику исполненное в пользу кредитора;

3) соглашением о погашении существующего обязательства третьего лица перед должником посредством того, что оно произведет платеж в пользу кредитора, и т. д.

Кроме того, в рамках обстоятельств данного дела Судебная коллегия пришла к выводу, что бремя доказывания возмездности отношений между третьим лицом (сестрой) и должником (братом) возложено на третье лицо. Это связано с обстоятельствами совершения платежей и последующим поведением сторон: ежемесячное перечисление третьим лицом денежных средств в течение продолжительного периода времени, наличие между должником и третьим лицом родственных связей (брат и сестра), длительное непредъявление третьим лицом финансовых претензий должнику (вплоть до возбуждения дела о банкротстве последнего), нераскрытие информации о каком-либо возмездном соглашении между ними. Все эти обстоятельства свидетельствовали о том, что третье лицо изначально осуществляло эти платежи во исполнение безвозмездной сделки с должником с целью добровольно выполнить обязательство последнего в порядке дарения. Впоследствии после возбуждения дела о банкротстве третье лицо воспользовалось платежными документами исключительно с противоправной целью уменьшения в интересах должника количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов.

Еще до принятия Пленумом ВС РФ Постановления № 54 СК по экономическим спорам ВС РФ столкнулась в рамках дел о банкротстве с ситуациями, в которых положения ст. 313 ГК РФ использовались недобросовестными участниками гражданского оборота с целью ухудшить положения других кредиторов. Одно из таких дел (определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 16.06.2016 № 302-ЭС16-2049) легло в основу абз. 3 п. 21 Постановления Пленума ВС № 54. При этом для защиты прав кредитора или должника используется фикция того, что исполнение третьим лицом не осуществлялось: оно признается несостоявшимся. В этом случае третье лицо вправе истребовать переданное кредитору по правилам о неосновательном обогащении.

В силу специальных положений Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) положения ст. 313 ГК РФ применяются только в рамках наблюдения¹¹⁴.

Вместе с тем сам по себе тот факт, что третье лицо исполнило обязательства до первой процедуры банкротства, нельзя признать злоупотреблением правом. В пример можно привести определение СК по экономическим спорам

114 То же в п. 28 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утв. Президиумом ВС РФ 20.12.2016).

ВС РФ от 25.01.2017 № 305-ЭС16-15945. В рамках этого дела несколько физических лиц обратились в суд, чтобы признать компанию банкротом. Они ссылались на то, что суд общей юрисдикции подтвердил задолженность компании по выплате им выходного пособия. На дату судебного заседания общество (третье лицо) уже погасило задолженность — внесло денежные средства на депозит нотариуса.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, во введении в отношении компании процедуры наблюдения отказано, заявление гражданина оставлено без рассмотрения. Суды руководствовались ст.ст. 313 и 327 ГК РФ, ст. 33 и п. 3 ст. 48 Закона о банкротстве. Суды пришли к выводу, что оснований для введения процедуры наблюдения нет, поскольку задолженность погашена в полном объеме.

Арбитражный суд округа отменил названные судебные акты, направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Суд исходил из того, что общество злоупотребило правом (ст. 10 ГК РФ). Погасив задолженность, общество лишило физических лиц статуса заявителя по делу о банкротстве.

Судебная коллегия отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции.

По смыслу Закона о банкротстве законный материальный интерес любого кредитора состоит прежде всего в том, чтобы наиболее полно удовлетворить свои требования. Все права, которые предоставлены кредиторам, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности направлены на это. Один из таких инструментов — полномочие первого заявителя по делу о банкротстве на предложение:

- кандидатуры арбитражного управляющего;
- саморегулируемой организации, из числа которой будет назначен арбитражный управляющий, чтобы провести первую введенную судом процедуру (п. 9 ст. 42 Закона о банкротстве).

При этом интерес воспользоваться таким полномочием в любом случае должен быть обусловлен конечным интересом — получить удовлетворение по требованию, которое включено в реестр.

После того, как только гражданин полностью удовлетворил свои требования, у него отпал интерес предлагать кандидатуру арбитражного управляющего и участвовать в деле о банкротстве.

Сам по себе тот факт, что третье лицо погасило задолженность в полном объеме до введения первой процедуры несостоятельности, не свидетельствует о злоупотреблении правом. Общество утверждало, что его поведение не направлено на причинение вреда лицам, которые вовлечены в процесс несостоятельности. Оно вызвано целью предотвратить банкротство, которое

контролирует сам должник. Такие действия можно ожидать от любого разумного участника гражданского оборота и соответствуют стандарту добросовестности. Физические лица, напротив, получили полное удовлетворение своих требований и поэтому утратили разумный мотив, чтобы обжаловать судебные акты по обособленному спору.

22.

«Исходя из взаимосвязанных положений пункта 6 статьи 313 и статьи 403 ГК РФ в случае, когда исполнение было возложено должником на третье лицо, за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства этим третьим лицом перед кредитором отвечает должник, если иное не установлено законом».

Согласно п. 6 ст. 313 ГК РФ, если третье лицо исполнило обязанность должника, не являющуюся денежной, оно несет перед кредитором установленную для данного обязательства ответственность за недостатки исполнения вместо должника.

Если читать норму буквально, то можно прийти к выводу, что должник не отвечает перед кредитором за неисполнение или ненадлежащее исполнение.

Одновременно согласно ст. 403 ГК РФ должник отвечает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства третьими лицами, на которых было возложено исполнение, если законом не установлено, что ответственность несет являющееся непосредственным исполнителем третье лицо. Верховный суд РФ системно толкует эти нормы, исправляя неточные формулировки законодателя.

Несмотря на отсутствие разъяснений по этому поводу, в ряде случаев представляется возможным возложить солидарную ответственность на должника и третье лицо, привлеченное им к исполнению. Так, в постановлении от 17.10.2013 по делу № А65-27653/2012 ФАС Поволжского округа признал солидарной ответственность арендодателя и третьего лица перед арендатором за уничтожение имущества последнего. В этом деле третье лицо (подрядчик) на основании договора подряда, заключенного с арендодателем, производило огневые работы на крыше здания, которое было сдано в аренду. Из-за того, что арендодатель и третье лицо нарушили правила техники противопожарной безопасности, возник пожар. Имущество арендатора, находившееся в здании, было уничтожено. Суд установил, что арендодатель и третье лицо нарушили правила противопожарной безопасности, и признал, что они совместно причинили ущерб арендатору и на основании ст. 1080 ГК РФ отвечают перед последним солидарно.

Аналогичные выводы по делу со схожими фактическими обстоятельствами сделал ФАС Московского округа в постановлении от 14.05.2014 по делу № А40-

67691/13-127-656. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в постановлении от 11.09.2014 по делу № А27-19076/2012 в схожих обстоятельствах также применил к арендодателю и третьему лицу ст. 1080 ГК РФ. Однако для этого суд обосновал деликтный характер ответственности арендодателя перед арендатором в случае нарушения правил противопожарной безопасности. Иная позиция у Арбитражного суда Московского округа в деле № А40-84047/14, где он отказался применять ст. 1080 ГК РФ к обязательству арендодателя, которое возникло из договора, и деликтному обязательству третьего лица.

Альтернативные и факультативные обязательства

42.

«Исходя из положений статьи 308.1 ГК РФ об альтернативных обязательствах, не является альтернативным обязательство, предмет которого определен, но кредитору предоставлено право выбора из нескольких предусмотренных законом способов защиты своего нарушенного права, например, в случаях, предусмотренных пунктом 1 статьи 475, пунктом 1 статьи 612, пунктом 1 статьи 723 ГК РФ».

В результате реформы законодатель дополнил ГК РФ. Согласно п. 1 ст. 308.1 ГК РФ альтернативным признается обязательство, по которому должник обязан совершить одно из двух или нескольких действий (воздержаться от совершения действий). При определении сферы действия этой нормы встал вопрос о том, применяются ли правила об альтернативных обязательствах в случаях, когда кредитор может выбрать из нескольких предусмотренных законом способов защиты права. Например, п. 1 ст. 475 ГК РФ предусматривает, что покупатель, которому был передан товар ненадлежащего качества, вправе по своему выбору потребовать от продавца:

- соразмерно уменьшить покупную цену;
- безвозмездно устранить недостатки товара в разумный срок;
- возместить свои расходы на устранение недостатков товара.

Являются ли эти обязанности альтернативными?

Альтернативные обязательства традиционно воспринимаются как способ определения предмета обязательства. Выбрав одно из нескольких альтернативных действий, управомоченное лицо определяет предмет обязательства. Такие случаи необходимо отличать от конкуренции исков, когда кредитор может воспользоваться одним из нескольких способов защиты своего нарушенного права в обязательстве, предмет которого уже определен. В примере со ст. 475 ГК РФ предмет обязательства является определенным — передать вещь в собственность. Обязательство уже возникло и даже было нарушено. Следовательно, указанные случаи не являются альтернативными обязательствами.

43.

«По смыслу статьи 308.1 ГК РФ при выборе управомоченным лицом одной из альтернативных обязанностей обязательство перестает быть альтернативным и считается, что оно состояло из выбранного действия (воздержания от действия) с момента его возникновения. Например, если выбор осуществлен в пользу заемного обязательства, то проценты за пользование денежными средствами начисляются не с момента выбора, а с того момента, как он был бы определен, если бы обязательство изначально являлось заемным (пункт 1 статьи 809 ГК РФ). После осуществления выбора управомоченное лицо не вправе в одностороннем порядке его отозвать (пункт 2 статьи 308.1 ГК РФ)».

ГК РФ не содержит прямого ответа на вопрос о том, с какого момента обязательство считается возникшим. Верховный суд РФ основывается на ретроспективном эффекте выбора. Считается, что обязательство изначально возникло в том виде, как его определило управомоченное на выбор лицо. При этом не имеет значения, что предмет обязательства окончательно определяется в момент выбора. Такой подход позволяет восполнить регулирование отношений между кредитором и должником до этого момента. Например, если по договору сторона передала вещь, на основании такой позиции можно определить основания владения до выбора.

44.

«Законом, иным правовым актом или договором может быть предусмотрен срок, в течение которого управомоченное лицо обязано совершить выбор.

В случаях, когда такой срок не предусмотрен, управомоченный на выбор должник может совершить выбор путем исполнения одной из альтернативных обязанностей в срок, установленный для исполнения обязательства.

Если должник не сделал выбор в указанные выше сроки, управомоченным на выбор становится кредитор (пункт 1 статьи 320 ГК РФ)».

45.

«При отсутствии условия о сроке для осуществления выбора управомоченные на выбор кредитор или третье лицо должны осуществить выбор в разумный срок (пункт 3 статьи 307 ГК РФ, пункт 2 статьи 314 ГК РФ). Если этого не сделано, должник вправе потребовать от кредитора или третьего лица указаний на предмет исполнения обязательства, а в случае их непоступления в преду-

смотренный пунктом 2 статьи 314 ГК РФ срок исполнить обязательство по своему выбору. Должник, не получивший указаний от управомоченного лица на предмет исполнения обязательства, не считается просрочившим, в том числе в случае, если он не обратился к кредитору или третьему лицу за получением этих указаний после истечения срока, установленного на осуществление выбора (статьи 405, 406 ГК РФ)».

Указанные пункты подробно регулируют сроки, в которые должен быть осуществлен выбор, и момент, в который право выбора переходит другому лицу. Следует обратить внимание на то, что эти сроки для должника и для кредитора отличаются. Должник может сделать выбор в срок исполнения. Кредитор — в разумный срок до исполнения, чтобы дать должнику возможность подготовиться к этому исполнению. Если же кредитор молчит, то на весь период молчания попадает в просрочку. В этот период должник не отвечает за наступившую случайную невозможность исполнения обязательства, не платит проценты за пользование чужими денежными средствами и т. п.

Несмотря на то что альтернативные обязательства мало распространены в практике, Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ рассмотрела один спор, связанный с переходом права выбора от должника к кредитору (определение от 30.01.2017 № 305-ЭС16-14210). В этом деле должник в качестве обеспечения исполнения своих обязательств по договору поставки обязался предоставить кредитору поручительство или банковскую гарантию. Ни одного из обеспечений предоставлено не было. Кредитор обратился в суд с иском о предоставлении банковской гарантии. Судебная коллегия пришла к выводу, что поскольку должник не осуществил выбор в срок и не предоставил ни одно из обеспечений, право выбора способа обеспечения перешло к кредитору.

Следует отметить, что эти правила являются диспозитивными. Кредитор и должник могут договориться о том, что право выбора переходит в иной момент. Например, это может быть момент, когда начинается исполнительное производство. В таком случае, если право выбора принадлежит должнику, кредитор должен будет заявить альтернативные иски требования.

46.

«В случае, когда до осуществления выбора управомоченным лицом исполнение одного из альтернативных действий стало объективно невозможным по обстоятельствам, за которые ни одна из сторон не отвечает, кредитор вправе требовать от должника оставшегося возможным исполнения.

Если исполнение одного из двух действий стало невозможным по обстоятельствам, за которые отвечает должник, и ему принад-

лежало право выбора, кредитор вправе требовать оставшегося возможным исполнения. Если в указанном случае право выбора принадлежало кредитору, то он вправе по своему усмотрению требовать либо возмещения убытков, причиненных невозможностью исполнения этого действия, либо оставшегося возможным исполнения другого действия.

Если невозможность исполнения одного из действий наступила по обстоятельствам, за которые отвечает кредитор, и право выбора принадлежало должнику, последний освобождается от исполнения обязательства (статья 416 ГК РФ). Если в указанном случае право выбора принадлежало кредитору, то он вправе потребовать исполнения оставшейся обязанности так, как если бы он сделал такой выбор».

Этот пункт подробно регулирует последствия наступления объективной невозможности исполнения одного из альтернативных обязательств. Решение строится на основе двух критериев:

- 1) есть ли вина одной из сторон в наступлении этого обстоятельства;
- 2) какое лицо уполномочено на выбор.

Последствия определяют действием двух принципов:

- 1) негативные последствия несет лицо, по вине которого наступила невозможность;
- 2) должны соблюдаться интересы лица, уполномоченного на выбор.

Например, если одно из действий стало невозможным (1) по вине кредитора, а (2) уполномоченным на выбор является должник, то должник не может быть лишен возможности выбрать обязательство, ставшее невозможным. При этом предполагается, что он его и выберет, поскольку это более выгодно для него. А поскольку это действие стало объективно невозможным по обстоятельствам, за которые должник не отвечает (вина кредитора), то обязательство прекращается на основании ст. 416 ГК РФ.

47.

«По смыслу статьи 308.2 ГК РФ право должника заменить основное исполнение другим (факультативным) исполнением может быть согласовано сторонами в момент заключения договора, из которого возникает основное обязательство, либо в последующем до исполнения основного обязательства.

По смыслу статьи 308.2 ГК РФ, если законом, иным правовым актом или договором не предусмотрено иное, кредитор обязан принять от должника факультативное исполнение, в том числе в период просрочки исполнения основного обязательства».

ГК РФ был также дополнен положениями о факультативных обязательствах. Согласно ст. 308.2 ГК РФ факультативным признается обязательство, по которому должнику предоставляется право заменить основное исполнение другим (факультативным) исполнением, предусмотренным условиями обязательства. В случае, если должник осуществляет свое право на замену исполнения, предусмотренного условиями обязательства, кредитор обязан принять от должника соответствующее исполнение по обязательству.

Рассматриваемый пункт решает два вопроса:

1. До какого момента стороны могут согласовать возможность должника предоставить вместо одного исполнения другое? Принципы автономии воли и свободы договора предполагают возможность сторон договора в любой момент согласовать подобные условия.

2. До какого момента сохраняется право должника предоставить факультативное исполнение? ВС РФ приходит к выводу, что такое право сохраняется на весь период существования обязательства, в том числе в период просрочки.

48.

«Кредитор не вправе требовать от должника факультативного исполнения, в том числе в случае просрочки или невозможности исполнения основного обязательства. Если стороны договорились, что должник вместо основного исполнения уплачивает денежные средства или передает иное имущество, такое соглашение, по общему правилу, порождает право, но не обязанность должника предоставить иное (факультативное) исполнение с целью прекращения обязательства. Если должник не исполняет это соглашение, кредитор вправе требовать исполнения должником основного обязательства и возмещения убытков, вызванных просрочкой или невозможностью исполнения основного обязательства (пункт 1 статьи 320.1 ГК РФ).

Вместе с тем стороны вправе заключить соглашение, по которому кредитор может требовать от должника по своему выбору исполнения первоначальной обязанности или обязанности, установленной впоследствии таким соглашением (альтернативное обязательство с правом выбора кредитора)».

Этот пункт имеет основное значение в разделе об альтернативных и факультативных обязательствах. Несмотря на то что здесь прямо не использовано слово «отступное», по сути, разъяснения касаются регулирования отношений с момента заключения соглашения об отступном до момента предоставления отступного (прекращения обязательства). В этом пункте сохранен подход, закрепленный в п. 1 информационного письма Президиума ВАС РФ

от 21.12.2005 № 102 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 409 Гражданского кодекса Российской Федерации». Если стороны согласовали предоставление отступного, то его предоставление является правом, а не обязанностью должника. То есть соглашение об отступном, по общему правилу, порождает факультативное обязательство. Кредитор не может требовать отступного.

Вместе с тем подобное диспозитивное правило не ограничивает возможность сторон согласовать, что отношения после заключения соглашения о предоставлении отступного будут регулироваться по модели альтернативных обязательств, то есть кредитор сможет требовать предоставления отступного. Однако такое право кредитора нужно прямо согласовать в договоре. Эта конструкция более выгодна кредитору. Если в модели факультативного обязательства он находится в состоянии неопределенности, так как до наступления срока исполнения не знает, что в итоге исполнит должник, то модель альтернативного обязательства позволяет ему самостоятельно выбрать одно из двух исполнений¹¹⁵.

Солидарные обязательства

49.

«В случаях, когда ответственность каждого из солидарных должников по отношению к потерпевшему застрахована разными страховщиками, страховщики возмещают вред солидарно, однако выплата со стороны одного из страховщиков не может превышать размер соответствующей страховой суммы (пункт 2 статьи 323, пункт 4 статьи 931 ГК РФ)».

В судебной практике стали встречаться случаи, когда истец заявляет к двум ответчикам исковые требования, имеющие разные правовые основания, но по поводу одного экономического интереса. Например, арендатор предъявляет в суд иск к арендодателю и третьему лицу о взыскании убытков, причиненных тем, что в ходе совместных работ, производимых ответчиками, ими были нарушены правила пожарной безопасности и в результате уничтожено имущество арендатора. Иск к арендодателю будет основан на нормах договорного права, иск к третьему лицу — на нормах деликтного права. Наиболее частые из подобных ситуаций — предъявление иска о возмещении вреда к делинквенту и страховщику или договорному должнику

115 Подробнее см.: Бациев В. В., Щербakov Н. Б. Комментарий правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам, связанным с применением норм Гражданского кодекса РФ о прекращении обязательств // Вестник гражданского права. 2006. № 2.

и страховщику, застраховавшему договорную ответственность или предмет договора. Например, грузоотправитель предъявляет иск к перевозчику и страховщику, застраховавшему груз, ссылаясь на то, что груз был утрачен.

Одну из подобных ситуаций рассматривает п. 49 Постановления Пленума ВС № 54. Несколько лиц причинили потерпевшему вред совместно, на основании ст. 1080 ГК РФ они отвечают солидарно. Одновременно их ответственность застрахована разными страховщиками. В итоге потерпевший имеет несколько требований по поводу одного вреда к нескольким страховщикам.

Появление таких случаев вызывает вопросы о том, как обязательства нескольких лиц перед кредитором по поводу одного вреда соотносятся между собой? Может ли кредитор реализовать оба из таких требований? Или только одно: по своему выбору или какое-то определенное?

Восстановительный характер гражданско-правовой ответственности исключает возможность признать такие обязательства независимыми, то есть позволить кредитору реализовать оба права требования. Иначе кредитор получит возмещение вдвойне и ему будет выгодно нарушение собственных прав.

Самостоятельные требования кредитора по поводу одного вреда к разным должникам можно координировать несколькими способами.

Кредитор может требовать исполнения только по одному из обязательств, наличие которого исключает возникновение обязанности другого лица. Применение этого правила будет выглядеть следующим образом. Например, если перевозчик привлек к исполнению третье лицо, которое украло груз, грузоотправитель может требовать возмещения от перевозчика по договору, но не от третьего лица по деликту. Такой подход без каких-либо оснований лишает кредитора его субъективного права (права требования о возмещении вреда, возникшего из деликта) к другому должнику.

Кроме того, часто вступление кредитора в несколько обязательств по поводу одного экономического интереса направлено на обеспечение получения удовлетворения, а не на освобождение одного из должников от ответственности. Если грузоотправитель застрахует груз, который будет утрачен перевозчиком, на основании этого подхода необходимо парализовать право требования к договорному должнику — перевозчику и обязать кредитора требовать возмещения у страховщика. Таким образом, кредитор, заключив два договора по поводу одного груза, в попытке обезопасить себя, по сути, лишит себя права требования к перевозчику.

Вторым возможным способом координации нескольких самостоятельных требований кредитора по поводу одного вреда к разным должникам является признание того, что исполнение хотя бы одного из этих требований должно исключать возможность реализации этим же кредитором

второго требования. Но до получения полного удовлетворения кредитор может требовать исполнения от любого из должников¹¹⁶. Такой подход воспроизводит определение солидарных обязательств, которое содержится в ст. 323 ГК РФ.

Таким образом, в п. 49 Постановления № 54 Пленум ВС РФ разрешил конкуренцию между требованиями к двум страховщикам, возникшим из разных договоров, сохранив между ними солидарность подобно обязательствам причинителей вреда. Это решение обосновано с точки зрения установления баланса в интересах причинителей вреда и потерпевшего. Признание обязательств страховщиков независимыми могло привести к обогащению потерпевшего, который имел бы право на получение полных страховых выплат с каждого из страховщиков. Если бы обязательства страховщиков признали долевыми, то заключение договора страхования причинителями вреда и страховщиками ухудшало бы положение потерпевшего, который в этих договорах не участвовал, так как до их заключения он мог обратиться за удовлетворением своих требований в солидарном порядке, а теперь на него возложено бремя доказывания доли вреда, причиненного каждым из делинквентов. Это противоречит п. 3 ст. 308 ГК РФ. Сохранение возможности солидарного взыскания исключает оба этих риска. Потерпевший может взыскать возмещение с любого из страховщиков, однако возмещение вреда одним страховщиком, исключает возможность предъявления требования к другому.

50.

«Согласно пункту 1 статьи 323 ГК РФ кредитор вправе предъявить иск о полном взыскании долга к любому из солидарных должников. Наличие решения суда, которым удовлетворены те же требования кредитора против одного из солидарных должников, не является основанием для отказа в иске о взыскании долга с другого солидарного должника, если кредитором не было получено исполнение в полном объеме. В этом случае в решении суда должно быть указано на солидарный характер ответственности и на известные суду судебные акты, которыми удовлетворены те же требования к другим солидарным должникам. До получения полного удовлетворения кредитор вправе требовать возбуждения дела о банкротстве каждого из солидарных

116 Догматическое обоснование применения норм о солидарных обязательствах к обязательствам, возникшим из разных оснований, см.: Тололаева Н. В. Тенденции российской судебной практики в контексте европейской дискуссии о «настоящих» солидарных обязательствах // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 80–106.

должников (например, основного должника и поручителя) на основании всей суммы задолженности».

51.

«Согласно части 1 статьи 34 Закона об исполнительном производстве возбужденные в отношении нескольких должников исполнительные производства по солидарному взысканию в пользу одного взыскателя объединяются в сводное исполнительное производство.

При этом взыскатель и каждый из солидарных должников вправе обратиться с заявлением об объединении возбужденных в отношении их исполнительных производств в сводное исполнительное производство, в том числе в случае, когда требования к ним удовлетворены решениями суда по разным делам.

Фактическое исполнение за счет одного или нескольких должников требования о солидарном взыскании, содержащегося в исполнительных документах, объединенных в сводное исполнительное производство, является основанием для его окончания судебным приставом-исполнителем (пункт 2 части 1 статьи 47 Закона об исполнительном производстве).

Если требования кредитора будут удовлетворены одним из солидарных должников, кредитор, действуя добросовестно, должен обратиться с заявлением о возвращении исполнительных документов в отношении остальных солидарных должников. На основании указанного заявления исполнительное производство в отношении остальных солидарных должников оканчивается судебным приставом-исполнителем (пункт 4 статьи 1 ГК РФ, пункт 1 части 1 статьи 46 и пункт 3 части 1 статьи 47 Закона об исполнительном производстве). В случае неисполнения этой обязанности и получения исполнения с других солидарных должников кредитор обязан вернуть неосновательно полученное и возместить причиненные должникам убытки (статьи 15, 307, 393, 1102 ГК РФ)».

В судебной арбитражной практике стали встречаться случаи, когда один из солидарных должников в возражениях на требование кредитора ссылался на то, что решением суда по другому делу удовлетворены требования кредитора против другого солидарного должника либо это же требование включено в реестр требований кредиторов в банкротстве другого солидарного должника. Суды нижестоящих инстанций были склонны соглашаться с такими доводами ответчика и отказывать по этому основанию кредитору в иске.

Несколько подобных дел было рассмотрено Президиумом ВАС РФ (определение ВАС РФ от 21.09.2009 № ВАС-11660/09, постановления Президиума ВАС РФ от 05.04.2012 № 16609/11, от 21.06.2012 № 2236/12)¹¹⁷. Президиум ВАС пришел к выводу, что, исходя из буквального смысла ст. 323 ГК РФ, кредитор вправе обращаться с иском в суд к любому из солидарных должников до получения им полного фактического удовлетворения. Эта практика и была закреплена в п. 50 Постановления Пленума ВС № 54.

Признано, что солидарные обязательства представляют собой форму множественности должников, благоприятствующую кредитору. По сути, они являются способом обеспечить исполнение обязательств. Получение удовлетворения возможно, пока хотя бы один из должников остается платежеспособным¹¹⁸. Кроме того, солидарные обязательства облегчают кредитору принудительное взыскание: вместо нескольких процессов с каждым из должников кредитор может провести один против одного из должников. Однако, несмотря на то, что в п. 1 ст. 323 ГК РФ прямо указано, что при солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения от любого из них в отдельности полностью, судебная практика ограничительно толкует эту норму и в большинстве случаев предписывает обязательное соучастие должников на стороне ответчика¹¹⁹. В этом смысле второе (процессуальное) преимущество по российскому праву у кредитора часто отсутствует.

Подход, согласно которому наличие решения суда против одного из солидарных должников освобождало бы остальных, лишает кредитора одного

117 Иначе: постановление ФАС Северо-Западного округа от 27.06.2012 по делу № А56-47324/2011; Кулаков В. Солидарное обязательство: все за одного? // ЭЖ-Юрист. 2011. № 37. С. 2.

118 См.: Савиных Ф. К. Обязательственное право / пер. с нем. В. Фукс и Н. Мандро. М., 1876. С. 150; Meier S. in: *Historisch-kritischer Kommentar zum BGB* / M. Schmoeckel, J. Rückert, R. Zimmermann (Hrsg.). Bd. II. § 241–432. 2. Teilband. § 305–432. Tübingen, 2007. S. 2397; Esser J. *Op. cit.* S. 443; Weiss A. W. *Solidarität nach Art. 143–149 des Schweizerischen Obligationenrechts unter besonderer Berücksichtigung der Verjährung*. Zurich-Basel-Genf, 2011. S. 21–22; Борзова К. Указ. соч. С. 17; Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. I. М., 2011. С. 449 (автор гл. 11 — Е. А. Суханов); Т. II. С. 51–52 (автор гл. 29 — Е. А. Суханов).

119 См., напр., п. 31 постановления Пленума ВС РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 24.03.2016) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» об обязательном процессуальном соучастии основного и дочернего общества по спорам о долгах последнего; п. 13 постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» об обязательном соучастии наследников; п. 1.2 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств (утв. Президиумом ВС РФ Ф 22.05.2013) об обязательном процессуальном соучастии основного должника и поручителя.

из его материальных субъективных прав (права требования к другим должникам) без какого-либо основания. Кроме того, если выбранный должник окажется неплатежеспособным, кредитор будет лишен возможности обратиться ко второму должнику. Последний при наличии факта правонарушения будет освобожден от ответственности.

В этой связи интересны попытки введения в российский правопорядок такой модели солидаритета. Проект федерального закона № 579434-6 «О внесении изменений в статью 323 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» предусматривал введение п. 3 в ст. 323 ГК РФ следующего содержания: «Лица, подавшие заявление в суд о взыскании задолженности только к части солидарных должников, после вступления в силу судебного акта лишаются права требовать исполнения обязательств от оставшейся части солидарных должников». Как верно отмечается в экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 22.12.2014 № 137-3/2014, это предложение основано «на непонимании самой сути института солидарного обязательства...», прекращение которого связано только с надлежащим исполнением обязательства. На основе положений пояснительной записки к законопроекту можно сделать вывод, что его авторы фактически хотели решить техническую проблему координации исполнительных листов о взыскании всей суммы долга с каждого должника изменением модели солидарности, закрепленной в ГК РФ¹²⁰.

Действительно, есть определенная проблема в том, что кредитор проводит разные процессы против солидарных должников. Он получает несколько исполнительных листов. Однако реальное исполнение он должен получить один раз. Это ставит вопрос о способе координации этих исполнительных листов. В пункте 51 Постановления № 54 на основе норм Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» представлен механизм такой координации.

52.

«Согласно статье 324 ГК РФ солидарный должник не может ссылаться в качестве возражения на требование кредитора на то обстоятельство, что кредитор отказался от иска к другому солидарному должнику или простил ему долг. Вне зависимости от этих действий кредитора должник, исполнивший солидарную обязанность, полу-

---

120 Экспертное заключение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 22.12.2014 № 137-3/2014 по проекту федерального закона № 579434-6 «О внесении изменений в статью 323 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Материалы Международной конференции «Гражданское право России: наука, законы, правосудие. Итоги года». М., 2015. С. 234–236.

чает регрессное требование, в том числе и к должнику, в отношении которого кредитор отказался от иска или которому он простил долг. Вместе с тем по общему правилу поручитель вправе ссылаться на то, что кредитор простил долг должнику или отказался от иска к должнику (пункт 1 статьи 364 ГК РФ)».

Одной из основных проблем, обсуждаемых в рамках темы солидарных обязательств, является проблема влияния юридических фактов на правовое положение солидарных должников. С момента возникновения обязательств до их прекращения с одним или несколькими солидарными должниками могут случиться определенные обстоятельства, которым закон сообщает правовой эффект. Например, один из должников может признать долг, кредитор может заключить с ним соглашение о рассрочке или отсрочке, простить долг одному из солидарных должников и т. п. В связи с этим возникают вопросы: как эти обстоятельства влияют на обязательства остальных должников? Считается ли, что юридический факт, произошедший с одним из должников, влияет на обязательства остальных таким же образом?¹²¹

Согласно ст. 324 ГК РФ в случае солидарной обязанности должник не вправе выдвигать против требования кредитора возражения, основанные на таких отношениях других должников с кредитором, в которых данный должник не участвует.

В силу абз. 2 п. 1 ст. 308 ГК РФ недействительность требований кредитора к одному из лиц, участвующих в обязательстве на стороне должника, равно как и истечение срока исковой давности по требованию к такому лицу, сами по себе не затрагивают его требований к остальным этим лицам.

Эту проблематику можно продемонстрировать на примере определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 03.12.2015 № 310-ЭС14-8672. В рамках этого дела Коллегия отвечала на вопрос о том, изменяет ли условия обязательства первого должника соглашение, заключенное между кредитором и вторым должником? Судебная коллегия приходит к выводу, что не влияет. При этом свое решение она обосновывает ссылкой на п. 3 ст. 308 ГК РФ, повторяя, что «обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (третьих лиц)».

Таким образом, в качестве общей презумпции ГК РФ исходит из того, что юридический факт, произошедший с одним из солидарных должников, влияет только на права и обязанности этого должника, но не других солидарных с ним должников.

---

121 О регулировании этой проблемы в европейских правовых порядках см.: Майер С. Множественность должников в европейском договорном праве // Вестник гражданского права. 2014. № 3.

Из этого исходит рассматриваемый пункт. Если кредитор простил долг одному из солидарных должников или отказался от иска к нему, это никак не влияет на права и обязанности других солидарных должников. Они остаются обязанными по отношению к кредитору и не теряют возможности обратиться с регрессным требованием к должнику, которому простили долг.

У этого решения была возможная альтернатива. Из солидарных обязательств вычитается часть требования, которая падала бы при регрессе на солидарного должника, которому простили долг. Кредитор может взыскать с других солидарных должников долг за вычетом этой части, а исполнивший должник не будет иметь регрессного требования к должнику, которому ранее простили его долг.

Обсуждался и третий вариант, когда кредитор прощает долг «за счет» регрессного требования. Это означает, что кредитор, простив одному должнику долг, взыскивает его в полном объеме с другого должника. Однако в этом случае кредитор вмешивается во внутренние отношения должников, а равно в обязательства, в которых он не участвует, поэтому такой вариант неприемлем. Кредитор и должник, которому простили его долг, не могут вмешаться в новое регрессное обязательство при помощи договора в пользу третьего лица.

Представляется, что решение вопроса о влиянии прощения долга одного солидарного должника на обязательства остальных не имеет однозначного ответа и не может быть решено универсально для всех видов солидарных обязательств. Эта проблема решается не только из посылки о том, что обязательства являются солидарными, но и множества других дополнительных юридических фактов¹²².

В такой ситуации в качестве диспозитивного правила может быть выбран только частный эффект прощения долга, поскольку это решение основано на принципах автономии воли и относительности обязательств.

---

122 В этом отношении характерна монография Ф. Бентеле, в которой автор пытается вывести из природы солидарного долга решение об эффекте прощения долга одному из солидарных должников, но так и не может прийти к однозначному выводу для всех видов солидарных обязательств. См.: Bentele F. Gesamtschuld und Erlass. Eine rechtsvergleichende Untersuchung zum deutschen und französischen Recht vor dem Hintergrund der europäischen Rechtsvereinheitlichung. Tübingen, 2006. S. 174. То же у А. А. Павлова при комментировании этого пункта постановления. См.: Павлов А. А. Пассивные солидарные обязательства в разъяснениях Верховного Суда РФ // Закон. 2017. № 1. С. 62–64. Так же, например, решая вопрос об эффекте прощения долга в мировом соглашении, заключенном в процедурах банкротства одного из солидарных должников, Р. И. Сайфуллин не дает однозначного ответа, а показывает его вариативность в зависимости от обстоятельств, не связанных с солидарностью обязательств самой по себе. См.: Сайфуллин Р. И. Влияние мирового соглашения, заключенного в деле о банкротстве основного должника, на обязательство из поручительства // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 2. С. 59–79.

53.

«По смыслу пункта 2 статьи 325 ГК РФ, если иное не установлено соглашением между солидарными должниками и не вытекает из отношений между ними, должник, исполнивший обязательство в размере, превышающем его долю, имеет право регрессного требования к остальным должникам в соответствующей части, включая возмещение расходов на исполнение обязательства, предусмотренных статьей 309.2 ГК РФ.

Если иное не предусмотрено законом, договором или не вытекает из существа отношений между солидарными должниками, в отношениях между собой они несут ответственность в равных долях».

Этот пункт Постановления Пленума ВС № 54 касается регулирования внутренних отношений солидарных должников. Он содержит три важных разъяснения:

1. Регресс не является обязательной предпосылкой существования солидарности обязательств. На это прямо указано в п. 2 ст. 325 ГК РФ: «если иное не установлено соглашением между солидарными должниками и не вытекает из отношений между ними».

В современном российском праве возможны случаи солидарности обязательств без предоставления регресса¹²³. Ответственность только одного солидарного должника во внутренних отношениях может наступать также и при солидарных обязательствах, прямо поименованных в законе в качестве таковых, поскольку в силу диспозитивности норм о регрессе у участников обязательства сохраняется возможность договориться об ином.

Установление между обязательствами солидарности решает вопрос, сколько причитается кредитору, оставляя открытым регулирование распределения бремени исполнения между должниками.

Отметим, что ошибку смешения внешних и внутренних отношений солидарных должников допустил ФАС Московского округа в постановлении от 22.01.2014 по делу № А40-46800/13-143-441. Он не признал солидарными должниками страховщика по договору страхования, заключенному с потерпевшим, и страховщика по договору страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, заключенному с виновником ДТП, на том основании, что между страховщиками отсутствует регрессное обязательство согласно ст. 325 ГК РФ, и лишил потерпевшего права требова-

¹²³ См., напр., постановление Президиума ВАС РФ от 14.05.2013 № 16229/12, в котором указано, что внутренние отношения солидарно отвечающих юридических лиц, которые образовались в результате реорганизации, определяются в соответствии с разделительным балансом.

ния по одному из договоров. Аналогичную позицию высказал Волгоградский областной суд в апелляционном определении от 27.03.2015 по делу № 33-3485/2015.

2. Регрессное требование возникает у солидарного должника только в случае, если он исполнил кредитору обязательство в размере большем, чем его внутренняя доля¹²⁴. Например, если А и Б солидарно должны С 100 руб., то регресс А к Б возникнет только в случае, если А выплатит С больше 50 руб. в размере, превышающем эту часть. Например, если А выплатит 60 руб., то он может взыскать с Б 10 руб. Такой подход исключает множество дополнительных споров при частичном исполнении одним из солидарных должников обязательства. Кроме того, он соответствует случаям, когда во внутренних отношениях бремя исполнения должен нести только один из солидарных должников. В частности, распространяется на случаи, когда ответственность за один и тот же вред несут договорный и деликтный должники. Например, если по неосторожности хранителя у него украдена вещь, то перед поклажедателем отвечают одновременно и хранитель, и вор. Во внутренних отношениях на вора должны лечь все убытки. Следовательно, если возмещение осуществит хранитель, он сможет в полном объеме взыскать его с вора, если же поклажедателю уплатит вор, то он не будет обладать регрессным требованием к хранителю.

3. В регрессное требование включаются расходы, которые понес исполнивший солидарный должник. Такой подход соответствует системному толкованию ст. 325 и ст. 309.2 ГК РФ.

---

124 О господстве такого подхода в европейском праве см.: Майер С. Множественность должников в европейском договорном праве // Вестник гражданского права. 2014. № 3.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Оглавление

Предисловие	2
Глава I. Комментарий к постановлению Пленума Верховного суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»	3
Общие положения о сделках (п.п. 50–59, 61–64, 66–68)	3
Недействительность сделок (п.п. 7, 8, 70, 71, 73–75, 76–78, 83, 85–88)	21
Глава II. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»	56
Общие положения об ответственности и о возмещении убытков (п.п. 1–10)	56
Возмещение убытков при прекращении договора (ст. 393.1 ГК РФ) (п.п. 11–14)	71
Возмещение потерь по правилам статьи 406.1 ГК РФ (п.п. 15, 17, 18)	76
Ответственность за недобросовестное ведение переговоров (ст. 434.1 ГК РФ) (п.п. 19–21)	80
Ответственность за неисполнение обязательства в натуре (п.п. 22–25, 27–31)	87
Глава III. Комментарий к постановлению Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»	100
Отказ от исполнения договора (п.п. 10–16)	100
Исполнение обязательства третьим лицом (п.п. 20–22)	109
Альтернативные и факультативные обязательства (п.п. 42–48)	116
Солитарные обязательства (п.п. 49–53)	121

Как сделать журнал в два раза удобнее?

Добавьте к бумажной версии электронную. Вы сможете читать «Арбитражную практику для юристов» с любого устройства.

Узнайте, как получить комплект по специальной цене:
8-800-550-15-98

Не забудьте сообщить менеджеру, что у Вас есть текущая подписка на журнал

Тололаева Наталья Владимировна

Признание сделки недействительной и ответственность по договору: разъяснения ВС РФ

ИЗДАТЕЛЬ

ООО «Акция кадры и право»

«АКЦИОН» **МЦФЭР**

Адрес издателя: 101000, г. Москва, Чистопрудный б-р, д. 11, стр. 1

Адрес редакции: 127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А, стр. 8, офис 604

Телефон: (495) 967-86-25

Отдел подписки: 8 (800) 550-15-98 (звонок бесплатный)

Издатель: Чубарева Ольга

Главный редактор журнала «Юрист компании»: Ивакина Мария

Литературный редактор: Иванова Ирина

Руководитель отдела маркетинга: Дадаева Наталия

Арт-директор: Игнаткина Елена

Ответственный секретарь: Брыкова Екатерина

Обложка: Варданын Гегам

Верстальщик: Рубилкин Александр

Подписано в печать 05.06.2017

Отпечатано в ООО Типография «Четыре точки»

123007, г. Москва, Хорошевское ш., д. 38, стр. 45

Тираж 25 000 экз.

Книга не подлежит продаже. Распространяется как подарок подписчикам журналов «Юрист компании» и «Арбитражная практика для юристов»

© ООО «Акция кадры и право»

Полное или частичное воспроизведение или размножение каким-либо способом (в том числе в сети «Интернет») материалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения издательства.

КИНО для крутых ЮРИСТОВ СМОТРЕТЬ БЕСПЛАТНО ОНЛАЙН

ВАС ЖДУТ:

САМЫЕ ПОПУЛЯРНЫЕ ЖАНРЫ — ОТ УГОЛОВНОГО ДО КОРПОРАТИВНОГО

БОЛЬШЕ 300 ЧАСОВ ОТБОРНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО КОНТЕНТА

АЛЛЕЯ СЛАВЫ ИЗ КАНДИДАТОВ И ДОКТОРОВ НАУК

НАГРАДА СЛУШАТЕЛЮ АКАДЕМИИ ЗА КАЖДЫЕ 3 ВИДЕО

СПЕЦЭФФЕКТЫ: РАСЧЕТЧИК НЕУСТОЙКИ, КАЛЬКУЛЯТОР ГОСПОШЛИНЫ,
ПОДБОР ВАКАНСИЙ, РАСЧЕТЧИК КАЛЕНДАРНЫХ ДНЕЙ

URACADEMY.RU

Автор книги

ТОЛОЛАЕВА
Наталья Владимировна,

магистр юриспруденции,
выпускница РШЧП, участник
рабочих групп по подготовке
постановлений Пленума ВС РФ
по гражданскому праву

